This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

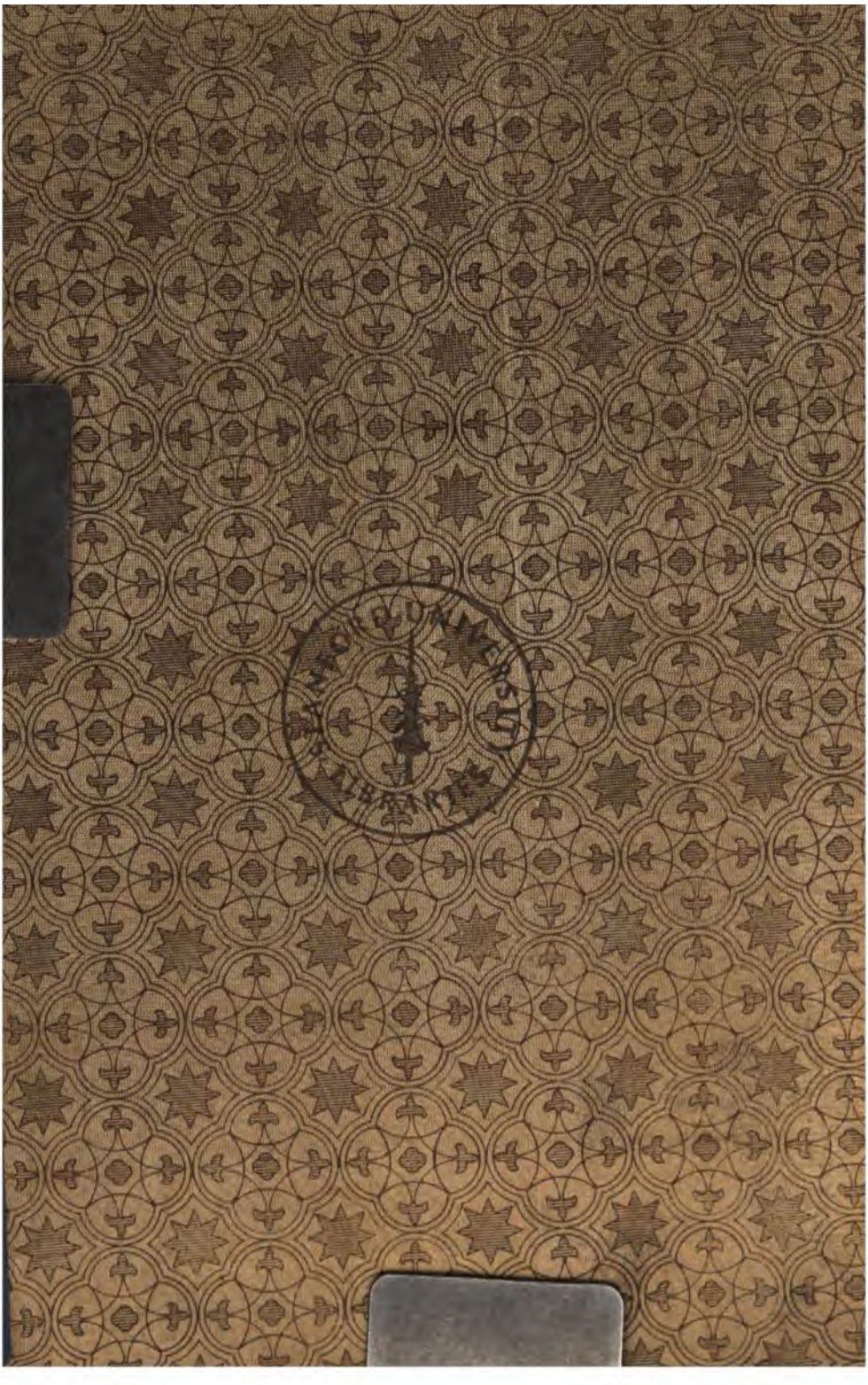
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

По Русским Хозяйствам

Шарапова


STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

/79

Сергѣй Ѳ. Шараповъ

По русскимъ хозяйствамъ

Москва
1893 г.

1893

ПО РУССКИМЪ ХОЗЯЙСТВАМЪ

Изданіе А. Г. Кольчугина.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ А. Г. Кольчугина, Волхонка,
д. Воейковой въ Москвѣ.

Сергѣй Ѳ. Шараповъ

ПО РУССКИМЪ ХОЗЯЙСТВАМЪ

Путевыя письма изъ лѣтней поѣздки 1892 года въ газету „Новое Время“
ПОПОЛНЕННЫЯ И ПЕРЕСМОТРѢННЫЯ

ХОЗЯЙСТВА СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ

МОСКВА
Типографія А. Г. Кольчугина, Волхонка, д. Воейковой
1893.

Отъ автора.

Въ настоящемъ изданіи собраны путевыя письма, печатавшіяся съ іюня по ноябрь этого года въ „Новомъ Времени“ и представляющія краткій отчетъ о нѣсколькихъ моихъ поѣздкахъ, сдѣланныхъ по сѣверной части нашей средней полосы. Поѣздки эти были предприняты съ двоякой цѣлью: во-первыхъ, самому поучиться на хорошихъ образцахъ русскихъ хозяйствъ; во-вторыхъ, видѣнное и слышанное разсказать не только товарищамъ-хозяевамъ, но и городской публикѣ, которая интересуется сельскимъ хозяйствомъ и деревнею вообще гораздо больше, чѣмъ это полагаютъ.

Хозяйничая самъ въ средней Россіи, я, разумѣется, съ нея и началъ, стараясь прежде всего посмотрѣть и описать то, что можетъ интересовать хозяевъ этой полосы. Объ ихъ вкусахъ и степени ихъ любопытства я могъ приблизительно судить по себѣ. Я садился на хозяйство также какъ и всѣ мы грѣшные, неопытный, неподготовленный.

VI.

Оглядываясь назадъ, на четырнадцать лѣтъ моего самостоятельнаго земледѣлія, могу лишь съ грустью покаяться въ великомъ грѣхѣ: сдѣлай я вотъ эти экскурсіи четырнадцать лѣтъ назадъ, отъ какого множества ошибокъ былъ-бы я предохраненъ! Подумать стыдно: такое огромное, такое многостороннее дѣло, какъ хозяйство, имѣющее десятки отраслей тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ, непосредственно другъ отъ друга зависящихъ, мы начинаемъ обыкновенно „на ура“, безъ всякой подготовки. Читаемъ безъ разбора глупыя и умныя книжки, выписываемъ машины и сѣмяна, довѣряясь первой рекламѣ, или разговору въ вагонѣ, и въ концѣ концовъ выдумываемъ, добиваемся до всего сами, изобрѣтаемъ порохъ, открываемъ Америку. Конечно, ошибки громоздятся на ошибки, приходится все перелаживать, передѣлывать, пока наконецъ не явятся опытность и знанія, а въ это время капиталы уже истрачены, постройки сдѣланы неподходящія, скотъ заведенъ не тотъ, который нуженъ, полеводство не соотвѣтствуетъ скотоводству, негодныхъ машинъ полны сараи. А земельные банки не ждутъ: подай проценты и погашеніе! И радъ-бы землевладѣлецъ сдѣлать иначе, лучше, перестроить наконецъ хозяйство по настоящему,—увы! нѣтъ средствъ.

Исторія моихъ личныхъ работъ, ошибокъ и всякихъ пережитыхъ на хозяйствѣ мытарствъ составитъ предметъ особаго труда, уже мною начатаго. Да, я пережилъ все это и въ каждую поѣздку, осматривая какое нибудь хозяйство, или произ-

водство, могъ только вздыхать: ну что-бы пріѣхать посмотрѣть раньше! А я-то что дѣлалъ? Вотъ какъ люди дѣлаютъ: и просто, и цѣлесообразно, и выгодно....

И за собою чувствовалъ я такіе-же вздохи моихъ товарищей-хозяевъ, которые, какъ и я, садились на хозяйство, одни со знаніемъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ сигналовъ и командъ, другіе, изучивъ римское право, или исторію литературы. Всѣ, всѣ продѣлывали то-же, что и я, а многіе еще и хуже. Я все-таки родился и выросъ въ деревнѣ и никогда съ нею связи не порывалъ.....

Ничто такъ не забыто, ничто такъ не заброшено у насъ на Руси, какъ сельское хозяйство. Никакой тенденціи при писаньи этихъ писемъ у меня не было, я записывалъ то что видѣлъ, а въ общемъ тенденція сама собой выступаетъ: чувствуется чья-то тяжкая вина передъ сельскимъ хозяйствомъ, благодаря которой столько силъ, труда и средствъ тратится даромъ, столько энергіи истощается въ безплодныхъ попыткахъ и столько землевладѣній гибнетъ наконецъ подъ бременемъ подрывающихъ средства ошибокъ. Чья вина въ самомъ дѣлѣ? Почему такого-то учили сигналамъ, или морили въ канцеляріи вмѣсто того, чтобы выработать изъ него просвѣщеннаго сельскаго хозяина? Чья вина, что у насъ нѣтъ сельскохозяйственнаго образованія ни низшаго, ни средняго, ни высшаго? Вѣдь то, что было въ этомъ смыслѣ— было очень плохо. Это торжественно признало само государство, закрывая единственное почти

высшее сельскохозяйственное заведеніе—Петровскую Академію.

Все это такіе вопросы, на которые не дашь скоро отвѣта. Можно-ли спорить противъ того, что сельскіе хозяева у насъ напоминаютъ заброшенныхъ сиротъ, не имѣющихъ ни защиты, ни прибѣжища, ни возможности научиться, ни точки опоры въ трудную минуту? Я ужъ и не говорю о крестьянствѣ. Для тѣхъ совсѣмъ ничего, я говорю про личныхъ владѣльцевъ. Представьте себѣ мысленно человѣка осужденнаго начинать самостоятельное хозяйство. Земля, кредитъ въ банкахъ, нѣкоторыя внѣшнія заботы (судъ, полиція, тарифы, урегулированіе торговли) есть, а по существу его дѣла ровно ничего. Бери деньги, трать куда знаешь, а если надѣлаешь ошибокъ, пощады нѣтъ—прогоришь и уйдешь долой съ земли.

И нельзя сказать, чтобы государство не заботилось о землевладѣльцахъ. Внѣшнихъ заботъ не мало. Особенно порадѣли о дворянахъ. Хорошему, опытному, подготовленному хозяину внѣшнія условія благопріятны. Да что толку въ этомъ, когда этихъ хорошихъ подготовленныхъ хозяевъ совсѣмъ нѣтъ, а все ученики, все „образованные“ по-русски люди, т. е. господа, знающіе сигналы, или римское право? Для нихъ Дворянскій Банкъ, соловекселя и все прочее не помощь, а петля, потому что не будь у нихъ денегъ, повели-бы хозяйство по-старому, по Божьему, а тутъ выписали книжекъ, начали строить, заводить машины, скотъ...

Но кромѣ незнанія и неопытности, у насъ есть

еще и другая, горшая бѣда. Съ 19 февраля 1861 года русское хозяйство бьется и не можетъ найти своихъ идеаловъ, не можетъ отлиться въ національную форму и стать прочнымъ въ нравственномъ смыслѣ. Вотъ гдѣ истинное бѣдствіе! Европейская grande culture немыслима безъ *кнехта*, безземельнаго работника, а великорусская община именно затѣмъ и стоитъ, чтобъ этаго работника не давать. Съ другой стороны сама община безъ интеллигентной личной иниціативы задыхается въ старыхъ, отжившихъ формахъ культуры и ничего, кромѣ хищничества, не даетъ.

Гдѣ тутъ выходъ? Какъ соединить интеллигентную силу личнаго землевладѣльца съ трудовой силой крестьянскаго міра, какъ создать между ними гармонію, вмѣсто нынѣшней борьбы?

А безъ этого будетъ безполезно и безплодно самое лучшее культурное начинаніе.

Этотъ вопросъ на основаніи моего четырнадцатилѣтняго опыта посильно выясненъ мною и о немъ будетъ подробно разсказано въ исторіи моего личнаго хозяйства, а пока возвращаюсь къ моимъ путешествіямъ.

Хорошій это, почти единственный способъ для молодаго хозяина—поѣхать поучиться на практикѣ, но онъ у насъ совсѣмъ не принятъ, и при томъ стоитъ не дешево. Да и куда ѣхать? Ну Энгельгардтъ, ну Верещагинъ, а затѣмъ что? Прочтите мои письма и вы увидите, какъ эту русскую культуру разыскивалъ я точно иголку въ сѣнѣ, по слухамъ, по распросамъ. Все это подъ спудомъ,

все это молчитъ, и никто не знаетъ даже, кого и о чемъ спросить, какой взять маршрутъ.

Вотъ почему во все время пути я не выпускалъ изъ ума моихъ товарищей, среднерусскихъ хозяевъ, смотрѣлъ на все, такъ сказать, ихъ глазами, распрашивалъ такъ, какъ они-бы стали разспрашивать, и не пропускалъ ни одной практической, т. е. важной *для нихъ* подробности, разумѣется, насколько позволяло мѣсто, великодушно предоставленное мнѣ „Новымъ Временемъ."

Я старался посмотрѣть каждое дѣло въ его лучшихъ образцахъ. Вѣрно-ли я нашелъ эти образцы, не знаю. Во всякомъ случаѣ мною руководила лишь одна мысль: добросовѣстно передать, что̀ видѣлъ и постараться увидать то, что́ нужно среднерусскому хозяину.

Думаю, что это не конецъ работѣ, прерванной наступленіемъ зимы, когда въ хозяйствахъ смотрѣть нечего. Я далеко не кончилъ еще среднерусскаго хозяйства: у меня не напечатана еще часть послѣдней поѣздки, обнимающая птицеводство, нѣмецкія колоніи и постановку дѣла въ одной изъ выдающихся сельско-хозяйственныхъ школъ. Затѣмъ хотѣлось-бы точно также осмотрѣть русскій югъ и окраины, чтобы закончить все вмѣстѣ параллельнымъ обзоромъ хозяйствъ заграничныхъ.

Удастся-ли все это осуществить и скоро-ли, не знаю, а пока издаю въ переработанномъ и пополненномъ видѣ первыя сорокъ пять писемъ. Прошу моихъ товарищей-читателей не относиться къ нимъ

слишкомъ взыскательно въ смыслѣ обстоятельности и полноты, что́ я хотѣлъ-бы искупить по крайней мѣрѣ хорошею цѣлью и полною добросовѣстностью.

Буду счастливъ, если эта книжка обратитъ на себя вниманіе тѣхъ, кто обязанъ пещись о русскомъ земледѣліи. Пусть не смутятъ ихъ невольно вырывавшіеся изъ подъ пера упреки. Позаботиться о сельскомъ хозяйствѣ и его дѣятеляхъ никогда не поздно, вознаградить упущенное вполнѣ возможно...

Поставленный впереди отрывокъ изъ частнаго письма о путешествіяхъ по Россіи никакого отношенія къ сельскому хозяйству не имѣетъ, но онъ освѣщаетъ другую сторону моей поѣздки, и мнѣ было жалко его откинуть. Слишкомъ уже односторонне-утилитарны были-бы безъ него мои письма. Надо немножко и невещественнаго...

Посвящаю этотъ трудъ

моимъ

Товарищамъ-Хозяевамъ.

Авторъ.

Нѣсколько словъ о путешествіяхъ по Россіи.

(Изъ письма къ А. М. Г.***).

Одинъ изъ петербургскихъ сановниковъ, выѣхавъ въ провинцію, публично сказалъ собравшимся подчиненнымъ, что онъ послѣ каждой поѣздки по Россіи становится умнѣе. Надъ этой откровенностью смѣялись въ бюрократическихъ гостинныхъ. Но сановникъ глубоко правъ. Всякая поѣздка въ новыя мѣста полезна и поучительна, поѣздка по Россіи въ особенности, а поѣздка въ глубокую сельскую, а не городскую Русь — да это прямо школа, и великая школа...

Много я на своемъ вѣку ѣздилъ, особенно по чужимъ краямъ, но ни одна моя поѣздка не давала мнѣ такого полнаго и великаго нравственнаго удовлетворенія и не расширяла такъ кругозора, какъ нынѣшняя. Въ эту поѣздку я, смѣшно сказать, убѣдился, что Россія есть, не та Россія, которую мы изучали по географіи, а та Россія, которая живетъ у каждаго изъ насъ въ сердцѣ, но только иногда съ малолѣтства заглушается разными сорными травами, совершенно ее заслоняющими.

Вотъ какіе выводы напрашиваются сами собою. Избѣгалъ я чуть не всю Европу и вездѣ, кромѣ Венгріи и Сербіи (я бы сказалъ „славянскихъ земель“ вообще, но удержусь. Внѣшняя обстановка въ Австріи и нынѣшней Болгаріи очень ужь скверная и противная) чувствовалъ себя чужимъ. Въ западно-европейской жизни и обстановкѣ есть идея, есть своеобразный планъ. Почва насквозь историческая, и это производитъ на чужаго подавляющее впечатлѣніе. Васъ поражаетъ этотъ огромный объемъ труда длиннаго ряда поколѣній, одно

другому почти не противорѣчившихъ. Богатства матеріальныя скоплены рядомъ съ богатствами духовными, и гордость отъ этого культурнаго могущества свѣтится на всѣхъ лицахъ. Да и какъ-же не гордиться Нѣмцу, Французу, Итальянцу, Англичанину, особенно послѣднему? Онъ съ молокомъ матери всасываетъ извѣстныя историческія воззрѣнія, положительныя, или отрицательныя, но непремѣнно національныя. Самъ того не замѣчая, западный человѣкъ, утративъ вѣру въ абсолютное, создаетъ себѣ изъ національности и родины почти новую религію, и какъ вы ни протестуйте, этотъ суррогатъ настолько могущественъ, что даетъ даже этику сносную, даже отъ большихъ безумій спасаетъ. Нѣмецкіе анархисты какъ ни усиливаются сбросить нѣмецкую кожу, французскіе какъ ни выходятъ къ нимъ на встрѣчу (на словахъ),— а историческаго воздуха и воспитанія не одолѣть имъ и не слиться воедино. А вѣдь ужь, кажется, анархисты-то освободились отъ излишнихъ національныхъ пристрастій!

Какимъ убогимъ, какимъ бездомнымъ, чужимъ чувствуешь себя на Западѣ! Отъ этого-то и гнететъ онъ душу. Англичанинъ въ Парижѣ, въ Италіи, повсюду, какъ рыба въ водѣ. Онъ за версту виденъ, онъ привезъ съ собой и англійскія панталоны въ клѣтку, и Бедекера, и красный зонтикъ, и свою атмосферу, которая окружаетъ его, словно воздухъ земной шаръ. Нашъ братъ, который „тѣломъ Русскій, но духъ коего принадлежитъ коронѣ французской", являясь въ Европу, старается прежде всего обезличиться, приладиться къ средѣ и стать похожимъ на туземцевъ. Въ Вѣнѣ онъ говоритъ на weanerisch'діалектѣ и пьетъ пиво, въ Парижѣ грассируетъ иногда удивительно хорошо и держитъ себя кровнымъ Парижаниномъ, въ Римѣ ходитъ чуть не въ халатѣ, повсюду стремится показать, что ему привольно и хорошо, а между тѣмъ, внутри его грызетъ тоска и зависть. Самый лучшій, самый интеллигентный изъ насъ все-таки чувствуетъ себя немножечко прохвостомъ, подлизывается къ туземцамъ, заискиваетъ, чувствуетъ ихъ надъ собою превосходство и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ презираетъ. Разберитесь-ка въ этомъ!

Я отчетливо чувствовалъ это, но не могъ разобраться и выяснить этого ощущенія вплоть до нынѣшней поѣздки. Теперь соображаю: ихъ превосходство — незыблемая историческая почва. Сидитъ человѣкъ, словно пчела въ ульѣ на своемъ соту, сидитъ и радуется, что онъ Итальянецъ, Испанецъ и т. д. Намъ остается только завидовать. Мы безъ почвы. Вообразите себѣ интеллигента (не изъ клики „Московскихъ Вѣдомостей“, конечно), который-бы возгордился, что онъ Русскій! Нѣтъ такихъ, да и гордиться нечѣмъ, почвы подъ ногами нѣтъ; не Петромъ-же, не Санктъ-Петербургомъ-же намъ гордиться! Вѣдь Петербургъ только и великъ (дѣйствительно великъ) отрицаніемъ исторіи, вѣдь подвигъ Петра только и состоялъ, что въ великомъ насиліи надъ этой исторіею. Куда ни сунешься — иностранецъ васъ за фалды: permettez! За Петромъ — Лефортъ, Брандтъ и яже съ ними, за Александромъ I — Лагарпъ, даже въ новѣйшія времена пытались трудиться для Россіи гг. Шедо-Феротти, Митчели и другіе, а покойный И. С. Тургеневъ, нашъ современникъ, далъ однажды рекомендательное письмо ѣхавшему въ Петербургъ и Москву совершенно блажному Французу, который сочинилъ ни меньше ни больше, какъ проектъ русской конституціи...

А наша литература, наше воспитаніе? Не съ малолѣтства ли, пріучая насъ болтать по французски, внушали намъ невольно, что французскій языкъ это нѣчто благородное, а русскій — плебейское низменное? Не съ самаго-ли начала этого вѣка (да и раньше еще, ибо уже Фонвизинъ смѣялся надъ нашей иностранщиной) и вплоть до нашихъ дней вся литература русская, кромѣ славянофиловъ, славословитъ ту, или другую сторону западной жизни, западную мысль, западную науку, искусство, западную культуру вообще? Развѣ наше самозаушеніе, самооплеваніе окончилось?

Подите-ка, гордитесь при этихъ условіяхъ! Удивляться надо, что мы еще любимъ *иногда* эту Россію, еще болѣемъ о ней и работаемъ для нея. Я зналъ Испанца, который не только Сервантесомъ и Лопе-де-Вегой гордился, но даже

Торквемадой и Филиппомъ II. Я говорю ему, что за Торквемаду Испаніи вѣчный стыдъ, а онъ на ломаномъ французскомъ языкѣ отвѣчаетъ: ah, mon bon monsieur, c'étaient des caractères! Тогда возгордился и я и говорю: этакіе-то характэры есть и у насъ, Іоаннъ Грозный, напримѣръ, чѣмъ не caractère? А Никонъ въ pendant къ Торквемадѣ?

Легонькое презрѣніе наше къ Европейцу вотъ откуда: мы чувствуемъ его ограниченность сравнительно съ нами. На этомъ Достоевскій развилъ свое удивительное воззрѣніе и лучше выяснилъ на Пушкинѣ эту черту русскаго человѣка (всеобъемлемость и всевоплощаемость), чѣмъ всѣ славянофилы. Жаль, что Достоевскій не зналъ Мадьяръ и мало зналъ Поляковъ и Сербовъ. Вотъ наши родные братья по ширинѣ души и, пожалуй, по той универсальности, съ которою мы такъ легко прилаживаемся ко всѣмъ племенамъ обстановкамъ и языкамъ.

Но я началъ собственно не объ этомъ, а о своихъ путешествіяхъ и вынесенныхъ впечатлѣніяхъ. Путешествуя по Европѣ, каюсь, и я порою, особенно въ юные годы, изображалъ собою довольно типичнаго „просвѣщеннаго“ Россіянина. Долго я не могъ отдѣлаться ни отъ указанаго выше легкаго подобострастія и прилаживанья къ мѣстности, ни отъ этой зависти. Еслибъ вы только знали, до чего страдалъ я нравственно по этому отсутствію во мнѣ историческихъ устоевъ, историческаго воспитанія, по этому недостатку внутренняго стального прута существующаго въ каждомъ Французѣ, Нѣмцѣ, а у Англичанина представляющаго не прутъ, а цѣлую жердь. Гнется человѣкъ во всѣ стороны, какъ неподвязанный плющъ и, какъ плющъ-же, можетъ вытянуться Богъ знаетъ куда, вырости въ цѣлое Gurkenbaum по несравненному нѣмецкому выраженію. Оглядывался я мысленно на матушку Россію и ничего тамъ не видалъ. Почва несомнѣнно историческая есть и у насъ, объ этомъ мы еще по Иловайскому знаемъ, но я, да и всѣ мы совсѣмъ, какъ-будто, лишены съ нею связи. Возьмите Москву, Кіевъ. Бывали вы въ Кремлѣ на пасхальную заутреню? Единственный моментъ, когда Кремль

живетъ. А обратите вниманіе на фланирующій десятокъ тысячъ публики на площади. Все это Нѣмцы, Евреи, Поляки, или россійскіе интеллигенты, привлеченные не историческимъ чувствомъ, не православнымъ торжествомъ (и то и другое достояніе „сѣрой публики“ наполняющей соборы), а самымъ обыкновеннымъ любопытствомъ, точно такимъ, съ какимъ вы присутствуете въ Кельнѣ, или Ахенѣ на католической процессіи. Совершенно одинаково и для насъ, и для иностранцевъ, Кремль—музей. Онъ ровно ничѣмъ не связанъ съ современностью, какъ и его диковинки—царь-пушка и царь-колоколъ. Онъ крупная нравственная величина, но величина отставленная, упраздненная. Вы чувствуете, что, напримѣръ, слова: „вдохновеніе Кремля“, „историческій воздухъ въ этихъ стѣнахъ“ и пр. и пр. суть не болѣе, какъ реторическія фигуры, очень красивыя и полезныя для газетной статьи и только. Москвѣ не здѣсь. Современная Москва—это Эрмитажъ, пассажи, театръ Лентовскаго, циркъ Соломонскаго археологическій конгрессъ, психіатрическія клиники, засѣданіе психологическаго общества, Омонъ, скачки, диспутъ въ университетѣ, Цукки, холера, новый полиціймейстеръ, канализація.... Кремль хорошо сохраненъ, но посмотрите на костюмы нѣвчихъ, прислуги во дворцахъ и пр. и пр. Это уже новыя наслоенія. А кругомъ Европа! Еслибъ не московскія маленькія церковки да не кривыя улицы, Москва давно приняла-бы и внѣшній, архипошлый видъ конца европейскаго города. Только и уступки „русскому духу“ — нѣсколько построекъ, довольно нескладныхъ, будто-бы въ русскомъ вкусѣ. Спасибо и за то...

Кіевъ гораздо ярче. Его Лавра живой народный центръ; она стоитъ въ сторонѣ отъ нашей цивилизаціи и сохраняется самимъ народомъ. Но обратите вниманіе: Лавра вѣдь за городомъ. Это совсѣмъ особый міръ, въ публичной жизни Кіева почти не участвующій. Здѣсь скромныя молчаливыя сѣрыя толпы богомольцевъ, безпрерывно мѣняющіяся и никакой культурной и политической силы собою не изображающія. Современный интеллигентъ можетъ безошибочно оцѣнить ихъ не дороже, чѣмъ стадо галокъ, или гнѣздо муравьевъ, такъ ничтожно

ихъ значеніе въ городѣ, въ странѣ, въ исторіи. Вмѣстѣ съ ними также мало внѣшнее культурное и политическое значеніе Лавры.

Все значеніе въ современной жизни принадлежитъ городу. А что такое современный Кіевъ? Красивый и благоустроенный европейскій городъ, такой-же прямолинейный, чистый и оффиціально-красивый, какъ и другіе европейскіе города. Если въ немъ есть какая-нибудь оригинальность, то это чудная мѣстность и опять все та-же упраздненная и отставленная старина. Какимъ упрекомъ звучатъ эти, поперекъ дороги стоящія, Золотыя ворота съ ихъ священными кирпичами наряду съ пролетающими на резиновыхъ шинахъ ландо и пролетками! Какая тоскливая однообразная всепошлость магазиновъ, троттуаровъ, кіосковъ, дамскихъ модъ, мужскихъ пиджаковъ и шляпъ, садовыхъ рѣшетокъ и балконовъ, газовыхъ фонарей и всякихъ Шато-де-флеровъ! Европейская цивилизація рабская, скопированная, начиная отъ уличнаго кафе и кончая разбойничьимъ счетомъ „отеля“, такъ и кружится надъ вами. Но если эта цивилизація привлекательна и интересна *въ оригиналѣ*, гдѣ-нибудь въ Парижѣ, Римѣ и пр. и пр., то въ Кіевѣ это мерзость, каррикатура, безвкусіе, словно какой-нибудь, „супремъ де валяй“ (suprême de volaille) въ трактирѣ уѣзднаго города Лебедяни.

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ даже гостиницы оригинальны. Не тѣ постели, service, не та обстановка въ каждомъ городѣ. У каждаго свое, собственное, выросшее изъ почвы. Наши „лучшія“ гостинницы безличны, какъ вѣнскія, или берлинскія, но онѣ еще хуже: это копія съ копіи. Я помню, какъ я блаженствовалъ въ первый разъ, накрывшись пуховикомъ въ холодномъ нумерѣ Познани. Это было прескверно, но необыкновенно оригинально. Вообразите-же себѣ теперь двадцать остановокъ въ русскихъ „отеляхъ“, двадцать шаблонныхъ „нумеровъ“, пружинныхъ матрацовъ, байковыхъ одѣялъ, двадцать меню съ одними и тѣми-же блюдами, по одной и той-же цѣнѣ, одинаково заправленныхъ маргариномъ, двадцать корридорныхъ съ одинаковыми рожами и въ одина-

ково истертыхъ фракахъ, двадцать швейцаровъ, двадцать счетовъ одного формата, направленія и содержанія. Господи, какъ это все арестантски-однообразно! Вы проѣдете двадцать губернскихъ городовъ и, кончивъ поѣздку, навѣрно, перепутаете ихъ между собою. Ни одинъ не оставитъ малѣйшей яркой, оригинальной черточки въ душѣ. Только и различаешь ихъ мысленно остатками старины, рѣкой, или горой. Сравнять ихъ, истребить, подстричь, вытянуть въ струнку нѣтъ силъ у нашей цивилизаціи.

И такова судьба этого обезьянства: безличіе, безвкусіе, тоска, арестантское однообразіе! Даже вагоны, даже шлагбаумы на переѣздахъ выкрашены по всей Россіи въ одинаковые цвѣта согласно такому-то приказу министерства Путей Сообщенія...

Какъ красива, напримѣръ, Одесса! Но поживите въ ней мѣсяцъ, и если вы человѣкъ со вкусомъ, вамъ, навѣрно, захочется повѣситься отъ этого ноющаго однообразія прелестныхъ зеленыхъ акацій, прямыхъ улицъ, копирующихъ одна другую и широкихъ троттуаровъ. По моему, Одесса квинтъ-эссенція завозной пошлости на русской почвѣ. Аракчеевскія военныя поселенія перебунтовались, кажется, исключительно съ тоски, потому что ихъ основатель выстроилъ нѣсколько сотъ совершенно одинаковыхъ домовъ, вытянулъ ихъ на равныя дистанціи по прямой линіи; хоть утопись съ тоски! И вотъ мужики-солдаты, кроткіе и добрые сами по себѣ, дошли до самаго послѣдняго звѣрства во время бунта. Откуда это? Да вѣдь это то-же самое чувство, только въ крайнемъ проявленіи, которое испытываетъ путешествующій по Россіи.

До сихъ поръ я путешествовалъ главнымъ образомъ по новой, описанной у Бѣлоха въ географіи, Россіи и больше по губернскимъ городамъ. Въ прошломъ году, напримѣръ, объѣхалъ все Поволжье и имѣлъ дѣло съ земствами, чиновниками и цифрами. Все это однообразно, какъ песокъ морской, и я положительно тосковалъ съ моими историческими и эстетическими вкусами. Даже губернаторовъ и тѣхъ началъ перепутывать, выдѣляя мысленно только двѣ дѣйстви-

тельно оригинальныхъ фигуры Баранова и Косича. Я приходилъ совсѣмъ въ отчаяніе и дошелъ до того, что въ головѣ мелькнула мысль: будь я странствующимъ приказчикомъ, я непремѣнно или-бы спился, или обокралъ своего хозяина, такъ себѣ, съ тоски.

Да, совсѣмъ, совсѣмъ я отчаялся. Переживаемый истори ческій періодъ до такой степени насъ переформировалъ и обезличилъ, что оригинальныхъ людей совсѣмъ не видать. Помните щедринскій очеркъ „Въ кукольномъ царствѣ"? „Словно, говоритъ, сквозь всѣхъ одна веревка протянута". „Всталъ одинъ, и всѣ встали, легъ,—всѣ легли". „Страшная вещь — кукла! Конца края нѣтъ кукольному царству. „Мучаютъ тебя, терзаютъ, издѣваются". „Въ послѣднее время пробовалъ-было я сердца имъ вкладывать". „Тутъ, говоритъ Щедринъ," увидалъ я цѣлую коробку маленькихъ картонныхъ сердецъ; на каждомъ было отпечатано: цѣна сему сердцу адна капекъ". Право, ни одинъ изъ великихъ поэтовъ не возвышался до подобнаго безъисходнаго отчаянія. Вѣдь эти копеечныя сердца — наши собственныя дряблыя сердца, воспитанныя въ этомъ ужасномъ современномъ воздухѣ... прилаженныя къ современной главной задачѣ: выстроить все по ранжиру, все сдѣлать однообразно-форменнымъ, подстричь, какъ акацію, всякую жизнь, всякую оригинальность въ людяхъ.

Каюсь, не видалъ я *другой* Россіи. Есть вокругъ меня въ Сосновкѣ, напримѣръ, Россія подлинная, внѣкультурная, народная, но она еще больше способна привести въ отчаяніе. Ея оригинальность въ зародышѣ, облѣпленная грязью, задавленная бѣдностью, кабакомъ, недоимками, невѣжествомъ. Растутъ люди, какъ трава, выводятся, какъ галчата. У нихъ [illegible] нѣтъ ни преданій, ни историческаго воспитанія, имъ некогда [illegible]ать; а то, что въ нихъ вкладываетъ безъ заботъ сама природа, то губитъ нынѣшняя школа и кабакъ. Я самъ говорилъ и писалъ о народной мудрости, о народной правдѣ, этикѣ, но видалъ лишь ея признаки и больше догадывался. Я вѣровалъ здѣсь въ искренность и правду „славянофиловъ-отцовъ" но [illegible]енько закрадывались въ душу со-

мнѣнія. То, что говорили „отцы“, казалось мнѣ иногда чрезмѣрной идеализаціей дѣйствительности. Гдѣ видали они всю эту нравственную чистоту и правду, гдѣ сохранилась историческая почва, и вѣетъ историческій духъ, гдѣ этотъ русскій народъ, когда кругомъ цѣлыхъ триста шестьдесятъ четыре дня въ году свинство и свинство?

И вдругъ, вообразите себѣ, въ мое нынѣшнее путешествіе я увидалъ и эту историческую почву, и непрерывность исторической традиціи, и настоящихъ, свободныхъ русскихъ людей не вовсе обезличенныхъ нашей эпохой, и городъ не совсѣмъ похожій на европейскіе города въ скверной копіи, и русскую культуру, и русскіе характеры и, наконецъ, русскую чистоту и порядокъ. Право, это довольно для большого наслажденія...

Да, я наслаждался всѣмъ сердцемъ „въ землѣ Ростовской“, отдыхалъ душою среди Вологжанъ, остатковъ и потомковъ вольницы новгородской. Я увидалъ то, о чемъ мечталъ такъ пламенно. Нѣтъ, „jeszcze Polska nie zginęła“! Есть, есть у насъ историческая почва, на которой не *надъ нею*, а *изъ нея* преемственно, органически выросли новыя поколѣнія, родные дѣти и внуки коренныхъ строителей русской земли со всѣми недостатками и достоинствами оригинальнаго русскаго человѣка, только потертаго, но не обезличеннаго петербургскимъ періодомъ. Я видѣлъ ученаго археолога, торговца шорнымъ товаромъ и другого, владѣльца мануфактурной лавки. Ихъ имена навѣкъ будутъ связаны съ Ростовомъ Великимъ, который они не только спасли отъ обезличенія и исторической отставки, но поистинѣ воскресили. Видѣлъ сѣрыхъ мужиковъ, дававшихъ мнѣ по памяти историческія справки поднимавшіяся къ XIV и XV вѣкамъ. Видѣлъ чиновниковъ, значеніе коихъ не больше, чѣмъ значеніе ихъ скучныхъ занумерованныхъ литературныхъ произведеній, видѣлъ населеніе, не знающее недоимокъ, а потому и не ощущающее русскаго паническаго страха передъ краснымъ околышемъ. Видѣлъ, наконецъ, крестьянъ возвращающихся съ работы, умывающихся, переодѣвающихся и садящихся за чай истинными джентльменами..... А главное, видѣлъ подлинную, неискалѣченую живую

Русь, а не людей непомнящихъ родства, видѣлъ то, чѣмъ въ душѣ могу наконецъ гордиться передъ любымъ Англичаниномъ, или Французомъ.

Еслибъ вы знали, какой гимнъ Ростову Великому звучалъ у меня на душѣ, какой „красный звонъ“ раздавался тамъ! Вмѣсто этого гимна я промяукалъ довольно жалкую „корреспонденцію“. Гимнъ могъ легко попасть въ корзину... Вамъ понравилось и это мяуканье? Спасибо! Вы тоже не избалованы, какъ и я.....

Въ мое прошлогоднее путешествіе я видѣлъ земства, народію на самоуправленіе, чиновниковъ и цифры. Мужикъ на Поволжьѣ тотъ-же, что и у насъ, но еще жальче, грубѣе, еще болѣе забитъ крѣпостнымъ правомъ, повидимому не отмѣненнымъ тамъ и до сихъ поръ. Я боялся спускаться въ нижній этажъ Россіи. Мои вѣрованія и любовь были и такъ въ великой опасности. Теперь, спустившись въ этотъ нижній этажъ, я нашелъ, правда въ небольшомъ сравнительно углу Россіи, настоящую гражданственность, настоящую историческую почву, настоящихъ людей, устоявшихъ отъ растлѣвающаго и развращающаго вліянія, неузнаваемо изуродовавшаго въ эти полтораста лѣтъ остальную Россію. Ярославцевъ спасло ихъ природное шельмовство, слабость, отсутствіе „барина“ и собственные практическіе таланты, Вологжанъ— ихъ отдаленность отъ центровъ и лѣсная глушь.

Видѣлъ я и Великій Новгородъ, великую могилу оригинальнѣйшаго русскаго политическаго и соціальнаго творчества. Да, это могила. Слава Богу, что, благодаря проведенію Николаевской дороги въ сторонѣ, эта могила не очень загажена Европой. Широкія пустынныя улицы, бѣдные дома, захудалые обыватели, позабывшіе связь съ прошлымъ, захудалые чиновники..... Ничего не былъ въ силахъ создать на этой священной почвѣ петербургскій періодъ, и славныя тѣни носятся въ воздухѣ, не оскорбляемыя торжествомъ наглой и безстыдной современности.

До скораго свиданія, дорогой другъ. Восклицаю отъ чистаго сердца: Sursum corda! Еще мы живы и, дастъ Богъ, будетъ праздникъ и на нашей улицѣ.

P. S. Я не понималъ до Ростова и Вологды чуднаго стихотворенія Аксакова „Варварино“. Мнѣ оно казалось преувеличеннымъ. Ну можно-ли про Смоленскую, или Московскую деревню пѣть:

О чудный міръ земли родной,
Какъ полонъ правды ты разумной!
Великій міръ! Родимый міръ!
Ты бодръ (?) и мощенъ (?), какъ стихія,
Твоей лишь правдою (?) Россія
Преодолѣть возможетъ міръ
И свергнуть идолы чужіе.
Но часъ не близокъ: злая мгла
Вершины Руси облегла.

А про Вологду и Ростовъ можно, можно. Кстати, припомню вамъ ужь и конецъ:

Въ той безнародной вышинѣ
Родная мысль въ оковахъ плѣна;
Тамъ лесть и ложь царятъ вполнѣ
И червемъ вьется въ тишинѣ,
Подстерегая Русь, измѣна....
Но внемлетъ Богъ простымъ сердцамъ:
Сквозь смрадъ и чадъ всей этой плесни
Восходитъ съ долу ѳиміамъ,
Несется звукъ побѣдной пѣсни,
Поющей славу небесамъ.

Сосновка, октябрь 1892 г.

I.

У А. Н. Энгельгардта.

Предположенную мною поѣздку для обозрѣнія выдающихся русскихъ хозяйствъ, разумѣется, естественнѣе всего было начать съ Батищева, представляющаго въ культурномъ отношеніи едва-ли не самое важное русское хозяйство средней нечерноземной полосы. Важно оно потому, что здѣсь, послѣ долгихъ трудовъ и усилій, разрѣшенъ Энгельгардтомъ вопросъ о наилучшей среднерусской системѣ хозяйства, типичной для огромнаго района десяти, или пятнадцати губерній. Достигнутое здѣсь сполна поучительно и приложимо на всемъ пространствѣ Россіи, между Петербургомъ и Рязанью, съ одной стороны, и между Вяткой и Брестъ-Литовскомъ, съ другой. И не только приложимо, но, благодаря цѣлому ряду литературныхъ трудовъ Энгельгардта, и прилагается. Всякое среднерусское многопольное хозяйство (со льномъ) въ общихъ чертахъ подходитъ къ типу Батищева, а тѣ хозяйства, которыя основались, или возродились въ послѣреформенное время, безъ внесенія капиталовъ со стороны, однѣми внутренними силами, почти и совсѣмъ тождественны съ хозяйствомъ Энгельгардта. Онъ пробилъ дорогу, и хозяева двинулись за нимъ. Онъ выяснилъ научныя основы, связалъ рядъ эмпирическихъ попытокъ въ строгую теорію, и эта теорія стала азбукою среднерусскаго землевладѣльца. Путь оказался столь простымъ и вѣрнымъ, что нѣтъ почти ни одного реформированнаго по системѣ Энгельгардта хозяйства, которое бы оказалось впослѣдствіи несостоятельнымъ. А разрабатываемый имъ нынѣ и уже подходящій къ концу вопросъ о

минеральныхъ удобреніяхъ сдѣлалъ эти новыя хозяйства не только вѣрными и прочными, но и замѣчательно доходными. Не даромъ въ какихъ-нибудь восемь лѣтъ, прошедшихъ съ первыхъ опытовъ Энгельгардта надъ фосфоритами, потребленіе ихъ въ русскихъ хозяйствахъ стало выражаться сотнями тысячъ пудовъ, и въ числѣ потребителей являются уже и крестьяне, рѣшающіеся, какъ извѣстно, на нововведенія лишь безусловно вѣрныя, доказанныя съ полной очевидностью, и прибыльныя.

Въ Батищевѣ я не былъ нѣсколько лѣтъ. Въ послѣдній мой визитъ, еще при жизни покойнаго Ив. С. Аксакова, мы горячо спорили. Александръ Николаевичъ со свойственной ему страстностью возставалъ противъ моихъ статей печатавшихся въ „Руси“ и доказывавшихъ, что все наше спасеніе въ перестройкѣ хозяйства съ экстентивнаго на интентивное и въ переходѣ къ искуственнымъ удобреніямъ. Подъ вліяніемъ этого спора и было написано имъ послѣднее, заключительное „Письмо изъ деревни“. Его окончательный выводъ гласилъ: баринъ, продавай землю мужику и уходи. Твое земледѣліе есть пустое занятіе. Мужикъ истощитъ и выпашетъ эту землю, а когда настанетъ время, самъ собою совершится переходъ къ интентивной системѣ. Искусственныя удобренія—совершенные пустяки. Къ нимъ придется обратиться, можетъ быть, лишь черезъ очень долгое время, но не сейчасъ. Пока главное и первое: итти въ ширь, а не въ глубь, т. е. расширять крестьянское землевладѣніе.

Я доказывалъ совершенно обратное. Не въ ширь идти, а въ глубь, не прибавлять земли, а стремиться увеличить урожаи. Не уничтожать личнаго землевладѣнія, а помогать барину спѣться съ мужикомъ и идти съ обща, ибо одинъ безъ другого ничего не сдѣлаетъ. Поднять урожай невозможно безъ искусственныхъ удобреній, а потому поставить этотъ вопросъ на первый планъ.

Судьбѣ было угодно, чтобы меньше, чѣмъ черезъ годъ, мои воззрѣнія оправдались. Въ 1883 году началась разработка рославльскихъ фосфоритовъ, Энгельгардтъ сдѣлалъ

опыты и уже въ 1885 году стоялъ совершенно открыто сторонникомъ того взгляда, по которому фосфориты—единственная надежда и спасеніе и крестьянскаго, и владѣльческаго хозяйствъ. Какъ химикъ и хозяинъ, онъ сразу-же овладѣлъ новымъ движеніемъ и сталъ во главѣ его.

Какъ сейчасъ помню я эти споры среди прогулокъ по полямъ, споры, не кончавшіеся бывало и тогда, когда уже сидишь въ тарантасѣ и готовишься сказать ямщику „пошелъ“....

Пріѣхалъ я въ этотъ разъ, и сердце болѣзненно сжалось. Куда дѣлась могучая, здоровая фигура профессора-земледѣльца, безъ малѣйшаго напряженія выхаживавшаго бывало по полямъ тридцать-сорокъ верстъ въ день, при истинно-спартанской простотѣ жизни и обстановки? Передо мною былъ совершенно сѣдой старикъ, ослабѣвшій и осунувшійся, прикованный къ креслу жестокой одышкой и отекомъ ногъ, выдерживающій самую строгую діэту, сдавшій хозяйство дочери и ѣздящій на свои опыты, въ такъ называемой, „фосфоритной“ колясочкѣ, пріобрѣтенной въ числѣ другихъ предметовъ комфорта на тѣ 5,000 руб., которыми министерство Государственныхъ Имуществъ сочло справедливымъ наградить Энгельгардта за оказанныя имъ огромныя услуги русскому хозяйству.

Но на сколько немощна плоть, на столько-же бодръ духъ Александра Николаевича. Одышка не мѣшаетъ ни пламенной, живой, пересыпанной блестками юмора, рѣчи, ни поистинѣ юношескому вдохновенію, разъ разговоръ начинается о любимомъ предметѣ Энгельгардта, составляющемъ дѣло его жизни. Онъ не вѣритъ въ свою долговѣчность и тѣмъ напряженнѣе работаетъ дальше и дальше, разрѣшая, послѣ фосфоритнаго, вопросъ о клеверѣ и уже имѣя утѣшеніе выставить блестящіе практическіе результаты своихъ опытовъ.

Мы сидѣли на крылечкѣ маленькаго деревяннаго флигелька, обитаемаго Александромъ Николаевичемъ въ сообществѣ съ шустрымъ мальчишкой-подросткомъ, Алешомъ, прислуживающимъ старику. Молодая батищевская хозяйка живетъ въ другомъ флигелькѣ, наискосокъ, и отца текущимъ хозяйствомъ почти не безпокоитъ. Помощникомъ по опытамъ со-

стоитъ весьма солидный и расторопный молодой человѣкъ изъ прежнихъ „тонконогихъ“, т. е. студентовъ, приходившихъ къ Энгельгардту „пахать землю“. Теперь эта мода кончилась. Молодежь, потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ создать изъ себя „искусственнаго мужика“, бросилась за новымъ учителемъ, гр. Львомъ Толстымъ, и ни одного студента, ни одной барышни-работницы въ Батищевѣ больше нѣтъ. Да и самъ А. Н-чъ добродушно посмѣивается надъ этимъ интеллигентнымъ увлеченіемъ, вызваннымъ его знаменитыми „Письмами изъ деревни“.

Послѣ первыхъ привѣтствій и воспоминаній о пережитомъ за истекшія десять лѣтъ, разговоръ нашъ перешелъ на опыты А. Н-ча.

— Досадно то, что у насъ ничего серьезнаго не хотятъ читать, сказалъ онъ.—„Письма изъ деревни“ прочли всѣ, и это составило мнѣ большую извѣстность. Ко мнѣ обращается множество лицъ съ разными вопросами, конечно, въ области моихъ работъ. Всѣ письма указываютъ на одно, именно, что гг. писавшіе не прочли ни моей книги „Фосфориты и сидерація“, ни моихъ статей въ „Земледѣльческой Газетѣ“. Я уже хотѣлъ заказать каучуковый штемпель и посылать всѣмъ такой отвѣтъ: „Предлагаемые вами вопросы подробно разработаны въ книгѣ на стр. такой-то“ Это ужасно скучно и задерживаетъ дѣло, потому что всего важнѣе, чтобы за моими опытами слѣдили и повторяли ихъ, ради контроля въ другихъ хозяйствахъ.

— Въ какомъ положеніи находятся теперь ваши работы?

— По самому важному вопросу о фосфоритахъ можно говорить съ большой точностью. Это вопросъ въ своихъ основахъ уже рѣшенный, и остается разработывать лишь частности. Теперь я работаю надъ другимъ, тоже основнымъ нашимъ вопросомъ, именно, объ обезпеченіи урожаевъ клевера. У меня большіе опыты съ каинитомъ. Результатъ замѣчательный. Да вотъ вы сами посмотрите на мои клевера. Каинитъ просто чудеса дѣлаетъ.

Въ ожиданіи, пока освободится молодой помощникъ Энгельгардта, чтобы проводить меня на опытные участки, разбросанные по разнымъ полямъ, Александръ Николаевичъ заинтересовался моей поѣздкой. Я объяснилъ, что мнѣ хочется посмотрѣть нѣсколько типичныхъ хозяйствъ, владѣльческихъ и крестьянскихъ, и попытаться свести въ одну общую картину отдѣльныя попытки двинуть русскую культуру. Попытокъ этихъ очень много, но отдѣльные хозяева работаютъ ощупью, безъ всякой связи другъ съ другомъ и потому, очевидно, повторяютъ тѣ-же ошибки и не пользуются опытомъ другихъ. Разговоръ перешелъ на улучшеніе хозяйства вообще въ Россіи.

— Я совершенно согласенъ съ вами, что сидящій на землѣ и поднявшій свое хозяйство владѣлецъ является великою культурною силою для всѣхъ окружающихъ хозяйствъ и прежде всего для крестьянъ, но я не согласенъ въ способѣ проведенія этого воздѣйствія. Вы требуете власти, опеки, а я говорю то-же, что и десять лѣтъ назадъ: прибавьте только земли мужику посредствомъ Крестьянскаго банка. Повѣрьте, мужикъ заведетъ травосѣяніе и самъ собой перейдетъ къ многопольному хозяйству, въ родѣ моего.

— Я никогда не требовалъ ни власти, ни опеки, возражалъ я. Я говорилъ лишь, что необходимо указаніе, руководство. На моихъ глазахъ крестьяне покупавшіе имѣнія черезъ посредство банка въ нѣсколько лѣтъ выпахивали и разоряли ихъ до тла и оказывались несостоятельными.

— Лучше всего я приведу вамъ примѣръ. Мой племянникъ, В. П. Энгельгардтъ, хозяйничаетъ на границѣ Духовщинскаго и Бѣльскаго уѣздовъ. Если вы хотите посмотрѣть русскую культуру, совѣтую съѣздить къ нему. Это замѣчательно энергичный человѣкъ и горячо преслѣдуетъ одну цѣль: поднять благосостояніе окружающихъ крестьянъ. И дѣйствительно, результаты поразительные. Въ прошломъ году изъ его околодка было отправлено въ голодающія губерніи что-то двадцать, или тридцать вагоновъ хлѣба. Это изъ Духовщинскаго-то уѣзда, гдѣ при крѣпостномъ правѣ была вопіющая бѣдность! Вотъ какъ онъ дѣйствуетъ: чуть услышитъ, что продается

гдѣ нибудь имѣніе, или земля изъ-подъ лѣса, сейчасъ-же онъ покупаетъ. Затѣмъ идутъ соображенія: какимъ крестьянамъ изъ окружающихъ деревень нужна земля, и какъ они съ ней могутъ устроиться? В. П. Энгельгардтъ разбиваетъ имѣніе на участки, иногда часть оставляетъ за собой, и распредѣляетъ между крестьянами. Онъ предводитель дворянства, слѣдовательно, ему легко устроить дѣло въ Крестьянскомъ банкѣ; за доплату ему работаютъ тѣ-же крестьяне, онъ-же помогаетъ имъ и устроиться, и начать хозяйство. Клеверъ, плуги могутъ покупать у него, хлѣбъ продавать ему и т. д. И при этомъ онъ дѣйствуетъ безъ всякой филантропіи, а строго экономически, оставляя себѣ небольшой заработокъ. Помѣстье его—это цѣлый городъ. Все продается, все покупается, ссыпается. Дѣятельность его простирается на огромный районъ, и во всемъ районѣ замѣчательно поднялось и хозяйство и благосостояніе.

— Позвольте-же поставить вамъ такой вопросъ: а что вашъ племянникъ, устраивая крестьянамъ покупку земли, не связываетъ ихъ ничѣмъ въ смыслѣ ихъ хозяйства, т. е. предоставляетъ имъ распоряжаться, какъ хотятъ, или заботится, чтобы они не опустошили землю, и ставитъ имъ извѣстныя условія?

— Я думаю, никакого давленія ему дѣлать не приходится. Мужикъ не будетъ пустошить землю. Онъ сейчасъ-же сѣетъ у себя клеверъ. У него на глазахъ готовый примѣръ прекраснаго и выгоднаго хозяйства.

— Совершенно согласенъ, коль скоро есть этотъ примѣръ. Да именно это самое и я всегда проповѣдывалъ. Припомните мою брошюру „Министерство Земледѣлія и его мѣстныя агентства“. Но откуда-же возьмется этотъ примѣръ, если помѣщиковъ не будетъ, а земли всѣ перейдутъ къ крестьянамъ?

— Мнѣ кажется, что мы вовсе не споримъ, а говоримъ то-же, но разными словами, замѣтилъ А. Н-чъ. Я ничего не имѣю и не могу имѣть противъ культурнаго примѣра. Я не допускаю лишь власти, насилія, поймите это.

— И я этого не допускаю. Но я протестую противъ перехода земель мужикамъ посредствомъ Крестьянскаго банка, въ той формѣ, какъ это дѣлается. Другими словами: я за союзъ мужика съ бариномъ, вы—за одного мужика.

— Вовсе нѣтъ! Я самъ писалъ, что народу нуженъ интеллигентъ, около него; безъ этого община задыхается.

— Такъ не формальный-ли у насъ съ вами по-просту споръ, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь цѣли и задачи у насъ однѣ и тѣ же—поднимать культуру, спасать сельское хозяйство? Остальное все частности.

— Вѣрно, вѣрно, смѣялся Александръ Николаевичъ. Дѣло важнѣе, чѣмъ слова. Кстати, не хотите-ли посмотрѣть, какъ разсыпаютъ у меня фосфоритъ? Сегодня какъ разъ вы эту работу застали. Что-то мой помощникъ не приходитъ? Онъ должно быть туда прошелъ.

Помощникъ Александра Николаевича былъ дѣйствительно на разсыпкѣ фосфоритовъ. Энгельгардтъ предложилъ мнѣ кучера въ проводники, и мы пошли посмотрѣть эту операцію, а затѣмъ и опытные участки.

II.

Батищевскіе опыты.

Прежде, чѣмъ говорить объ опытахъ А. Н. Энгельгардта надъ искусственными удобреніями, необходимо сказать два слова о самыхъ этихъ удобреніяхъ. Почти весь этотъ отдѣлъ земледѣльческой химіи обязанъ своимъ развитіемъ тремъ людямъ: Нѣмцу Либиху, Французу Виллю и Русскому—А. Н. Энгельгардту. Либихъ изслѣдовалъ законы питанія растеній и точно опредѣлилъ роли различныхъ солей въ растеніяхъ; Жоржъ Вилль выработалъ цѣлый рядъ научныхъ формулъ для искусственныхъ удобреній и содѣйствовалъ огромнымъ успѣхамъ западнаго хозяйства; Энгельгардтъ установилъ

рядомъ опытовъ надъ русскими фосфоритами, что можно вести чрезвычайно высокое хозяйство, не внося въ почву азота и снабжая растенія не дорогими, химически-обработанными суперфосфатами, а простымъ размолотымъ фосфоритнымъ камнемъ, или пескомъ.

Между работами Вилля и Энгельгардта та разница, что первый почти игнорировалъ экономическую сторону дѣла и давалъ абсолютныя удобренія, не спрашивая объ ихъ стоимости. Онъ задавалъ себѣ задачу: производить пшеницу, свеклу, коноплю такъ, какъ производится, напримѣръ, мыло. Его опыты давали такіе, примѣрно, отвѣты: чтобы на такой-то площади получить наивысшій урожай пшеницы безъ навоза, необходимо: столько-то пудовъ азота, кали, фосфора и извести. Все это должно быть растворимо, т. е. доставляться корнямъ растенія въ усвояемомъ видѣ. Практически получалась, напримѣръ, такая формула (цифры ставлю произвольныя):

20 частей суперфосфата (фосфоръ и известь), 15 частей чилійской селитры (азота), 40 частей извести, 8 частей стассфуртской соли (кали).

Законы и формулы Вилля вызвали огромное развитіе на Западѣ потребленія и торговли искуственными удобреніями. Результаты были безусловно точны и въ западныхъ хозяйствахъ, располагавшихъ большими капиталами, минеральныя удобренія привились сразу. Но какъ можно было пользоваться этими формулами у насъ, гдѣ полное виллевское удобреніе стоило чуть не вчетверо дороже, чѣмъ собранный на немъ, хотя-бы и великолѣпный, урожай? Понятно поэтому, что А. Н. Энгельгардтъ, отличный химикъ самъ, горячо запротестовалъ противъ увлеченія искусственными удобреніями, считая ихъ совершенно несовмѣстимыми съ экстензивною формою хозяйства. Онъ началъ добиваться въ Батищевѣ такой системы хозяйства, при которой полнѣе и легче всего можно было-бы эксплуатировать естественныя богатства почвы и подпочвы.

Эта система хозяйства, о которой я скажу ниже, была найдена и подробно описана въ „Письмахъ изъ деревни".

Съ нея, собственно, и начался подъемъ нашихъ среднихъ и сѣверныхъ хозяйствъ; но у нея былъ одинъ слабый пунктъ, который сознавалъ хорошо и самъ А. Н. Энгельгардтъ. Почва все-таки истощалась культурою хлѣбовъ, льна и клевера, и будущность хозяйства на одномъ навозѣ являлась попрежнему необезпеченою. Да и производство навоза обходилось слишкомъ дорого, требуя или единовременныхъ большихъ затратъ на скотъ, или очень долгаго времени, въ теченіи котораго, одновременно съ увеличеніемъ кормовъ, могла бы увеличиваться размноженіемъ наличность скота. Необходимость внесенія фосфора извнѣ была ясна.

Результаты первыхъ опытовъ съ фосфоритной мукой въ 1885 году, въ Батищевѣ, превзошли всякія ожиданія. На плохой выпаханной и истощенной еще изстари пустошной землѣ, послѣ пересѣва льна, получался *безъ навоза*, по одному фосфоритному удобренію превосходный урожай ржи. Дѣйствіе фосфорита продолжалось и въ слѣдующемъ году на овсѣ, затѣмъ опять на ржи и на травахъ, всего лѣтъ шесть, или семь.

Въ слѣдующіе годы опыты были расширены, и Энгельгардтъ задался уже опредѣленными частными вопросами. Отвѣты получились такіе (на почвахъ *нечерноземной* полосы).

На почвахъ фосфоритнаго происхожденія (сравнительно рѣдкихъ) мука не дѣйствуетъ, что̀ совершенно понятно, ибо фосфоритъ есть въ этой почвѣ и безъ того.

Лучше всего дѣйствуетъ мука на почвахъ *наиболѣе истощенныхъ*, напримѣръ, на вспаханныхъ пустошныхъ лугахъ.

Яснѣе всего замѣтенъ результатъ на ржи, овсѣ и вообще на *злакахъ*.

На хорошо удобренныхъ культурныхъ земляхъ мука дѣйствуетъ слабѣе.

Высшіе возможные результаты получаются при совмѣстномъ удобреніи навозомъ и фосфоритомъ.

Мало-по-малу Батищево обратилось въ опытную станцію, и Энгельгардтомъ были испытаны всѣ роды русскихъ фосфоритовъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Благодаря

субсидіи министерства Государственныхъ Имуществъ, опыты эти можно было обставить весьма прилично.

Меня провели на паровое поле, гдѣ какъ разъ помощникъ А. Н. Энгельгардта былъ занятъ разсыпкой фосфорита подъ рожь.

Небольшой участокъ, десятины въ три, вспаханный съ осени, заборонованъ и раздѣленъ на три полосы, съ небольшими контрольными полосами на концахъ. На первомъ участкѣ разсѣвался лучшій изъ русскихъ фосфоритовъ — куломзинскій, на второмъ—„томасовъ шлакъ", т. е. растертый въ порошокъ остатокъ отъ производства желѣза по способу Томаса представляющій нерастворимую фосфорнокислую известь (искусственный фосфоритъ), на третьей—суперфосфатъ. Количества были высчитаны такъ, чтобы содержаніе фосфора было одинаково. Цѣль опытовъ—количественно и экономически сравнить результаты всѣхъ трехъ туковъ.

Разсѣвали двое крестьянъ прямо изъ сѣвалокъ. Сѣвцы были превосходные. Куломзинская мука, представляющая почти пыль, темно-сѣраго цвѣта, ложилась удивительно равномѣрно и издали была видна на желтой глинистой поверхности, слабая, но совершенно ровная тѣнь. Разумѣется, такой посѣвъ можно производить лишь въ совершенно тихую погоду.

Разсѣвать суперфосфатъ труднѣе потому, что онъ сырѣетъ при храненіи и скатывается въ мелкіе камешки.

Совершенно такіе-же опыты были произведены въ прошломъ году надъ рожью, и я могъ лично увидать ихъ результаты. Но тамъ, кромѣ того, испытывался еще рязанскій глауконитовый фосфоритъ и фосфориты по лѣтнему и зимнему навозу.

Рѣдко приходится и въ степи въ урожайный годъ увидать такую рожь, какъ на этомъ пробномъ участкѣ. Мы проходили по полю цѣликомъ, среди хлѣба значительно выше роста человѣка и необыкновенно густаго. Рука, державшая свернутый зонтикъ (чтобы колосья не цѣплялись за шляпу), уставала отгибать толстую, какъ тростникъ, солому, а ржа-

ной цвѣтъ фонтаномъ лился съ полей шляпы, падая на воротникъ. Колосья были по два и по три вершка длиною.

Рожь вся была хороша, кромѣ контрольныхъ полосъ, оставленныхъ безъ удобренія, но все-таки можно было замѣтить слѣдующую градацію.

Лучше всего рожь по лѣтнему навозу и томасову шлаку. Затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ:

Лѣтній навозъ и фосфоритъ. Зимній навозъ и шлакъ. Зимній навозъ и фосфоритъ. Одинъ шлакъ. Одинъ фосфоритъ. Суперфосфатъ. Глауконитовый песокъ.

Заключеніе, напрашивающееся само собою, въ пользу куломзинскаго фосфорита. Томасовъ шлакъ лучше, но не оправдываетъ почти вдвое бо́льшей цѣны. Безобразно дорогой суперфосфатъ оказывается совершенно непрактичнымъ и испытывается только для сравненія.

На клеверномъ полѣ мы осмотрѣли опытные участки, предназначенные для изслѣдованія гипса и каинита. И тотъ и другой, но особенно послѣдній, дѣлаютъ просто чудеса. 24 пуда каинита на хозяйственную десятину, разсыпанные по отавѣ, черезъ мѣсяцъ вызываютъ роскошный темно-зеленый клеверъ въ аршинъ вышиною. Гипсъ дѣлаетъ то-же, но не въ такой степени.

Опыты расположены такъ: по возможности одинаковый клеверъ разбитъ на участки, раздѣленные контрольными полосами. Удобрены эти участки въ послѣдовательномъ порядкѣ: 1) гипсомъ, 2) каинитомъ, составными частями каинита: 3) сѣрнокислою магнезіею, 4) сѣрнокислымъ кали. Лучше всего клеверъ по каиниту, затѣмъ по сѣрнокислому кали, гипсу, магнезіи.

Другіе опыты сдѣланы на тѣхъ земляхъ, гдѣ клеверъ растетъ плохо (на свѣжихъ, мало-культурныхъ, хотя и удобренныхъ земляхъ), и полученъ слѣдующій драгоцѣнный результатъ: *каинитъ всегда и во всѣхъ случаяхъ даетъ превосходный урожай клевера.*

Но каинитъ все-же дорогъ, и его въ Россіи еще не отыскано. Онъ, разумѣется, найдется гдѣ-нибудь на Уралѣ, на

Кавказѣ, или въ Сибири, въ чемъ, при огромномъ разнообразіи нашихъ минеральныхъ богатствъ, сомнѣній быть не можетъ. Каинитъ—спутникъ поваренной соли, и довольно было-бы назначить крупное вознагражденіе за его открытіе, онъ былъ-бы навѣрно открытъ. Но пока догадается объ этомъ наше земледѣльческое вѣдомство, приходится потреблять выписной, или обращаться къ другимъ солямъ калія. Поэтому А. Н. Энгельгардтъ предполагаетъ произвести большой рядъ опытовъ съ различными каліевыми солями, чтобы удобреніе подъ клеверъ поставить на совершенно твердыя основанія.

Но это уже частности дѣла. Главное то, что вопросъ о фосфоритѣ для злаковъ рѣшенъ утвердительно, и затѣмъ найденъ тукъ, безусловно гарантирующій клеверъ. Такимъ образомъ получила полное оправданіе и научную, а вмѣстѣ съ тѣмъ и практическую основу энгельгардтовская многопольная система для средней Россіи, выражающаяся слѣдующими тремя положеніями:

Фосфоритъ обезпечиваетъ зерновые хлѣба фосфоромъ.

Сидерація, т. е. накопленіе азота въ почвѣ, обезпечивается травами и прежде всего клеверомъ.

Самый клеверъ обезпечивается *каинитомъ* и, вѣроятно, другими солями кали.

Эти три пункта и составляютъ великую заслугу А. Н. Энгельгардта въ области земледѣльческой химіи. Разработанная, какъ наука, Либихомъ и Виллемъ, она, благодаря Энгельгардту, стала прямымъ руководителемъ сельскаго хозяина, правда, оговариваюсь, въ одной лишь *нечерноземной* полосѣ. Черноземъ еще дожидается своего Батищева.

III.

Энгельгардтовская многопольная система.

Чтобы покончить съ батищевскимъ хозяйствомъ, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о многопольной системѣ хозяйства, введенной А. Н. Энгельгардтомъ, при правильномъ

примѣненіи минеральныхъ удобреній, являющейся дѣйствительно своего рода „послѣднимъ словомъ“ средне-русскаго земледѣлія.

Цѣнна эта система независимо отъ ея научной вѣрности, доходности и прочности, между прочимъ и потому, что любое средне-русское нечерноземное хозяйство можетъ очень легко ее ввести, почти не затрачивая капиталовъ и развивая производительныя силы извнутри самого хозяйства, его собственными средствами. Судьба всего нашего земледѣлія равно помѣщичьяго, какъ и крестьянскаго быта послѣ „Положенія“ весьма плачевна. Освобожденіе крестьянъ совпало какъ разъ съ моментомъ земледѣльческаго кризиса въ Россіи, выразившагося въ полной несостоятельности трехполья. Въ то-же время помѣстный классъ былъ лишенъ дешеваго кредита Опекунскихъ Совѣтовъ, а крестьяне обременены платежами. Улучшенныя извѣстныя въ Европѣ системы хозяйства требовали огромныхъ капиталовъ, которыхъ у большинства не было. При этомъ не помогли ни знанія ни опытъ, если у кого таковые и были. Дореформенная культура начала падать одновременно на огромномъ пространствѣ. Луга истощались, скотъ уменьшался, пашни сокращались, дальнія земли заростали березникомъ. На имѣніи въ 1000 десятинъ въ Смоленской, Тверской, или Новгородской губерніи, не имѣвшемъ спеціальныхъ промысловъ, или доходныхъ статей, помѣщику было рѣшительно не на что существовать.

Въ семидесятыхъ годахъ началась лѣсная и льняная горячка, опустошившая окончательно большинство помѣстій. Лѣса продавали на дрова, сухіе луга распахивали подъ ленъ, сдавая крестьянамъ за высокую цѣну. Черезъ нѣсколько лѣтъ отъ имѣнія оставался обширный пустырь. Не росъ даже лѣсъ, ибо ему не давалъ подняться крестьянскій скотъ. Хозяйство пришло къ полной несостоятельности.

Въ такомъ именно видѣ нашелъ свое имѣніе, высланный въ 1870 году изъ Петербурга административнымъ порядкомъ, А. Н. Энгельгардтъ. Осужденный на безвыѣздное пребываніе въ имѣніи, онъ долженъ былъ заняться хозяйствомъ наравнѣ

съ другими. Разница была лишь въ томъ, что Александръ Николаевичъ былъ спеціалистъ по земледѣльческой химіи, а слѣдовательно, всѣ его опыты и попытки освѣщались свѣтомъ науки. При этихъ условіяхъ онъ не могъ не придти къ добрымъ результатамъ.

Исторія Энгельгардтовскаго хозяйства разсказана подробно въ его „Письмахъ изъ деревни", прочтенныхъ всею грамотною Россіей. Печальный выводъ изъ этихъ писемъ о томъ, что баринъ долженъ бросать землю мужику и уходить въ городъ, или работать своими руками, было однимъ изъ увлеченій профессора, торжественно опровергнутыхъ имъ самимъ въ послѣдній, наиболѣе плодотворный періодъ его дѣятельности съ 1882 по 1892 годъ. Теперь о подобномъ выводѣ не можетъ быть и рѣчи. Помѣщикъ и его личное хозяйство не только совершенно нормальны и возможны, но и необходимы для уѣзда. Важно лишь, чтобы это хозяйство было согласовано съ нуждами и условіями быта окрестныхъ общинъ, и тогда получается быстрый прогрессъ этихъ послѣднихъ и огромный доходъ владѣльцу. Разработка пустошей, подробно описанная Энгельгардтомъ въ его послѣдней книгѣ „Фосфориты и сидерація", представляетъ этому блестящій примѣръ. Никому не нужный пустырь, совершенно непроизводительный, при исподьной разработкѣ по системѣ А. Н—ча, далъ ему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ доходъ, на много превышающій продажную цѣнность земли, а крестьянъ участниковъ „запрàвилъ" до неузнаваемости. Теперь эта пустошь представляетъ превосходный культурный участокъ и будетъ долгія времена давать большой доходъ владѣльцу и кормить цѣлую группу крестьянъ-половинщиковъ, которые предлагали уже Энгельгардту по 100 рублей за десятину (тамъ, гдѣ свободно можно купить цѣлое имѣніе съ постройками по 40—50 р. за десятину) лишь-бы онъ ее продалъ.

Суть энгельгардтовской системы заключается въ томъ, чтобы постепенно переводить культуру зерновыхъ хлѣбовъ на новыя земли изъ-подъ пустошей, а старо-пахатныя земли обращать подъ травы и клеверъ. При этомъ травосѣяніе

увеличиваетъ кормовыя средства, а слѣдовательно и навозъ, ленъ доставляетъ оборотный капиталъ, хлѣба-же на нашихъ пустошахъ, пересѣянныхъ льномъ, родятся прекрасно, требуя лишь половиннаго удобренія навозомъ сравнительно съ землями старопахатными. Такимъ образомъ можно въ самое короткое время поднять и расширить культуру, имѣя въ виду лишь одно: клеверъ на новыхъ пустошныхъ земляхъ родится хуже, чѣмъ на старо-культурныхъ, а потому сѣвооборотъ долженъ быть по возможности долгій, чтобы подготовить эти новыя земли хлѣбами и, такъ сказать, сравнять ихъ со старопахатными.

У Энгельгардта опредѣлился слѣдующій сѣвооборотъ:

1) ленъ, 2) паръ, 3) рожь, 4) овесъ, 5) паръ, 6) рожь, 7) овесъ, 8) паръ, 9) рожь, 10—15) травы.

Такимъ образомъ, не переходя еще къ искуственнымъ удобреніямъ, можно обезпечить хозяйство превосходнымъ клеверомъ, занимая пустоши послѣдовательно льномъ и хлѣбами, а культурныя земли обращая подъ травосѣяніе. Если предположить, что при 15-польномъ сѣвооборотѣ будетъ 6 полей старыхъ культурныхъ и 9 распаханныхъ вновь, то уже на седьмомъ году всѣ культурныя земли будутъ заняты травой, и имѣніе будетъ располагать огромными кормовыми средствами. А такъ какъ за шесть лѣтъ можетъ быть соотвѣтственно разведенъ скотъ отъ своего приплода, а ленъ, всегда удающійся на облогахъ, т. е. на вновь поднимаемыхъ пустошахъ, дастъ оборотныя средства, то ясно, что къ тому моменту, когда придется переходить къ минеральнымъ удобреніямъ, у хорошаго хозяина средства для нихъ будутъ налицо.

Это не однѣ теоретическія выкладки, такъ называемое „хозяйство по бумажкѣ“; это живой результатъ двадцатилѣтней дѣятельности А. Н. Энгельгардта, регулярно повторяющійся во всѣхъ безъ исключенія хозяйствахъ, основанныхъ по его плану, а таковыхъ уже наберутся по сѣвернымъ губерніямъ сотни.

Безъ всякой затраты капитала извнѣ, имѣя лишь дешевый въ Дорогобужскомъ уѣздѣ лѣсъ и небольшой гонораръ отъ „Отечественныхъ Записокъ“, А. Н. Энгельгардтъ поставилъ свои 600, или 700 десятинъ въ такія условія, что онѣ даютъ дохода нѣсколько тысячъ рублей въ годъ. И при этомъ простота эксплуатаціи поразительная. Кромѣ дешевыхъ рижскихъ плужковъ, въ хозяйствѣ Александра Николаевича нѣтъ никакихъ машинъ, а постройки самыя простыя, мѣстнаго типа.

Когда наступитъ въ хозяйствѣ моментъ перехода на искуственныя удобренія, система должна нѣсколько измѣниться. Площадь хлѣбовъ можетъ быть расширена въ ущербъ травосѣянію, ибо удобреніе подъ хлѣба уже не будетъ стѣснять хозяина. Но это уже зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Руки у него вполнѣ развязаны и сейчасъ, и, если скотъ является безвыгоднымъ, или имѣніе расположено такъ, что возить навозъ далеко, можно начинать прямо совершенно вѣрное и выгодное хозяйство вовсе безъ скота.

Подробно это хозяйство описано въ той-же книгѣ Энгельгардта „Фосфориты и сидерація“.

Прощаясь, мы еще разъ вернулись къ нашему старому печатному спору объ экстензивномъ хозяйствѣ и искусственныхъ удобреніяхъ. Спору этому минула уже земская давность, и факты сгладили крайности въ нашихъ воззрѣніяхъ.

— А все-таки я былъ правъ, говорилъ Энгельгардтъ. Не интензивная система нужна намъ, не хозяйство на клочкахъ, когда кругомъ лежатъ пустыри, а распашка этихъ пустырей. Нужно взять изъ земли все, что возможно, и затѣмъ переходить на искусственныя удобренія.

— Я тоже былъ правъ, А. Н-чъ! Подъ экстензивной системой я разумѣлъ истощеніе земли грабительской культурой. Ваша распашка пустошей только переходная стадія къ искусственнымъ удобреніямъ, и безъ нихъ въ хозяйствѣ былъ бы лишь временный подъемъ. Вы вѣдь сами утверждаете, что вся будущность русскаго хозяйства въ фосфоритахъ, да въ каліевыхъ солях.

— Но вѣдь вы проповѣдывали виллевскіе туки.....

— Да, потому что тогда ни вы, ни я и не подозрѣвали о прямомъ дѣйствіи фосфоритовъ.....

— Вы правы. Никакому спору между нами нѣтъ болѣе мѣста. На всѣ эти разногласія и полемику можно только съ улыбкой оглянуться.

— Да, и теперь я вполнѣ вѣрю въ вашъ „Счастливый уголокъ“. Остается лишь соединять, гдѣ можно, барина съ мужикомъ и помогать имъ работать сообща.

Я просидѣлъ у милаго профессора до поздняго вечера и съ полустанка Дурово, отстоящаго отъ Батищева въ 7 верстахъ, направился съ поѣздомъ Московско-Брестской дороги на полустанокъ Алферово, чтобы посѣтить другое замѣчательное смоленское хозяйство—село Безсоново, принадлежавшее прежде знаменитому русскому скотоводу Д. А. Путятѣ и проданное имъ нѣсколько лѣтъ назадъ В. А. Дрызлову, подъ условіемъ ничего не нарушать въ старомъ хозяйствѣ.

IV.

Европейское хозяйство.

Безсоново—рѣзкая и полная противуположность Батищеву. И цѣли, и обстановка хозяйства, и внѣшній видъ обоихъ имѣній совершенно иные. Безсоново представляетъ огромный капиталъ, постепенно и непрерывно вкладывавшійся въ землю, начиная съ тридцатыхъ годовъ. Вложенъ этотъ капиталъ на столько разумно и цѣлесообразно, хозяйство поставлено изстари такъ прочно и высоко, что Безсоново не только безъ боли пережило крѣпостное право, но представляетъ собою чуть-ли не единственный примѣръ экономической живучести, независимо отъ личности владѣльца. Развѣ только особые спеціалисты по дѣлу разрушенія, Евреи, могли бы рѣшиться, купивъ Безсоново, пустить его въ ломъ, т. е. вывести и продать скотъ, продать на сломъ постройки, хищ-

ническими посѣвами испустошить землю и затѣмъ наградить ею крестьянъ, при помощи Крестьянскаго банка. Какъ ни велика была-бы выгода отъ подобной ликвидаціи, все-же для Безсонова она, пожалуй, не превысила-бы выгодъ отъ правильной эксплуатаціи имѣнія по системѣ Путяты.

Повторяю, это очень рѣдкій примѣръ. Едва-ли найдется въ губерніи еще одно подобное старо-культурное хозяйство, гдѣ-бы было выгоднѣе продолжать вести дѣло, а не ликвидировать все, заработавъ отъ 100 до 200% на затраченный капиталъ, и въ этомъ великая заслуга Д. А. Путяты. Не даромъ въ теченіе сорока лѣтъ вставалъ этотъ человѣкъ ежедневно въ четыре часа утра и лично, регулярный, какъ хорошій хронометръ, обходилъ по нѣсколько разъ въ день свои поля и усадьбу, представляющую цѣлый городокъ.

Но вотъ наступила старость. Дмитрію Александровичу перевалило на восьмой десятокъ. Одинъ сынъ умеръ, другой, вмѣсто хозяйства, занялся сначала санскритскимъ языкомъ, затѣмъ ушелъ на службу по дипломатическому вѣдомству. Наслѣдниковъ въ дѣлѣ не было, работать стало не для кого, да и силы начали измѣнять.

Зная, что его стадо первое въ Россіи и выведенное изъ мѣстной породы, Д. А. Путята хотѣлъ продать имѣніе казнѣ съ тѣмъ, чтобы въ Безсоновѣ была основана учебная ферма и сорокалѣтній трудъ основателя не пропалъ даромъ. Года четыре назадъ, разсказывалъ мнѣ Д. А.-чъ лично о своихъ мытарствахъ въ Департаментѣ Земледѣлія. Какъ ни былъ интересенъ и поучителенъ разсказъ о переговорахъ Путяты съ нашими сельскохозяйственными чиновниками, но печатать его въ „Русскомъ Дѣлѣ“ было нельзя. Наконецъ, измученный нравственно, дарившій почти половину имѣнія казнѣ, лишь-бы упрочить свое дѣло на общую пользу, Путята бросилъ свои хлопоты и началъ искать частныхъ покупателей. Выборъ его остановился на молодомъ, но уже хорошо зарекомендовавшемъ себя хозяинѣ, Василіи Арсеньевичѣ Дрызловѣ. Путята сдѣлалъ ему всевозможныя льготы въ платежахъ и, передавъ имѣніе, уѣхалъ въ Москву.

Чтобы извлечь изъ имѣнія капиталъ, г. Дрызлову пришлось продать лѣсъ, затѣмъ заложить имѣніе въ Тульскомъ банкѣ, затѣмъ сдѣлать заемъ у родныхъ и все-таки дать Д. А. Путятѣ вторую закладную. Но хозяйство въ Безсоновѣ стояло такъ высоко, что эти долги нисколько не испугали молодого владѣльца, и черезъ нѣсколько времени финансовое положеніе Безсонова стало блестящимъ. Г. Дрызловъ нашелъ возможность еще болѣе расширить хозяйство, прирѣзать новыя поля, увеличить скотъ и поднять и безъ того огромную доходность имѣнія.

Я упомянулъ уже, что Безсоново—полная противуположность Батищеву. Тамъ дѣйствительно господствовала до послѣдняго времени экстенсивная система. Энгельгардтъ шелъ въ ширь, распахивая пустоши, производя ленъ и хлѣба и оставляя скотоводство на второмъ планѣ, въ Безсоновѣ—полвѣка къ ряду шли въ глубь, возвышая до послѣднихъ предѣловъ плодородіе почвы и выпуская на рынокъ не хлѣба, а только сыръ, масло и спиртъ. Здѣсь не было нужды въ искусственныхъ удобреніяхъ, такъ какъ почвенный капиталъ не только никогда не истощался, но, наоборотъ, постоянно возросталъ, пополняемый кормами со стороны.

Безсоново—типъ настоящаго высокаго европейскаго хозяйства. Полеводство здѣсь совершенно подчинено скотоводству, составляющему единственную доходную статью. Рожь и картофель перекуриваются на вино, и барда идетъ скоту. Клеверъ и овесъ идутъ сполна туда-же. Сѣно съ днѣпровскихъ луговъ, арендуемыхъ экономіей, и покупаемый жмыхъ составляютъ вспомогательные корма. Съ мая по сентябрь варится швейцарскій сыръ, съ сентября по май работаетъ паровой сепараторъ де-Лаваля и приготовляется парижское масло изъ подогрѣтыхъ сливокъ, которое и направляется въ Москву и Одессу. Цѣна на это масло колеблется между 18 и 21 руб., соотвѣтственно разнымъ мѣсяцамъ зимы.

Я пріѣхалъ съ поѣзда въ 4-мъ часу утра и засталъ г. Дрызлова, подобно своему знаменитому предшественнику, уже на ногахъ. Вывозка навоза была въ полномъ разгарѣ, и на-

чинался покосъ, цѣлымъ мѣсяцемъ раньше, чѣмъ въ окрестныхъ хозяйствахъ, такъ какъ на здѣшнихъ земляхъ, удобренныхъ какъ огородъ, травы поспѣваютъ значительно скорѣе. Разумѣется также, что тучная почва не знаетъ ни засухъ, ни подмочекъ и даетъ урожаи изъ года въ годъ почти одинаковые, съ колебаніями въ одно-два зерна, не больше.

А между тѣмъ, во всей Смоленской губерніи едва-ли можно найти почву по положенію и естественнымъ свойствамъ хуже безсоновской. Это каменистый и вмѣстѣ съ тѣмъ болотистый суглинокъ, требовавшій въ иныхъ мѣстахъ устройства дренажа. Теперь, съ истребленіемъ въ мѣстности лѣсовъ, почва стала суше, но и сейчасъ еще среди роскошныхъ полей встрѣчаются участки совершенно некультурнаго болотистаго кочкарника, съ которымъ энергически борется новый владѣлецъ, срѣзая и складывая его въ кучи, затѣмъ разсыпая и распахивая.

Сѣвооборотъ въ Безсоновѣ, установленный еще Путятою и лишь нѣсколько расширенный Дрызловымъ слѣдующій:

1) паръ; 2) рожь; 3) картофель; 4) паръ; 5) рожь; 6) овесъ; 7—11) клеверъ съ тимооеевкой; 12) овесъ. И того 12 клиньевъ, расположенныхъ въ трехъ поляхъ, при чемъ озимь и яровое приходятся въ однихъ мѣстахъ, не производя разнополосицы, затрудняющей выгонъ скота.

Скотный дворъ, разсчитанный на двѣсти головъ крупнаго скота, представляетъ большой лабиринтъ зданій, выстроенныхъ массивно и прочно. Часть скота содержится на навозѣ, часть на деревянномъ полу, причемъ особенной разницы въ удобствахъ того и другого содержанія незамѣтно. Да и тамъ, гдѣ навозъ вычищается, онъ остается тутъ-же, внутри хлѣва, въ длинной ямѣ, ради теплоты.

Съ большимъ любопытствомъ осматривалъ я коровъ, которыхъ дойныхъ имѣется около полутораста. Все это превосходные экземпляры, хотя и не представляющіе никакого общаго типа. Есть животныя, напоминающія голландскихъ, швицкихъ, симентальскихъ, есть и облагороженная русская корова, свѣтло-рыжая, съ тонкими ногами, длинными рогами и тонкою же головой. Подобною внѣшностью отличалась и знаменитая

путятинская корова „Игла“, по молочности бывшая исключительнымъ даже въ Европѣ экземпляромъ: ею любовались на выставкѣ 1882 г. въ Москвѣ.

Основная идея здѣшняго скотоводства—полученіе наивысшихъ удоевъ, а не погоня за экстеріеромъ и типомъ коровы; все стадо даетъ въ среднемъ удой въ 160 ведеръ на корову, при чемъ корова, дающая удой ниже 100 ведеръ, немедленно идетъ въ бракъ.

Подобныхъ среднихъ удоевъ, какъ извѣстно, мало даже въ очень высокихъ хозяйствахъ. Достичь ихъ можно только, не гоняясь за типомъ. Даже чистокровный заграничный скотъ, доставляя иногда чудное по красотѣ стадо, бѣднѣе молокомъ. Это очень важно для практическихъ хозяевъ.

Со скотнаго двора В. А. Дрызловъ любезно проводилъ меня въ телятникъ. Ихъ два—лѣтній и зимній. Лѣтомъ телята, отсортированные по возрастамъ, свободно помѣщаются подъ широкими навѣсами, или рѣзвятся въ особыхъ загородкахъ, зимой размѣщаются въ тепломъ и свѣтломъ сараѣ, называемомъ въ шутку пансіономъ. Телочекъ постоянно сортируютъ, переводя изъ класса въ классъ, пока на третьемъ году онѣ не поступаютъ въ случку, которая производится съ воли въ особомъ помѣщеніи.

Нечего и говорить, что кормленіе скота возведено здѣсь на степень почти священнодѣйствія. Независимо отъ пастьбы на отличномъ лугу, дойныя коровы получаютъ все лѣто сѣно и овсяную муку, зимою идетъ барда, клеверное сѣно и жмыхи.

Винокурня сама по себѣ дохода почти не даетъ и держится главнымъ образомъ ради барды. В. А. Дрызловъ жаловался на невозможныя требованія и придирки акцизныхъ.

— Позвольте, говорю я.—Да вѣдь вашъ заводъ подходитъ подъ типъ сельскохозяйственныхъ. Вѣдь для этихъ заводовъ сдѣланы серьезныя облегченія.

— На бумагѣ. На дѣлѣ ничего не вышло, кромѣ благихъ пожеланій. Между тѣмъ, акцизное вѣдомство просто разоряетъ разными требованіями. Передѣлки обходятся въ годъ чуть не въ тысячу рублей. Ну вотъ вамъ, напримѣръ: при заводѣ

есть комната для чиновника. Теперь намъ прислали сюда контролера на постоянное житье и требуютъ, чтобы было выстроено новое помѣщеніе *внѣ завода*. Я пишу, что вѣдь наблюдать всего лучше, живя на самомъ заводѣ... Не тутъ-то было. Прелюбопытная идетъ иногда переписка. Велятъ, напримѣръ, поставить отводную трубку такъ-то. Ставлю. На слѣдующій годъ передѣлывай, да еще преглупо. Я отписываю: съ удовольствіемъ, если акцизное вѣдомство предпишетъ своему контролеру ежедневно эту трубку прочищать. А у меня на это людей нѣтъ. И такъ далѣе.

Мы обошли поля, полюбовались пахотой на двѣнадцати плугахъ заразъ, подъ наблюденіемъ старика-старосты, доставшагося Дрызлову вмѣстѣ съ Безсоновымъ и удержаннаго имъ за его школу и огромную опытность, осмотрѣли ремонтную кузницу, заводъ, большинство построекъ, и я распрощался съ любезнымъ хозяиномъ, чтобы направиться въ Сычевскій уѣздъ, гдѣ крестьяне, какъ мнѣ разсказывалъ нашъ губернскій предводитель, Н. А. Хомяковъ, начинаютъ переходить къ травосѣянію.

V.

Крестьянское травосѣяніе въ Сычевкахъ.

Міръ офиціальный, книжный интересуется такъ мало сельскохозяйственными и культурными вопросами, что человѣкъ, даже слѣдящій за газетами, можетъ совершенно неожиданно у себя по сосѣдству открыть, что́ называется, Америку. Такимъ открытіемъ было для меня извѣстіе, что въ сосѣднемъ со мною Сычевскомъ уѣздѣ крестьянскія общества переходятъ къ травосѣянію и что, несмотря на дороговизну клеверныхъ сѣмянъ въ этомъ году (до 11 руб. пудъ), ни въ Вязьмѣ, ни въ Сычевкахъ ихъ не хватило. Мужикъ „тронулся“, по собственному выраженію, „за дятлиной (клеверъ)

да за тимошкой", а когда мужикъ трогается, то трогается обыкновенно вся народная масса поголовно. Лѣтъ восемь назадъ такъ было съ плугами и теперь въ Вяземскомъ, Сычевскомъ и Гжатскомъ уѣздахъ сохъ уже почти нѣтъ. Вслѣдъ за плугомъ пошла „трава". Культурная реформа назрѣла исподволь и вскрылась, какъ вскрывается рѣка въ водополье.

Съ поѣздомъ Ржево-Вяземской дороги, ползущимъ какъ черепаха, я направился въ Сычевскій уѣздъ, надѣясь собрать первыя свѣдѣнія отъ Н. А. Хомякова. На станціи Дугино, откуда ѣдутъ въ Липицы, резиденцію покойнаго Алексѣя Степановича, знаменитаго славянофила, мнѣ сказали, что г. Хомяковъ уѣхалъ въ Смоленскъ, и мнѣ не оставалось ничего другого, какъ ѣхать дальше въ Сычевку.

Сычевка это... сквернѣйшій центръ очень культурнаго и богатаго уѣзда. Нужна она начальству для цѣлей административныхъ, крестьянамъ для базаровъ и помѣщикамъ для закупки провизіи. Самостоятельнаго, самодовлѣющаго въ ней, какъ и въ огромномъ большинствѣ русскихъ уѣздныхъ городовъ, ничего нѣтъ. Кружокъ на картѣ, полный комплектъ изнывающихъ отъ тоски и бездѣлья властей, вокзалъ, острогъ, соборъ, прогимназія, земская управа...

Для моихъ цѣлей нужна была эта послѣдняя. Я засталъ одного единственнаго секретаря въ чрезвычайно лѣтнемъ костюмѣ. Отъ него я узналъ только одно, что мѣстное земство, какъ и огромное большинство его собратій, не сдѣлало и не дѣлаетъ для сельскаго хозяйства ничего. Что-же касается клевера, то таковой дѣйствительно сѣютъ, гдѣ-же сѣютъ, кто и какъ, я могу разузнать лучше всего отъ мѣстнаго торговца, г. Руженцова, онъ-же членъ управы, онъ же торговецъ клеверными сѣменами.

— Пожалуйте въ ряды, прямо къ нему въ лавку. Онъ этимъ дѣломъ очень интересуется и вамъ все разскажетъ.

Я засталъ г. Руженцова среди цѣлаго клуба крестьянъ, уже оканчивавшихъ свои базарныя хлопоты (было воскресенье) и собравшихся посидѣть въ лавку и около. Хозяинъ въ бѣломъ парусиномъ балахонѣ собственноручно разливалъ

деготь, керосинъ, развѣшивалъ муку, крупу и прочее. Ему помогали старикъ почтеннаго вида и мальчикъ. Главная масса покупателей была уже удовлетворена, торговля кончалась, и я хозяину помѣшалъ не очень. Съ величайшей любезностью началъ онъ отвѣчать на мои вопросы, а такъ какъ разговоръ шелъ о дѣлѣ близкомъ и родномъ всѣмъ, то къ разговору присоединилась и наличная сермяжная публика, образовавъ нѣчто въ родѣ импровизованной сельской сходки. Даже мой извозчикъ, крестьянинъ подгородней деревни Большого Яковцова, слѣзъ съ пролетки и сталъ возлѣ меня, пытаясь помогать въ постановкѣ вопросовъ и самъ-же раньше всѣхъ торопясь давать отвѣты.

— Давно-ли у васъ начали сѣять клеверъ?

Отвѣчаютъ всѣ хоромъ:

— Помѣщики давно. Крестьяне по огородамъ тоже сѣвали и прежде, на поляхъ стали недавно, лѣтъ пять всего.

— Въ какихъ селеніяхъ начали раньше?

— Это мудрено сказать. Вездѣ стали сѣять.

Начали перечислять волости. Оказалось, что клеверъ захватываетъ уже весь уѣздъ. Раньше всего, однако, начали сѣять подгородніе деревни.

— Откуда же это пошло?

— Отъ господъ. Господа сѣютъ. А тутъ покосы плохіе и цѣны высокія. Да и сѣно подорожало. Клеверъ, хоть и дорогъ (сѣмена), за то столько накосишь, сколько на пустошномъ лугу и не увидишь никогда.

— Какъ-же у васъ сѣютъ: отдѣльные домохозяева; или цѣлыя общества?

— Гдѣ-же сѣять одному человѣку? Такого и мѣста нѣтъ. А сѣемъ ужь всѣ, съобща.

— Что-же, отводите отдѣльный участокъ?

— По ржи сѣемъ. Приговоръ составимъ, отдѣлимъ въ ржаномъ полѣ конъ, или два, и сѣемъ.

— Получше коны, или похуже?

— По мѣстоположенію. На худомъ сѣять не стоитъ. Больше на хорошемъ.

— И много накашиваете?

— Страшное дѣло! Нашу землю дятлина „прилюбила". Возовъ тридцать съ хозяйственной десятины на хорошихъ земляхъ снимали.

— Сколько лѣтъ косите?

Отвѣты были разнорѣчивы. Два года, три года, четыре. Косятъ до тѣхъ поръ, пока родится и не потребуется вновь земля подъ хлѣба.

— А послѣ клевера что?

Большинство присутствующихъ не нашло готоваго отвѣта, ибо клеверъ введенъ на поляхъ еще недавно, и система не установилась. Выручилъ извозчикъ:

— Да вонъ, въ Артемовѣ: клеверъ перевели на другое мѣсто, а тамъ ленъ засѣяли.

Публика оживляется:

— Извѣстно, ленъ! Что-же кромѣ льна? Вѣдь земля-то залуговѣетъ, сразу подъ хлѣбъ не раздѣлаешь!

Читатель припомнитъ энгельгардтовскій сѣвооборотъ. Самое естественное послѣ клевера сѣять ленъ. Послѣ хорошаго клевера, онъ всегда удается прекрасно. Да другого ничего по пласту и не посѣешь. Просо у насъ не дозрѣваетъ, овесъ по пласту рисковано, рожь—тѣмъ болѣе.

Въ Безсоновѣ изъ-подъ клевера пашутъ осенью и спасаются только рыхлостью каменистой почвы да глубиной обработки. Безсоновскому хозяйству, исключительно скотоводственному, ленъ не нуженъ, мужику нуженъ ленъ, дающій огромный доходъ. Вѣрнѣе, необходимость въ хорошихъ земляхъ подъ ленъ собственно и заставила крестьянъ сѣять клеверъ. Довольно представить себѣ средній доходъ съ десятины льна, чтобы понять, какой переворотъ въ хозяйствѣ мужика произойдетъ при возможности посѣять ленъ на *своей землѣ*, хотя бы въ размѣрѣ $^1/_2$ десятины на душу.

Не будемъ вовсе цѣнить работу, а только денежный расходъ и приходъ:

6 пуд. сѣмянъ стоятъ 9 руб.

Получается на хорошей клеверной облогѣ:

Сѣмянъ самъ –7, т. е. 42 п. или за вычетомъ посѣяннаго, 36 пудовъ по 1 р. 50 к.	=	54 р.
Льну сырца 50—55 пуд. по 3 р. . . .	=	150—165 „
Итого. . .		204—219 р.

Сычевскіе крестьяне недурно обрабатываютъ ленъ, а потому цѣны на него здѣсь не очень падали даже во время кризиса.

100 руб. дохода съ полудесятины поставитъ крестьянина двухдушника (т. е. имѣющаго 2 надѣла по 4 дес.) сразу на ноги. Онъ заплатитъ легко и 25—30 руб. податей за 2 души и будетъ имѣть деньги на другое. Полторы десятины клеверу обезпечатъ ему кормъ для скота, а ржи на половинномъ участкѣ, при вдвое большемъ удобреніи, получится столько-же если не больше.

В. А. Дрызловъ показывалъ мнѣ свой превосходный трудъ—сравнительное исчисленіе затратъ труда и доходности различныхъ крестьянскихъ хозяйствъ — трехпольнаго и многопольнаго со льномъ и клеверомъ. Трудъ этотъ едва-ли скоро увидитъ свѣтъ: кончить свои выкладки у г. Дрызлова рѣшительно нѣтъ времени, но и то, что онъ уже успѣлъ изложить, крайне поучительно. Оказывается, напримѣръ, что при многопольномъ хозяйствѣ у крестьянина остается лѣтомъ вдвое больше свободныхъ своихъ и конскихъ силъ, которыя и могутъ быть путемъ заработка обращены въ деньги. Вотъ почему, между прочимъ, тамъ, гдѣ сдѣланы лишь первые шаги къ многопольной системѣ у крестьянъ (а клеверъ и ленъ сами собою вызываютъ этотъ переходъ), общій подъемъ ихъ быта и хозяйства выражается въ самыхъ рѣзкихъ формахъ. Это не медленное копейка за копейкой откладываніе денегъ съ лишеніемъ себя всего необходимаго, это быстрое обогащеніе.

Теперь понятна та огромная важность своевременной и разумной помощи, которая можетъ быть оказана здѣсь крестьянскому хозяйству, именно, чтобы вызвать эти первые

шаги. Если даже смотрѣть на крестьянина только какъ на contribuable, то и здѣсь ничтожная помощь увеличиваетъ въ огромной степени его платежныя силы. Дайте хоть такую помощь, чтобы, напримѣръ, хорошія клеверныя сѣмяна продавались при управѣ изъ первыхъ рукъ и при томъ съ гарантіею противъ заразы *повелики*, попадающейся, напримѣръ, въ американскомъ клеверѣ и способной, не хуже филоксеры на виноградникахъ, опустошить огромныя клеверныя поля. На такой клеверъ напали, между прочимъ, въ Безсоновѣ и теперь бьются надъ очищеніемъ полей.

Устройте при тѣхъ-же управахъ продажу хорошихъ посѣвныхъ сѣмянъ льна, устройте на христіанскихъ началахъ скупку у крестьянъ льна и сѣмени, позаботьтесь о томъ, чтобы лучшіе методы и пріемы культуры распространялись между крестьянами не случайно, какъ нынѣ, а разсчитанно,— и въ нѣсколько лѣтъ, съ ничтожными затратами, нашего средне-русскаго населенія нельзя будетъ узнать...

Мнѣ хотѣлось повидать на мѣстѣ одну изъ крестьянскихъ культуръ клевера. Я искалъ самую древнюю, и мнѣ указали на деревню Артемово, въ пяти верстахъ отъ города, за Вазузой. Извозчикъ, оказавшійся сосѣдомъ Артемовцевъ, взялся меня туда доставить.

VI.

Клеверъ и водка.

Въ деревнѣ Артемово на сто съ небольшимъ ревизскихъ душъ, при немного неполномъ надѣлѣ, засѣяно клеверомъ въ прошломъ году около двадцати пяти десятинъ. Участокъ никто не вымѣрялъ, но это можно вывести изъ количества разсѣянныхъ сѣмянъ. 25 пудовъ клевера далъ крестьянамъ въ долгъ подъ отработку управляющій гг. Геннади, сосѣднихъ владѣльцевъ, г. Грунинъ, которому-же и принадле-

житъ инициатива по введенію у Артемовцевъ и другихъ изъ окрестныхъ крестьянъ травосѣянія. Пять лѣтъ назадъ, по иниціативѣ и при помощи того-же г. Грунина, Артемовцы сѣяли въ первый разъ клеверъ и тоже въ ржаномъ полѣ; сняли три года подъ-рядъ блестящіе укосы и въ нынѣшнемъ году на этомъ первомъ полѣ засѣяли ленъ. Такимъ образомъ, считая 25 десятинъ за $^1/_3$ всего ржаного поля, можно считать сѣвооборотъ девятипольнымъ.

Мы переѣхали черезъ Вазузу. На горкѣ виднѣлось селеніе съ богатыми, почти роскошными деревянными постройками. Десяти-аршинныя избы, рѣзные и ярко-раскрашенные наличники у оконъ, чудесно сдѣланныя „подъ гребенку“ соломенныя крыши и палисадники передъ окнами указывали на большое благосостояніе.

— Это наша деревня, сказалъ мой извозчикъ, а вотъ и нашъ домъ.

Это былъ дѣйствительно домъ, состоявшій изъ двухъ большихъ избъ подъ общей крышей, покрытыхъ рѣзьбой съ рѣзнымъ же крылечкомъ.

— Ого, братъ, да ты хорошо живешь! невольно воскликнулъ я.

— Слава Богу, Господь посылаетъ. Мы всѣ почти хорошо живемъ. Сами изволили видѣть. Работа есть около города, а главное, ужь очень наша деревня *трезвая*. Вотъ увидите Артемово, можете сличить.

— А что?

— Пропойцы, грѣхъ одинъ.

— А клеверъ вы сѣете?

— Съ будущаго года начинаемъ. У насъ ужь было и поле приговорено, да за сѣменами въ этомъ году вышла остановка. То были очень дороги, а то и вовсе не хватило. Такъ мы и остались.

— Почему Артемовцы пьянствуютъ?

— А такъ, это у нихъ со старины. Земля хорошая, много, заработки богатѣйшіе, жить-бы лучше нашего возможно, а у нихъ вонъ всѣ хаты пораскрыты. Это ужъ какъ задастся.

Какой міръ, какое общество. Какъ пойдетъ, эта пакость, такъ и выбиться не могутъ.

Дѣйствительно, когда мы въѣхали въ Артемово, первое, что бросилось въ глаза—раскрытыя хаты и полуразрушенныя, правда, большія и просторныя избы. Въ Сычевкахъ до желѣзной дороги лѣсъ былъ дешевъ, немного дороже и сейчасъ, благодаря лѣсному закону, введенному, къ несчастію, не во всѣхъ уѣздахъ Смоленской губерніи.

Я просилъ извозчика разыскать мнѣ кого-нибудь изъ артемовскихъ стариковъ, чтобы вмѣстѣ проѣхать на клеверъ. Это было очень трудно, и нѣсколько попытокъ въ разныхъ дворахъ оказались напрасными.

— Вотъ захотѣли! замѣтилъ извозчикъ. По праздникамъ артемовскіе всегда въ городѣ: кутятъ до поздней ночи. Вечеромъ бабы приводятъ ихъ, или привозятъ на лошадяхъ.

Однакоже, одинъ мужикъ-таки нашелся. Онъ шелъ пить къ колодцу откуда-то изъ-подъ навѣса и былъ нами немедленно перехваченъ.

— Садись, Тарасъ, съ нами. Вотъ баринъ клеверъ желаетъ у васъ посмотрѣть.

— Что́-же, съ удовольствіемъ.

Тарасъ захватилъ шапку, сѣлъ на пролетку рядомъ со мной и мы тронулись среди набѣжавшихъ поглазѣть бабъ и ребятишекъ.

Клеверное поле начиналось вслѣдъ за высокой, огромной рожью. Оно довольно правильной формы и занимаетъ сѣверный склонъ прежняго ржаного поля, упираясь низомъ въ болотистый лужокъ. Полоны отдѣльныхъ хозяевъ, конечно, разной ширины, расположены въ двухъ конахъ. Однѣ обращены вдоль склона, другія идутъ почти по плоскости, упираясь концами въ изгородь.

— Отличный клеверъ! И какъ ровно посѣянъ, замѣчаю я.

— А мы господской сѣялкой сѣяли. Дали сѣмена, дали и сѣялку. Гдѣ-же такъ руками разсѣять?

Клеверъ былъ дѣйствительно превосходный, хотя по полонамъ отдѣльныхъ домохозяевъ было видно отличіе. Не всѣ

одинаково удобряли и обрабатывали подъ рожь, что́ тотчасъ же отразилось и на клеверѣ. Совсѣмъ плохихъ полянъ, однако, вовсе не было. Урожай можно было опредѣлить въ среднемъ не меньше 22—25 возовъ на десятину.

Мы проѣхали широкимъ межникомъ до изгороди, отдѣлявшей клеверъ отъ ярового сосѣдней деревни. За изгородью въ нѣсколькихъ шагахъ шла дорога, и стоялъ шалашъ, изъ котораго, при нашемъ приближеніи, высунулась голова древняго старца, отворяющаго ворота и стерегущаго горохи. Вдоль изгороди, полосой саженъ 8, клеверъ былъ необыкновеннаго роста и густоты. Обыкновенно у изгороди наметаетъ длинный и высокій сугробъ снѣга, и подъ нимъ земля всегда лучше пропитывается влажностью. Любопытно, что, зная это обстоятельство изъ прежнихъ опытовъ, крестьяне, посѣявъ клеверъ, передѣлили этотъ второй конъ такъ, что полоса роскошнаго клевера оказалась поперекъ полянъ отдѣльныхъ хозяевъ.

— Вотъ если бы весь клеверъ такой!—замѣтилъ Тарасъ.

— А что́, я думаю, баринъ, обернулся съ козелъ мой извозчикъ: если-бы, примѣрно, нарубить лапнику (мелкія еловыя вѣтки) да осенью наторкать по всему полю, можно-бы вездѣ такіе сугробы собрать?...

Мнѣ припомнился проектъ орошенія генерала Анненкова при помощи поставленныхъ поперекъ господствующихъ вѣтровъ загражденій изъ хвороста. Мысль была та-же самая.

— Ну, какъ-же, Тарасъ, получшело у васъ хозяйство, какъ завели клеверъ?

— Нѣтъ, баринъ, у другихъ—не знаю, а намъ клеверъ ни къ чему!

— Какъ такъ? Да вѣдь вы-же въ покосахъ нуждаетесь?

— А мы у барина исполу косимъ.

— Почему-же вы клеверомъ не довольны?

— Ржи меньше. Хлѣба не хватаетъ.

— Такъ дешевле-же нѣсколько пудовъ хлѣба прикупить, а лишній клеверъ продать. Еще барышъ будетъ.

— Нѣтъ, ужь какой это барышъ! Мы вотъ между собой толкуемъ: надо по-старому, клеверъ уничтожить.

— Еще бы! не выдержалъ извозчикъ. У нихъ клеверъ дѣйствительно безъ пользы. Сами посудите, баринъ: развѣ пьяному человѣку что идетъ на пользу? Городъ близко, цѣну даютъ хорошую, вѣдь клеверъ для коровъ первый кормъ, они его, и домой не возя, весь туда перетаскаютъ, съ поля прямо.

— Болтай! недовольно огрызнулся Тарасъ.

— Что ты меня ногой-то пинаешь? Весь уѣздъ знаетъ артемовскую деревню. Поди на базаръ: чьи воза съ клеверомъ? Ваши. А деньги гдѣ? Въ кабакѣ! Вотъ что. А ты рожь! Рожь была до этого года пять да пять съ полтиной. Много-ли ее будетъ съ полъ-души? А клевера каждый возъ по дешевымъ цѣнамъ—четыре рубля. Вотъ ты и сочти.

— Ну, а солома?

— Солома? И говорить-то съ тобой не хочется, горячился мой возница. Эка бѣдные, крыши раскрыты, покрыть нечѣмъ! А вы его, баринъ, спросите, гдѣ ихняя солома? Тамъ-же, въ городѣ. А скотинка въ водѣ по колѣни стоитъ. Безстыжіе вы, вотъ что!

Тарасъ былъ сильно сконфуженъ, а я съ любопытствомъ прислушивался къ этому оригинальному спору двухъ представителей сельской нравственности. Впрочемъ, онъ продолжался не долго. Тарасъ съ сердцемъ раздернулъ изгородь, чтобы сдѣлать намъ проѣздъ, и мы выбрались на дорогу, а нашъ спутникъ отправился обратно пѣшкомъ.

— Стыдно стало, и на водку не попросилъ. А хотѣлъ, по глазамъ видно. Вотъ и судите: наша деревня, напримѣръ, ни съ кого штрафа виномъ не беретъ. Пожалуйте деньги въ мірскую кассу. А эти какъ собрались, первое дѣло: съ кого бы сорвать выпить? И ни съ одной сходки трезвые не расходятся: тутъ не то что клеверъ, тутъ золото разсыпь—не поможетъ.

— Скажи, пожалуйста, почему-же они пропиваютъ клеверъ и не пропиваютъ рожь?

— А, видите ли: клеверъ—товаръ, а рожь—хлѣбъ. Пропивать рожь—ужъ совсѣмъ надо совѣсть потерять. Столько-то у нихъ еще есть.

Послѣднимъ выводомъ я и самъ былъ сконфуженъ почти не меньше Тараса. Вотъ какія бываютъ иногда препятствія къ высшей культурѣ! Къ счастію, Артемово представляетъ сравнительно рѣдкій для Сычевскаго уѣзда случай. Повсюду въ остальныхъ селеніяхъ, какъ увѣрялъ мой извозчикъ, клеверъ берегутъ, какъ зеницу ока, и сейчасъ-же увеличиваютъ количество скота. Да и вообще основное правило сельской жизни ничуть не нарушается печальнымъ исключеніемъ въ видѣ дер. Артемова: пьютъ не отъ богатства, а отъ бѣдности. Чуть поднимается въ деревнѣ хозяйство и доходы — пить перестаютъ.

Ѣхать въ другія деревни не стоило. Сѣютъ клеверъ вездѣ совершенно одинаково, большею частію по ржи, отдѣляя отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ всего поля. Правильнаго сѣвооборота еще нѣтъ, но до него—одинъ шагъ. Начались клеверные посѣвы исключительно вслѣдствіе добраго примѣра, а часто и прямой иниціативы землевладѣльцевъ, которые здѣсь, въ Сычевскомъ уѣздѣ, въ большинствѣ уже реформировали свои хозяйства и находятъ, что въ деревнѣ можно не только жить, но даже жить при хорошей обстановкѣ, безъ вѣчныхъ дворянскихъ жалобъ и нытья.

VII.

У Н. В. Верещагина.

Поѣздка въ Едимоново, куда лежалъ мой маршрутъ послѣ Сычевокъ, представляетъ истинное наслажденіе. То-же, что́ въ области полеводства сдѣлано Энгельгардтомъ въ Батищевѣ, сдѣлано въ области сыроваренія, маслодѣлія и вообще скотоводства здѣсь, въ Едимоновѣ, Николаемъ Васильевичемъ

Верещагинымъ. Въ настоящую минуту Едимоново и его скромная школа съ прекрасной при ней молочной лабораторіей, представляетъ настоящій русскій центръ не только скотоводственной науки, но и скотоводственной практики въ самыхъ разнообразныхъ ея видахъ, освѣщаемой и направляемой наукой.

Скотоводство гораздо тоньше и сложнѣе полеводства, опыты въ этой области гораздо продолжительнѣе, труднѣе и сбивчивѣе, а потому и исторія Едимонова длиннѣе и тернистѣе, чѣмъ исторія Батищева. Но за то, если русскому земледѣльцу приходится чуть не сполна отрицать въ своей области все русское культурное прошлое и искать совсѣмъ новыхъ путей, русскому скотоводству остается великое нравственное утѣшеніе именно въ этомъ опытѣ и традиціи.

Вѣнцомъ упорнаго труда Н. В. Верещагина было торжество маленькой убогой русской коровенки надъ ея аристократическими сестрами, за баснословныя деньги выводимыми изъ Швейцаріи, Англіи, Даніи, Голландіи. Относясь презрительно къ нашей бѣдной „горемычкѣ“, мы и не подозрѣвали, что эта маленькая многострадальная коровка, вѣчно голодная, мокнущая въ водѣ, или засыпаемая снѣгомъ, не только благодарнѣе и производительнѣе выхоленныхъ симменталокъ и тиролекъ, но являетъ по всему сѣверу и сѣверовостоку рядъ удивительныхъ, вѣками сложившихся породъ, которымъ могутъ смѣло позавидовать лучшія стада Европы.

Тѣмъ-то и цѣненъ трудъ Н. В. Верещагина, тѣмъ-то и славна его школа и лабораторія, что этотъ, десять лѣтъ назадъ казавшійся чудовищнымъ взглядъ, утвержденъ теперь, какъ культурный фактъ, и русское скотоводство неминуемо должно пойти своимъ, русскимъ путемъ.

Едимоново лежитъ на Волгѣ въ тридцати верстахъ ниже Твери. Ѣдутъ туда или пароходомъ отъ Твери, или Николаевской желѣзной дорогой до ст. Завидово, откуда до Едимонова считается 15 верстъ прекрасной дороги въ большинствѣ по старому Петербургско-Московскому шоссе. Имѣніе принадлежитъ барону Н. Н. Корфу и арендуется нынѣ

Н. В. Верещагинымъ въ полномъ составѣ. Раньше онъ пользовался однимъ лишь молокомъ. Это положеніе было совершенно ненормально, ибо выборъ пастбищъ и заготовка коровъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть въ чужихъ рукахъ, если скотоводъ желаетъ мало-мальски вести дѣло независимо, самостоятельно, а главное, правильно.

Начало дѣятельности Н. В. Верещагина относится къ 60-мъ годамъ. Въ то время скотоводство и молочное дѣло въ Россіи было въ страшномъ упадкѣ. Русскій рынокъ зналъ лишь дешевые и плохіе продукты: русское масло, плохо приготовленное, дешевое и совершенно негодное къ вывозу по непрочности въ храненіи, творогъ и сметану. Сыровареніе кое гдѣ начиналось при крупныхъ экономіяхъ съ выписными мастерами-иностранцами, упорно не передававшими своихъ знаній русскимъ и потому державшими все дѣло въ полной отъ себя зависимости. Русскій скотъ былъ въ величайшемъ презрѣніи. На выкупныя деньги и продаваемые лѣса выписывали дорогія заграничныя породы, которыя быстро вырождались, или погибали при нашихъ безобразныхъ условіяхъ корма и ухода, и ужь во всякомъ случаѣ не давали прибыли. Молочной посуды сколько-нибудь порядочной не существовало. Перевозка по желѣзнымъ дорогамъ была невозможна по отсутствію всякихъ приспособленій, рынки были монополизованы скупщиками, сбивавшими цѣну масла до 6 и 5 руб. за пудъ. О заграничномъ вывозѣ нечего было и думать. Въ огромномъ большинствѣ имѣній скотъ держался только для навоза, у крестьянъ почти не было излишковъ за собственнымъ потребленіемъ.

Рѣшившись посвятить себя скотоводству, Н. В. Верещагинъ началъ съ того, что отправился въ Швейцарію изучать сыровареніе. Затѣмъ онъ изучалъ молочное хозяйство и уходъ за скотомъ въ Голштиніи, Англіи и Франціи. Его примѣръ увлекъ двухъ другихъ, гг. Бландова и Бирюлева, которые и явились первыми учениками и послѣдователями Верещагина.

Въ первомъ періодѣ своей дѣятельности въ Россіи Н. В. Верещагинъ занимался устройствомъ артельныхъ крестьянскихъ сыроваренъ. Мысль объ этомъ возникла у него въ Швейцаріи, гдѣ подобныя артели чрезвычайно распространены, и онъ горячо принялся за ея осуществленіе.

Дѣло пошло-было сначала, потому что иниціаторомъ явился живой и энергичный человѣкъ. Въ Тверской, Ярославской и Вологодской губерніяхъ начали открываться сыроварни. Удалось добыть мастера-Швейцарца, который согласился обучать учениковъ и такимъ образомъ возникла практическая школка, поддержанная Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ и министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Мѣстомъ для нея было выбрано Едимоново, какъ пунктъ, лежащій между столицами, съ удобнымъ сбытомъ продуктовъ и вблизи районовъ съ хорошимъ мѣстнымъ скотоводствомъ. Это было въ 1873 году.

Очень скоро оказалось, что артельное сыровареніе носитъ нѣсколько искусственный въ крестьянскомъ быту характеръ. Какъ ни выгодна можетъ быть утилизація этимъ путемъ молока, но она мало совмѣстима съ нуждами собственнаго потребленія, а также съ воспитаніемъ телятъ. Сыръ оставляетъ производителю только деньги и сыворотку. Затѣмъ при варкѣ сыра огромное неудобство представляетъ сборное молоко. Швейцарскій сыръ при этихъ условіяхъ почти невозможно получить высокаго достоинства, бакштейнъ, тильзитъ, голландскій и честеръ страдаютъ также и въ добавокъ являются въ русскомъ потребленіи новостью. Далѣе, выручка за молоко приходитъ слишкомъ поздно, и мелкому производителю приходится предпочитать хотя-бы дешевую, но прямую продажу молока выгодамъ артельнаго раздѣла. Хотя Верещагину и удалось выхлопотать въ Государственномъ банкѣ незначительный кредитъ артельнымъ сыроварнямъ, но указанныя обстоятельства все-же побудили иниціатора искать другого типа утилизаціи молока, болѣе сподручнаго для крестьянъ.

Такимъ типомъ явилось маслодѣліе. Школа процвѣтала и

выпускала учениковъ, которые брались на-расхватъ, маслодѣліе, для котораго былъ выписанъ Голштинецъ съ женой (Буманъ), расширило ее еще болѣе и оразнообразило. Крестьянская маслодѣленка была уже свободна отъ недостатковъ сыроварни, и сѣмя упало на благодарную почву. Маслодѣліе начало быстро распространяться по Тверской, Ярославской и особенно Вологодской губерніямъ. Отдѣленіе школы было открыто въ селѣ Копринѣ, Рыбинскаго уѣзда. При помощи оказанной министерствомъ Государственныхъ Имуществъ субсидіи начали организовываться передвижныя маслодѣльни, работавшія въ Вологодской, Смоленской, Полтавской и Курской губерніяхъ. Печатались и раздавались брошюры. Населеніе относилось крайне сочувственно, и сѣть маслодѣленъ разросталась.

Для борьбы со скупщиками Верещагину пришлось открыть артельные склады въ Москвѣ и Петербургѣ въ компаніи съ братьями Бландовыми. Очень скоро дѣло приняло огромные размѣры, и Верещагинъ поспѣшилъ изъ него устраниться, чтобы продолжать свои работы надъ разрѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые одинъ за другимъ представляла жизнь вновь возникающей промышленности.

Такъ для того, чтобы обезпечить маслодѣліе потребной посудой, пришлось ѣхать въ Швецію, вывезти мастеровъ и устроить заводъ въ Москвѣ.

Затѣмъ пришлось усиленно хлопотать о желѣзнодорожныхъ тарифахъ на молочные продукты и о необходимыхъ приспособленіяхъ, безъ чего сдѣланныя попытки вывозить сыръ и масло за границу окончились неудачею.

Вслѣдъ затѣмъ стала на очередь необходимость изслѣдовать крестьянское скотоводство. Кромѣ многихъ отдѣльныхъ лицъ, посылавшихся для этихъ изслѣдованій, Верещагину принадлежитъ иниціатива извѣстной экспедиціи академика Миддендорфа, капитальный трудъ коей положилъ прочное начало указанному выше, совсѣмъ новому взгляду на русскія молочныя породы скота.

Сама собою выяснилась слѣдующая основная мысль русскаго молочнаго дѣла. Маслодѣліе и сыровареніе должны быть географически разграничены. Сыръ, истощающій въ извѣстной степени почву, умѣстнѣе тамъ, гдѣ не практикуется удобреніе, напримѣръ, на югѣ. Районъ маслодѣлія и воспитанія молочнаго скота—сѣверъ. Отсюда начинается рядъ работъ Верещагина по основанію сыроваренія на Кавказѣ.

Испытанныя тамъ нѣкоторыя неудачи вызвали новый вопросъ, который обнимаетъ собою нынѣшній, послѣдній періодъ въ дѣятельности Верещагина и его школы.

Не можетъ быть ни правильнаго маслодѣлія, ни сколько-нибудь обезпеченнаго отъ рисковъ и потерь сыроваренія, ни основательнаго скотоводства безъ хорошихъ постоянныхъ лабораторныхъ изслѣдованій.

Верещагинъ, постоянно слѣдящій за всѣми усовершенствованіями молочнаго дѣла въ Европѣ и немедленно испытывающій всякій выводъ науки скотоводства, ѣдетъ за границу самъ, командируетъ выдающагося химика къ свѣтиламъ европейскаго молочно-лабораторнаго дѣла и организуетъ при школѣ превосходную лабораторію, какъ для практическихъ работъ по ежедневному испытанію молока, такъ и для научныхъ изслѣдованій надъ русскимъ скотомъ.

Лабораторія эта, основанная въ скромныхъ размѣрахъ въ 1884 году и впослѣдствіи расширенная, представляетъ единственное въ этомъ родѣ учрежденіе въ Россіи и дала возможность сразу-же рядомъ точныхъ цыфръ обратить многія гипотетическія догадки въ точные законы. Дѣлу этому предстоитъ блестящая будущность, ибо на немъ положены первыя основанія науки настоящаго русскаго скотоводства и молочнаго дѣла.

Чтобы закончить этотъ бѣглый очеркъ тридцатилѣтней дѣятельности Н. В. Верещагина, необходимо упомянуть о сепараторахъ. Какъ только былъ изобрѣтенъ де-Лавалемъ этотъ прекрасный аппаратъ, Верещагинъ, сознавая всю его будущность въ молочномъ хозяйствѣ, немедленно отправился въ Швецію къ изобрѣтателю и содѣйствовалъ заключенію

между нимъ и Бландовымъ договора, по которому русскіе сельскіе хозяева во все теченіе привилегіи будутъ получать сепараторы по удешевленной цѣнѣ.

Мнѣ остается теперь познакомить читателя съ нѣкоторыми любопытными подробностями въ школѣ, лабораторіи и на скотномъ дворѣ Николая Васильевича, любезно посвятившаго мнѣ цѣлыхъ два дня, показавшаго и растолковавшаго мнѣ все, что было возможно въ такой короткій срокъ. Въ моемъ изложеніи постараюсь придерживаться подлинныхъ выраженій любезнаго хозяина.

VIII.

Едимоновская школа.

— Моя школа, говорилъ, провожая насъ, нѣсколькихъ посѣтителей, по аллеѣ, отдѣляющей новенькую усадьбу отъ фермы, Н. В. Верещагинъ, — моя школа совершенно не похожа на другія школы. Во-первыхъ, мы существуемъ почти что безъ всякаго устава, во-вторыхъ, у насъ нѣтъ никакихъ дипломовъ, ни экзаменовъ, ни перевода изъ класса въ классъ, ничего подобнаго. Затѣмъ пріемъ и выпускъ учениковъ производится круглый годъ; пріѣхалъ—учись, открылось требованіе—получай мѣсто и работай; наконецъ, школа не разрываетъ связи съ своими учениками и впослѣдствіи. Ученикъ или ученица, потерявшіе мѣсто, могутъ здѣсь найти пріютъ и вновь поступить на мѣсто. Не доучились—могутъ пріѣхать доучиться. Формъ и обрядностей — никакихъ. Но за то всѣ работаютъ, всѣ дѣйствительно выучиваются и изъ 546 выпущенныхъ за 20 лѣтъ учениковъ я знаю, что дѣлаютъ 400, и не теряю ихъ изъ виду.

— Теоретическое обученіе у васъ въ школѣ есть?

— Это на второмъ планѣ. Неграмотныхъ учимъ грамотѣ, читаемъ ветеринарію, еще кое-что. Все-же основное изучается

при работѣ, на устныхъ объясненіяхъ. Главное, чтобы сами работали все безъ исключенія. Обратите вниманіе, что кромѣ мастеровъ и пастуховъ, никакихъ другихъ рабочихъ школа не держитъ, и все лежитъ на ученикахъ.

Припоминаю по поводу этихъ словъ два случая. Испытывались какъ-то мои плуги въ Петровской академіи. Набралось студентовъ человѣкъ семьдесятъ. Добрая половина, какъ оказалось, никогда на плугѣ не работала, и только двое, да и то подъ руководствомъ профессоровъ, умѣли прицѣпить къ плугу динамометръ и снять діаграмму. Затѣмъ дѣлалъ я какъ-то заказъ Техническому училищу въ Москвѣ. Пошелъ на заводъ къ мастеру. Заводъ роскошный, литейная на европейскую ногу. Работаютъ наемные люди.

— А студенты?

— А студенты занимаются вонъ въ той комнаткѣ. Да развѣ же ихъ можно сюда пустить? Они ничего не умѣютъ... Еще напортятъ!

Оказалось, что гг. будущіе техники формуютъ передъ экзаменомъ разную мелочь, которую на заводѣ работаютъ обыкновенно „мартышки“, т. е. ученики 14—15 лѣтъ.

Вотъ, между прочимъ, секретъ того обстоятельства, что изъ гг. Петровцевъ почти не выходитъ порядочныхъ хозяевъ, а техники наши, поступая на заводъ, должны всю практику учить съ азовъ. Не даромъ-же говорятъ про нихъ: „очень много знаютъ и ничего не умѣютъ“.

У Верещагина въ школѣ все основано на обратномъ принципѣ. Учись на дѣлѣ, теорію узнавай лишь, какъ освѣщеніе и уясненіе насквозь уже извѣстнаго факта.

— Но всетаки-же экзамены есть у васъ?

— Да нѣтъ-же! Поступаетъ, положимъ, ученикъ, или ученица. Сначала черная работа: мытье посуды, уборка. Это весьма серьезное дѣло — чистота должна быть идеальная. Спрашиваю у мастера: ну, что́ такой-то? Говоритъ: хорошо. Переводимъ на масло, или на бакштейнъ, или на другое что́. Мастеръ смотритъ за каждымъ, объясняетъ и наблюдаетъ, на сколько данное дѣло усвоено. Тогда барышню, или моло-

даго человѣка переводимъ на слѣдующее дѣло. Вы понимаете, что каждый остается на одномъ дѣлѣ различное время? Иной маслодѣліе отлично усвоитъ въ мѣсяцъ, другому нужно три. Какже тутъ можно уравнять?

Школа представляетъ собою небольшое одно-этажное строеніе, очень простенькое. Въ ней общежитіе для женскаго персонала, столовая и кухня. Часть ученицъ и всѣ ученики живутъ на вольныхъ квартирахъ въ деревнѣ, тутъ-же въ небольшомъ разстояніи. Маслодѣльня и сыроварня представляютъ роскошныя каменныя помѣщенія съ бетонными полами и всѣми необходимыми приспособленіями. Чистота дѣйствительно идеальная. Достаточно сказать, что въ сыроварню изрѣдка залетаетъ муха, привлекаемая сывороткой, въ маслодѣльнѣ нѣтъ ни одной.

Мы застали производство швейцарскаго сыра. Толстый Французъ-мастеръ, недурно говорящій по-русски, въ фартухѣ поверхъ красной рубашки и съ засученными рукавами, стоялъ у котла съ молокомъ, окруженный учениками. Барышень не было, швейцарскому сыроваренію ихъ не учатъ.

— Обращу ваше вниманіе на котелъ, сказалъ Николай Васильевичъ. У него огонь отодвигается. Это приспособленіе было выписано и обошлось въ 1,000 руб.; теперь такой котелъ можно здѣсь построить за 300 руб.

Огромный мѣдный луженый котелъ былъ неподвижно вмазанъ въ полъ. Очагъ помѣщался подъ поломъ на рельсахъ и, по мановенію мастера, въ нужную минуту легко отъѣзжалъ подъ другой котелъ, въ которомъ кипѣла вода.

Первая операція—заквашиваніе молока. Закваска своя, а не покупная, очень невѣрная. Телячій желудокъ отъ теленка, ничего не видавшаго, кромѣ молока, свѣжій, или соленый, настаивается на водѣ (а для сыровъ французскихъ, бри и другихъ, бросается прямо кусочкомъ въ котелъ), вода эта хранится, и передъ употребленіемъ берется проба, такъ какъ все дѣло въ томъ, чтобы положить точное количество закваски, необходимое для створаживанія молока въ 30 минутъ.

Мастеръ взялъ въ ковшъ отмѣренное количество молока извѣстной температуры, ученикъ вынулъ часы. Отлили мѣрную ложку закваски и сосчитали число секундъ, пока молоко не „сѣло“ въ ковшѣ. Затѣмъ карандашомъ на бумажкѣ было вычислено тутъ-же потребное число ложекъ на котелъ, и ученики стали ихъ лить, сильно мѣшая. Затѣмъ котелъ закрыли и предоставили молоку сквашиваться полчаса.

Вторая операція состояла въ томъ, что сквашенное молоко принялись рѣзать въ котлѣ сначала вдоль, затѣмъ поперекъ тонкимъ деревяннымъ мечемъ. Сквашеніе на столько ровно и хорошо, что молоко такъ и оставалось мягкими квадратными столбиками. Потомъ одинъ изъ учениковъ взялъ палку съ проволочной, рѣдко сплетеной коробкой на концѣ и началъ мѣшать въ котлѣ, раздробляя сырную массу, другой держалъ лопаточку у края, поперекъ волнѣ молока, чтобы не плескалось. Остальные стояли, точно на архіерейскомъ служеніи, молчаливые и сосредоточенные.

Черезъ нѣсколько минутъ мастеръ началъ вынимать пробы отвердѣвшей массы, а ученики—отчерпывать часть сыворотки. Проба эта очень серьезная вещь. Нужно дробить и мѣшать массу на столько, чтобы получилась нужная связность. Не домѣшать—получится сырой, вязкій сыръ, перемѣшать—сыръ будетъ сухъ и разсыпчатъ. Все дѣло здѣсь въ тонкомъ навыкѣ пальцевъ.

Когда, наконецъ, наступилъ вожделѣнный моментъ, двое учениковъ укрѣпили чистую широкую тряпку у одной кромки на длинный гибкій плоскій прутъ и ловко спустили ее въ котелъ, подведя по стѣнкамъ и дну подъ всю массу и выведя на противуположный край. Сыръ очутился какъ-бы въ мѣшкѣ. Четыре конца тряпки соединили и, дружнымъ усиліемъ поднявъ массу надъ котломъ, перевели ее въ расположенную подъ прессомъ деревянную обичайку, въ формѣ круга сыра. Затѣмъ сыръ былъ отпрессованъ, черной краской выставленъ текущій № круга, и красивая свѣтло-желтая масса, послѣ нѣсколькихъ дополнительныхъ прессованій (на перемѣнныхъ

тряпкахъ для просушки), была готова къ поступленію въ подвалъ.

Прессовъ два: одинъ старый, обыкновенный рычагъ съ грузомъ изъ камней, другой новенькій съ нажимнымъ винтомъ, дающій очень точный отжимъ.

Н. В. Верещагинъ провелъ насъ въ подвалъ. Подваловъ собственно два: холодный и теплый. Это очень важное нововведеніе, позволяющее быстро выпускать сыръ въ продажу. Здѣсь помогла бактеріологія. Прежде выдерживали сыръ годами, ухаживая за нимъ какъ за капризнымъ ребенкомъ и стараясь задержать его спѣлость во избѣжаніе вспучиванія, или даже возможнаго развитія гнили и т. п. Теперь дознано, что бактеріи могутъ вызвать гнилостные процессы лишь тогда, если сыръ не успѣлъ просолиться при температурѣ 11—12 град. Затѣмъ онъ уже самъ собою стерилизованъ, разумѣется, если молоко было здоровое. Если этотъ сыръ помѣстить въ температуру 15—18 град., онъ поспѣетъ въ 3—4 мѣсяца и ничуть не уступитъ любому старому сыру. Но за то при малѣйшемъ количествѣ молока отъ больныхъ коровъ, вздутіе и гибель круга неизбѣжны. Швейцарія, реформировавъ свое сыровареніе, обошла это затрудненіе, введя очень простые способы испытанія молока. То-же дѣлается и на фермѣ Н. В. Верещагина. То-же должно бы дѣлаться и на всѣхъ сыроварняхъ. Расходы на маленькую лабораторійку съ избыткомъ покроются уменьшеніемъ потребнаго для оборота капитала вслѣдствіе быстраго его обращенія.

На другой день утромъ, вставъ пораньше, я присутствовалъ при изготовленіи сладко-соленаго масла, великолѣпнаго продукта не только для кушаньевъ, но и для стола; десятокъ чистенько одѣтыхъ дѣвицъ снимали сливки съ десяти, или двѣнадцати пудовъ молока, отстоеннаго въ высокихъ шварцовскихъ металлическихъ ушатахъ, расположенныхъ въ желѣзномъ бакѣ съ охлажденной водой. Сливки поступали въ маслобойку Лефельда. Смѣняясь для работы попарно, барышни въ $^3/_4$ часа сбили около 4 пудовъ сливокъ, выцѣдили пахтанье и, постепенно мѣняя воду въ той-же маслобойкѣ,

вымыли его до полной чистоты. Работою управляла пожилая мастерица.

Затѣмъ, нагнувъ маслобойку, дежурная барышня начала вынимать масло деревянными лопаточками и располагать фунта по три сразу на особомъ столикѣ, нѣсколько наклонномъ, съ желобками по краямъ для стока воды. На столикѣ укрѣплена буковая толстая скалка съ граненой нижней поверхностью. Ударами этой скалки масло раздавливается въ зубчатую лепешку, лишняя вода удаляется тряпкой, лепешка скатывается въ комокъ, идетъ подъ скалку и т. д., всего раза три.

Сначала отдѣлили часть просушеннаго масла и, не соля, стали набивать его въ формочки и укладывать въ жестяной ящикъ. Это масло шло на расходъ. Остальную половину солили мелкой солью подъ скалкой, не высушивая, а только нѣсколько разъ переминая. Солили довольно сильно, затѣмъ скатывали въ колобъ и располагали въ корытѣ на пергаментной бумагѣ, колобъ за колобомъ. Въ углу стояли двухпудовые боченки, куда, отпрессовавъ, укладываютъ это масло, когда накопится на полный боченокъ, и пускаютъ въ продажу въ эту минуту около 12 р. за пудъ. Несоленаго масла сейчасъ на рынокъ не выпускаютъ, а начинаютъ работать его только съ осени, въ виду трудности храненія.

Затѣмъ я присутствовалъ при производствѣ бакштейна и тильзита. Разница между ними только въ формѣ (круглая и квадратная), процессъ лишь немного отличается отъ швейцарскаго. Но эти сыры неизмѣримо удобнѣе дѣлать по ихъ маленькому размѣру. Любопытную вещь разсказалъ, между прочимъ, Николай Васильевичъ:

— Бѣда съ этими огромными кругами. А меньше дѣлать нельзя. И вкусъ будетъ тотъ-же, а рынокъ брезгаетъ. А знаете, откуда пошла эта безобразная форма? Когда-то русская таможня брала пошлину не съ вѣса, а съ круга. Разумѣется, въ Швейцаріи стали дѣлать круги пудовъ въ 10. Публика къ этой формѣ привыкла, и теперь что ни дѣлай, ее не выведешь. Долженъ быть на купеческихъ именинахъ кусокъ сыру въ полъ-аршина вышиной!.. Между тѣмъ это обстоятельство усложняетъ дѣло.

IX.

Молочная лабораторія и ея задачи.

Кромѣ маслодѣлія и сыроваренія, въ школѣ П. В. Верещагина проходятся практически: поенье телятъ, уходъ за скотомъ и кормленіе, свиноводство, ветеринарія и огородничество. Но самымъ важнымъ предметомъ, становящимъ едимоновскаго выученика, или выученицу, дѣйствительно просвѣщеннымъ мастеромъ и хозяиномъ своего дѣла, являются лабораторныя изслѣдованія молока. Всѣ ученики должны знать очень простые практическіе пріемы въ предѣлахъ необходимыхъ для маслодѣлія и сыроваренія; въ то-же время сама лабораторія работаетъ безпрерывно надъ разрѣшеніемъ чрезвычайно важныхъ научныхъ вопросовъ, относящихся по преимуществу къ русскому скоту.

Пробывъ нѣсколько часовъ въ этой лабораторіи, только диву даешься: да неужели возможно работать съ молокомъ безъ его точнаго изслѣдованія? Практическая лабораторійка, дающая всѣ нужныя испытанія, стоитъ у Нипше въ Петербургѣ всего 35—40 руб., самыя испытанія занимаютъ много 10—20 минутъ времени, а между тѣмъ даже въ хорошихъ сыроварняхъ молоко почти не испытывается и, конечно, плачутся на убытки. Иногда весь подвалъ сыра пудовъ 80—100 начинаетъ вздуваться. Спасенія нѣтъ. Сыръ надо выбросить. Оказывается, что мѣсяцъ подъ рядъ въ стадѣ были больны двѣ-три коровы, молоко отъ которыхъ сливали въ общій котелъ. Ничтожное испытаніе въ двѣ минуты укажетъ больную корову. Ее поставятъ, будутъ доить отдѣльно, и производство спасено.

Мои письма предназначены прежде всего для хозяевъ, а потому необходимо войти въ нѣкоторыя подробности.

Вовсе не нужно испытывать ежедневно молоко отъ всѣхъ коровъ. Его нужно лишь мѣрять и записывать. Удои колеблются, но равномѣрно, въ извѣстныхъ предѣлахъ и во всемъ

стадѣ. Вдругъ вы замѣчаете, что корова, дававшая въ удой 16 ф. молока, дала 8. Это наводитъ на подозрѣніе. Ея молоко сливается особо, и берется проба. Изъ стада въ сто штукъ бываетъ ежедневно 7—8 подозрительныхъ случаевъ. Это еще не значитъ болѣзнь, но изслѣдовать необходимо.

Взятыя пробы сливаются въ пробные стаканчики и устанавливаются въ особомъ отстойномъ аппаратѣ. Черезъ часъ, два лаборантъ осматриваетъ отстой и сразу отдѣляетъ больныхъ коровъ. Ихъ отстой рѣзко отличается на глазъ. Животныя переводятся отдѣльно, ихъ лечатъ, а микроскопическое изслѣдованіе указываетъ характеръ болѣзни.

Затѣмъ въ большинство сыроваренъ привозится и чужое молоко. Иной поставщикъ не утерпитъ, чтобы не подлить воды, или иначе не подмѣшать. Вовсе нѣтъ нужды изслѣдовать каждое ведро молока. Довольно поймать фальсификацію разъ, довольно, чтобы поставщикъ зналъ, что фальшь въ молокѣ всегда *могутъ* узнать, и злоупотребленіямъ конецъ. Въ отчетѣ лабораторіи приводятся пресмѣшные случаи борьбы съ крестьянами-фальсификаторами.

Затѣмъ хозяину важно знать, что́ даетъ каждая корова, какъ она окупаетъ свой кормъ, какого качества получается молоко и т. д. Молоко содержитъ жира, т. е. масла, отъ 1,8% до 7%. Другими словами, одно молоко можетъ быть вчетверо богаче и цѣннѣе другого. Количества казеина и молочнаго сахара также разныя. Молочные шарики различны по величинѣ и присутствіе тѣхъ, или другихъ, въ преобладающемъ количествѣ въ молокѣ обусловливаетъ также весьма различныя его свойства. Все это вопросы крайне важные, и здѣсь русская наука, хоть еще и очень молодая, успѣла добыть драгоцѣнные результаты.

При маслодѣліи корова—аппаратъ, вырабатывающій жиръ изъ предлагаемыхъ кормовъ, при сыровареніи — аппаратъ, вырабатывающій сырную массу. Лабораторія изо дня въ день отвѣчаетъ, какое количество жира даетъ животное при такомъ-то кормѣ, и позволяетъ подбирать животныхъ и корма наиболѣе выгодные для хозяина. То, что́ въ-темную, безъ

точныхъ цифръ достигается только при долгомъ опытѣ и, пожалуй, талантѣ, освѣщается при правильныхъ изслѣдованіяхъ сразу, и хозяинъ управляетъ своимъ производствомъ, какъ машиной.

Путятѣ нужно было ежедневно, въ теченіе сорока лѣтъ, дѣлать наблюденія надъ своими коровами и вести опыты чисто по вдохновенію, чтобы создать свое удивительное молочное стадо. И его называли геніальнымъ скотоводомъ. Онъ на глазъ опредѣлялъ корову, но это было субъективное искусство, которое не передашь никому. Теперь хорошій верещагинскій ученикъ безъ всякаго особаго таланта подберетъ изъ русскихъ ярославокъ и вологжанокъ превосходное стадо и распредѣлитъ корма не хуже Путяты. Для этого достаточно очень несложныхъ наблюденій надъ коровами и анализовъ молока. Наука сдѣлала выборъ и содержаніе скота очень простымъ и яснымъ для каждаго искусствомъ.

Это такъ важно, что я опять долженъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Чтобы узнать корову, нужно опредѣлить не только количество, но, главное, качество ея молока. Полъ-ведра молока съ 6% жира дороже, чѣмъ ведро съ 2%.

Изслѣдованій на жиръ много. Точно, впрочемъ, одно вѣсовое. Взвѣшенная проба молока смѣшивается со взвѣшеннымъ количествомъ порошка пемзы и выпаривается. Затѣмъ на очень простомъ аппаратѣ остатокъ выщелачивается эфиромъ, эфиръ удаляется, остается чистое масло, которое и взвѣшивается. Тутъ-же по разности въ вѣсѣ опредѣляется количество сухаго вещества. Весь опытъ занимаетъ 5—6 минутъ и заносится въ журналъ, который изо дня въ день ведется для нѣсколькихъ типичныхъ коровъ. Параллельно съ этимъ записывается количество потребленнаго корма по заранѣе составленной расцѣнкѣ. Результатъ ясенъ, какъ день. Хозяинъ съ точностью знаетъ, во что обошелся ему фунтъ масла, или сыра, произведенный такою-то коровой, при кормѣ такомъ-то, и какъ оплатился этотъ кормъ. Итоги сводятся

по мѣсяцамъ и годамъ, или по періодамъ кормленія, и получается точный балансъ производства.

Микроскопическія изслѣдованія величины шариковъ уясняютъ подробности техники. Различныя коровы при разныхъ кормахъ даютъ шарики, не одинаковые по ихъ распредѣленію. У коровы съ преобладаніемъ крупныхъ шариковъ получается быстрый и плотный отстой сливокъ и синее снятое молоко. Мелкіе шарики выдѣляются въ сливки очень трудно и даютъ большой, но рыхлый слой сливокъ. Смѣсь среднихъ съ мелкими—самая неудобная. Въ зависимости отъ этого рѣшается вопросъ о системѣ отстаиванія, а даже и о самой выгодности маслодѣлія, или сыроваренія. Затѣмъ микроскопъ указываетъ безошибочно всѣ измѣненія, происходящія въ организмѣ коровы. Всякая болѣзнь немедленно отражается на молокѣ и при микроскопическомъ изслѣдованіи захватывается и пресѣкается при первыхъ, даже совершенно незамѣтныхъ извнѣ признакахъ.

Молочной лабораторіей завѣдуетъ чрезвычайно симпатичный молодой человѣкъ, А. А. Поповъ, влюбленный въ свои реактивы и журналы. Мы жестоко его обидѣли, посвятивъ лабораторіи сравнительно слишкомъ мало времени. Онъ радъ-бы сидѣть съ нами хоть мѣсяцъ и прочесть цѣлый курсъ. Этому г. Попову принадлежитъ капитальная работа—„Наблюденія надъ молочной продуктивностью сѣвернаго скота“, о чемъ я скажу позднѣе. Въ лабораторіи онъ замѣнилъ другого прекраснаго изслѣдователя, г. Ав. Калантара, котораго отчетомъ положено прочное основаніе молочно-лабораторному дѣлу въ Россіи.

Всякій изъ учениковъ школы обязанъ въ точности ознакомиться со всѣми практическими пріемами по изслѣдованію молока, масла, сыра, кормовъ и т. д. Спеціально химической подготовки здѣсь почти не нужно, а нужна хорошая ручная техника, да вѣрный глазъ.

Н. В. Верещагинъ провелъ насъ въ школу, гдѣ мы застали обѣдъ. Готовитъ кухарка, отдѣльно нанятая. Дрова, воду и проч. даетъ школа, деньги вносятъ сами ученики;

они-же выбираютъ на каждый мѣсяцъ артельнаго старосту, завѣдующаго хозяйствомъ. Мы спросили молодого человѣка съ дальняго сѣверо-востока, дежурившаго въ предыдущій мѣсяцъ, почемъ обошлась пища на ученика. Онъ не безъ гордости сообщилъ, что вообще мѣсячный расходъ колеблется между 6-ю и 8-ю рублями, а ему удалось опустить эту цыфру до 5 р. 80 к. на человѣка. При этомъ ученикъ получаетъ мясной обѣдъ въ два блюда, хлѣбъ и молока, сколько выпьетъ. Столъ—отличный: простой и вкусный. Про масло нечего и говорить. Такого масла не видятъ въ столицахъ и многіе тайные совѣтники.

Какъ разъ при насъ пріѣхала новая ученица. Николай Васильевичъ отошелъ съ нею къ сторонкѣ, поговорилъ и возвращается съ ея паспортомъ въ рукахъ.

— Приняли?

— Да какъ-же! Вѣдь пріѣхала? Не назадъ-же ѣхать. А впрочемъ, барышня хорошая, кажется, не бѣлоручка. Вообще мы не гонимъ никого. Ну, потѣснимся какъ-нибудь, найдемъ мѣсто. Жаль, стипендій мало (всего 20 по 100 р.). У нѣкоторыхъ совсѣмъ ничего нѣтъ, ну, кормятся какъ-нибудь. А плохіе у насъ не держатся, сами уѣзжаютъ.

Вечеромъ та-же барышня уже присутствовала при доеньи коровъ. Доятъ ученицы, одѣтыя въ скромныя, большею частью свѣтлыя платья. Чистота такая, что запачкаться немыслимо. Коровы, возвращаясь съ поля, становятся на мѣста и привязываются, навозъ немедленно вычищается, широкій коридоръ усыпается свѣжими опилками, посрединѣ располагается дежурная съ журналомъ и другая. со скляночками для пробъ. Быстро, одна за одной, подходятъ подойщицы, сливая молоко отъ каждой коровы особо въ измѣритель. Поплавокъ поднимается и въ журналѣ отмѣчается цифра. Затѣмъ молоко идетъ въ большіе ушаты, и черезъ часъ начинается варка сыра, производимая послѣ каждаго удоя, т. е. утромъ и вечеромъ. Вырабатывается полный кругъ, остатки идутъ на бакштейнъ, тильзитъ и масло.

Сыворотка спаивается свиньямъ по извлеченіи нѣкотораго количества худшаго сорта масла.

X.

Корова—барыня и корова—кормилица.

Можно смѣло сказать, что только лабораторные пріемы испытанія молока и кормовъ, которые были описаны мною въ послѣднемъ письмѣ, опредѣлили на русскомъ сѣверѣ, сѣверо-востокѣ и отчасти въ средней полосѣ рядъ отличныхъ породъ русскаго скота. Раньше, безъ цифръ, можно было спорить о сравнительныхъ достоинствахъ для Россіи чистокровной голландской, симентальской и какой-нибудь ярославской, тотемской, сямской, пріокской, или домшинской коровы. Теперь, благодаря вологодской выставкѣ 1890 года и изслѣдованіямъ Верещагина и его помощниковъ въ школѣ и на мѣстахъ, русская корова на сѣверѣ является съ такимъ формулярнымъ спискомъ, что знаменитый датскій изслѣдователь скота проф. Зегельке, путешествовавшій вмѣстѣ съ Верещагинымъ, долженъ былъ сдѣлать довольно любопытное признаніе: „подобной молочности мы въ Европѣ совсѣмъ и не знаемъ“.

Это обозначаетъ вовсе не то, чтобы тотемки, сямки и зырянки давали больше молока, чѣмъ заграничный скотъ; это обозначаетъ лишь, что одно и то-же количество корма наша русская корова оплатитъ въ видѣ масла и сыра значительно лучше, чѣмъ почти любая корова заграничная.

Совсѣмъ въ одинаковыхъ отношеніяхъ стоятъ: выхоленный нѣмецкій бауэръ и русскій „мужиченко“, померанскій гренадеръ и русскій „солдатикъ“, тирольская, или альгаузская корова „барыня“ и русская „коровенка“, мѣтко окрещенная „горемычкой“. Мужиченко чуть заправится, заткнетъ за поясъ любого бауэра; солдатикъ покажетъ на Шипкѣ то, чего и

въ голову не придетъ померанскому гренадеру, а полуголодная сямка, или тотемка, прокормитъ большую семью и вполнѣ заслужитъ свое названіе кормилицы. Та-же тотемка, поставленная въ хорошія условія, станетъ немедленно высоко продуктивной коровой.

Трудно это понимается. Проходишь по скотному двору, невольно останавливаешься:

— Какой чудесный экземпляръ!

— На скажу, отвѣчаетъ Николай Васильевичъ. Это изъ плохихъ, тиролька, остатокъ корфовскаго стада. Красива, велика, да, но и только. А вотъ вы на что́ обратите вниманіе!

И подводитъ къ плюгавой по внѣшности маленькой коровенкѣ.

— Вотъ эта корова дала за удойный періодъ шесть пудовъ масла. Цѣна ей рублей 35, а вѣсъ 22—23 пуда.

Право, можно подумать, ужъ не смѣется-ли надъ нами Верещагинъ? Но нѣтъ! Въ лабораторіи журналъ. Цифры, что́ называется, металлическія.

Я просилъ сдѣлать мнѣ выписку относительно маленькой ярославской коровки „Красавка“, одной изъ лучшихъ.

Вотъ ея формуляръ:

Живой вѣсъ 23 пуда.

Удойный періодъ 320 дней.

За это время дала молока 164 п. 27 ф., или 219 ведеръ.

Содержавшихъ: масла 8 п. 20 ф., или сухого вещества 24 п. 8 ф.

Въ процентахъ къ вѣсу молока:

Масла 5,16.

Сухого вещества 14,47.

Съѣла за 320 дней:

	Цѣны.	На сумму.
Сѣна 61 п. 20 ф.	24 к.	14 р. 76 к.
Соломы 21 п. 15 ф.	5 „	1 „ 10 „
Мякины 57 п. 18 ф.	2,5 „	1 „ 42 „
Овсяной муки 12 п. 13 ф.	67 „	8 „ 26 „
Ржаной муки 12 п. 24 ф.	77 „	9 „ 64 „
Отрубей пшеничныхъ 5 п. 25 ф.	40 „	2 „ 25 „
Жмыховъ 15 п. 10 ф.	50 „	7 „ 62 „
Картофеля 11 п. 20 ф.	10 „	1 „ 15 „
Свеклы 24 п. 28 ф.	15 „	3 „ 70 „
Моркови 14 п. 20 ф.	15 „	2 „ 17 „

Силосован. корма 5 п.	10 „	— „	50 „
Барды 100 ведеръ	2,6 „	2 „	60 „
Соли 1 пудъ	40 „	— „	40 „
Итого		55 р.	57 к.

При производствѣ масла, считая по 12 руб. за пудъ, корова эта дала, такимъ образомъ, за израсходованные 55 р. 57 к. 102 рубля и сверхъ того снятое молоко. При производствѣ сыра бакштейнъ по 8 р. пудъ дала 176 руб. и сверхъ того сыворотку. Теленка Н. В. Верещагинъ почти не считаетъ. Ихъ воспитываютъ немного, лишь для учебныхъ цѣлей. Да и стоитъ-ли воспитывать, когда такую корову на мѣстѣ можно свободно купить за 50—60 руб., а съ приводомъ она обойдется въ Едимоновѣ не дороже 80 руб.? Молоко утилизуется здѣсь по такимъ цѣнамъ, что стоимость себѣ выпоенной шестимѣсячной телки — около 40 рублей. Не проще-ли же предоставить воспитаніе телятъ сѣверному крестьянину, который выпоитъ теленка между дѣломъ, собирая при этомъ масло и кормя семью? Верещагинъ такъ и считаетъ выпойку телятъ спеціальностью крестьянскаго хозяйства. Это дѣло вовсе не безвыгодное, когда цѣны на выводной скотъ возрастутъ, а это случится неминуемо.

Но возвращаюсь къ цифрамъ. Я просилъ дать мнѣ параллельную-же справку относительно породистой заграничной коровы. Къ сожалѣнію, такихъ цифръ подъ руками не было. Да безъ нихъ можно было и обойтись, ибо изъ прежнихъ опытовъ совершенно безошибочно можно было вывести разницу.

Молочность голландской коровы можетъ быть доведена и до 400 ведеръ, но при этомъ, во-первыхъ, молоко будетъ жиже, всего съ 2 — $2^1/_2$% жира, во-вторыхъ, при гораздо большемъ живомъ вѣсѣ потребуется значительно больше кормовъ. При хорошемъ содержаніи и правильномъ кормленіи доходъ будетъ, но едва-ли и на половину такой, какъ отъ „Красавки“. Да и остальное стадо немногимъ ей уступитъ.

Вотъ гдѣ секретъ того обстоятельства, что большую красавицу-корову цѣнятъ только любители въ городахъ да неопытные помѣщики. Корова эта дѣйствительно „ходитъ

барыней". Но разъ дѣло идетъ на промышленную ногу, нужно густое, жирное молоко и не дорого обходящееся, русская корова сѣверянка выдвигается на первый планъ. Сколько было сдѣлано попытокъ ввести заграничный чистокровный скотъ, или улучшить породу скрещеніемъ? Въ Ярославской губерніи эти попытки идутъ съ начала нынѣшняго столѣтія. Разводились у владѣльцевъ большія стада. Но крестьяне не бросались на заводскихъ телятъ и берегли свою мѣстную породу. Едва-ли не одна холмогорка акклиматизовалась на сѣверѣ, да и то измельчавъ и приблизившись къ русскому типу. Изслѣдованія московскаго Комитета Скотоводства подъ предсѣдательствомъ Н. В. Верещагина, сдѣланныя путемъ экспедицій въ 1888, 89 и 90 годахъ, подтвердили этотъ фактъ и анализами молока доказали прямо, что крестьянинъ былъ правъ, не хватаясь за породистый заграничный скотъ, какъ хватается онъ за породистую лошадь, свинью, птицу.

Я спросилъ Николая Васильевича о значеніи подбора при сохраненіи породы. Меня поражалъ тотъ фактъ, что въ крестьянскихъ стадахъ быки обыкновенно очень молоды и плохи.

— У лошадей главное — производитель. Онъ передаетъ потомству большинство цѣнныхъ свойствъ. У коровы наоборотъ. Если корова хороша, то она передаетъ свои свойства теленку, а быкъ нуженъ лишь какъ оплодотворяющій элементъ и, пожалуй, чѣмъ быкъ индивидуально-слабѣе, тѣмъ лучше. Телка, родившаяся отъ хорошей, испытанной крестьянской коровы и очень плохого, безразличнаго быка, выйдетъ вся въ мать и будетъ очень цѣнна. Заводскій быкъ дастъ метиса съ нѣкоторыми свойствами чужой породы и чаще всего испортитъ теленка. При генеалогіи лошадей ведутъ счетъ по самцамъ. При правильной генеалогіи коровъ будутъ считать по матерямъ.

— Существуютъ-ли вѣрные признаки молочности для того, чтобы распознать цѣнность матери? Вѣдь тогда что-же? Каждая крестьянская коровка можетъ оказаться при хорошемъ кормѣ прекрасной продуктивной скотиной?

— Совершенно вѣрно. Мѣстныя породы большею частью всѣ хороши. Крестьяне путемъ долгой практики несомнѣнно выработали въ коровѣ всѣ тѣ свойства, которыя имъ нужны. Эти свойства: во-первыхъ, густое вкусное молоко, а не вода. Во-вторыхъ, неприхотливость на кормъ и обстановку, въ третьихъ, равномѣрность и продолжительность удоевъ. Это самое важное. Крестьянская корова — кормилица всей семьи и даетъ молоко при такихъ условіяхъ, при которыхъ заграничная корова совсѣмъ ничего не дастъ. Въ русской коровѣ богатѣйшій матеріалъ.

— Я-бы просилъ васъ показать подробно эти признаки молочности.

— Пойдемте сюда. Возьмемъ ну хоть вотъ эту корову. Взгляните на нее сначала въ профиль. Голова должна быть „женственна", т. е. не походить на бычью. Затѣмъ, если вы взглянете на промежутокъ между брюхомъ, задними и передними ногами, то этотъ промежутокъ, пустота, должна быть меньше корпуса коровы. Форма самого корпуса, вмѣстѣ съ головой, должна быть бутылкообразна, т. е. задъ объемистѣе переда. Вѣдь у коровы молочный апаратъ сзади. Ощупайте кожу. Чѣмъ мягче и тоньше, тѣмъ лучше. Кости — чѣмъ тоньше, тѣмъ лучше. Ощупывайте промежутки между ребрами. Чѣмъ шире—тѣмъ лучше. Тутъ-же въ промежуткахъ такъ называемые молочные колодцы, т. е. перерывы въ мускулатурѣ, покрывающей ребра. Величина этихъ колодцевъ— лучшее указаніе молочности. Затѣмъ вымя. Форма вымени несущественна и даже маленькое вымя и соски не указываютъ на немолочность. Оно можетъ быть скрытое. Смотрите лишь, чтобы заднія ноги были разставлены достаточно и не тѣснили вымя, да чтобы кожа на немъ была нѣжная. Отъ вымени идутъ по брюху вены. Чѣмъ явственнѣе и толще — тѣмъ лучше, ибо таковы-же будутъ и артеріи, таково-же и производство молока. Вены скрываются въ брюшину. Нащупайте эти отверстія, чѣмъ шире—тѣмъ лучше. Затѣмъ такъ называемое молочное зеркало—признакъ очень хорошій. Смотрите на корову сзади. У нея на ногахъ волоса идутъ въ одномъ

направленіи, на вымени—въ другомъ. На границѣ образуется щеточка, или гребешекъ, очерчивающій опредѣленное пространство. Это и называется молочнымъ зеркаломъ. Чѣмъ оно больше и чѣмъ линіи прямѣе, тѣмъ лучше. Сумма всѣхъ этихъ признаковъ даетъ безусловно молочную корову, хотя бываетъ и такъ, что молочность является и при отсутствіи какого-нибудь изъ нихъ.

— Молочныхъ коровъ кругомъ васъ множество. Почти всѣ крестьянскія породы очень выгодны и молочны, заключилъ свою лекцію Николай Васильевичъ. Все дѣло въ кормѣ. Если нужна выгода, а не утѣха глазъ, берите самый простой русскій скотъ. И чѣмъ вы лучше будете его кормить, тѣмъ онъ лучше васъ вознаградитъ.

Нѣтъ никакой возможности говорить ни о замѣчательномъ полеводствѣ Н. В. Верещагина, гдѣ уже переходятъ на озимую пшеницу, и гдѣ рожь даетъ самъ-27 и больше, ни о его огородахъ. Упомяну лишь о силосахъ. Силосуютъ капустный и свекольный листъ и крупныя травы въ огромномъ врытомъ въ землю чанѣ, пересыпая солью. Кормятъ этимъ кормомъ понемногу. Это великолѣпное молоко—возбуждающее средство. Барду Верещагинъ не любитъ. Молоко жидкое, почти не жирное, сыръ плохой, корова быстро изнашивается. Малѣйшая кислота въ бардѣ—сыръ и масло очень плохи.

Мы распрощались съ любезнымъ хозяиномъ, и я направился въ Тверь ознакомиться съ очень живой, по словамъ Н. В. Верещагина, дѣятельностью тамошняго Общества сельскаго хозяйства.

XI.

Тверской отдѣлъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и его начинанія.

Общая участь какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ, — нѣкоторая формальная дѣятельность и почти совершенное отсутствіе жизни и живой

инициативы. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до сихъ поръ. Въ послѣднія пять лѣтъ старѣйшія изъ столичныхъ нашихъ обществъ: Вольно-Экономическое, Московское и Южной Россіи не проявили себя ровно ничѣмъ, но въ провинціи начинается несомнѣнное оживленіе. Называютъ нѣсколько сельскохозяйственныхъ обществъ, напримѣръ, Псковское, Курское, Калужское, Смоленское и др. достигшихъ большихъ результатовъ. Словно найдено что-то, чего не хватало раньше, и дѣло пошло.

Вотъ это „что́-то“ и есть самое любопытное. Чтобы изслѣдовать этотъ вопросъ, я, послушавшись Н. В. Верещагина, прямо отъ него проѣхалъ въ Тверь, чтобы познакомиться съ мѣстнымъ отдѣломъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и осмотрѣть его складъ, основанный всего три года назадъ и уже оборачивающій на десятки тысячъ рублей.

„Что́-то“ оказалось сразу. Это два живыхъ человѣка, отнесшихся къ дѣлу не по-канцелярски, а съ любовью. Вышло все необыкновенно просто, но именно въ этой-то простотѣ и практичности и лежитъ весь секретъ.

Тверской отдѣлъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства состоитъ въ эту минуту изъ 158 членовъ, разбросанныхъ по всей губерніи. Рабочую силу изображаютъ всего двое подгородныхъ къ Твери помѣщиковъ. Предсѣдатель отдѣла А. С. Юрловъ, онъ-же завѣдующій взаимнымъ страхованіемъ при губернской земской управѣ, и секретарь М. В. Девель, безотлучно сидящій въ центральномъ складѣ отдѣла въ Твери и распоряжающійся уѣздными складами.

Въ Твери издавна существовало общество сельскаго хозяйства, являвшее обычную картину: дѣятельности никакой, въ кассѣ пустыня, засѣданій не собирается „за неприбытіемъ гг. членовъ.“ Такихъ обществъ, по календарю Девріена, до 70, съ уставами, правами, „дѣлами“ и т. п. Это канцелярскіе мертвецы, которыхъ не хоронятъ, потому что они попросту высохли и даже воздуха не портятъ.

Въ 1888 г. нѣсколько землевладѣльцевъ рѣшились, не пытаясь воскрешать тверского мертвеца, основать новое сель-

ско-хозяйственное общество съ цѣлями прямо практическими: способствовать улучшенію хозяйствъ другъ у друга путемъ не только „обмѣна мыслей“, но и обмѣна услугъ. Идея была настолько разумна и выражена настолько просто, что на воззваніе откликнулось 94 человѣка, а 30 бросили даже полевыя работы и поѣхали въ Тверь на собраніе учредителей.

Съ перваго-же раза рѣшили, не открывая отдѣльнаго общества, стать отдѣломъ общества московскаго. Это давало рядъ весьма существенныхъ правъ. Уставъ Московскаго Общества распространяется и на его отдѣлы, а въ этомъ уставѣ есть очень цѣнныя вещи: безпошлинная выписка скота, сѣмянъ и растеній изъ-за границы, безплатная почтовая пересылка корреспонденціи и даже тюковъ до трехъ пудовъ и пр. Затѣмъ центральное Общество ничуть не стѣсняетъ самостоятельности отдѣла, а между тѣмъ отдѣлъ можетъ разсчитывать на большій успѣхъ своихъ ходатайствъ, проходящихъ чрезъ Московское Общество и имъ поддерживаемыхъ, чѣмъ обыкновенное провинціальное общество.

Въ декабрѣ 1889 года, одновременно съ губернскимъ земскимъ собраніемъ, состоялось первое общее собраніе членовъ новооткрытаго отдѣла. Подготовительная коммисія, съ гг. Юрловымъ и Девелемъ во главѣ, успѣла за это время выработать уже программу занятій отдѣла, устроить рядъ частныхъ собраній въ уѣздахъ для организаціи уѣздныхъ совѣтовъ отдѣла, начать собирать свѣдѣнія о хозяйствахъ членовъ, по выработанной ею программѣ и выдвинуть на первую очередь важнѣйшіе сельскохозяйственные вопросы, которыми и пришлось заняться собранію.

Программа занятій была выработана съ такимъ разсчетомъ, чтобы поставить отдѣлъ и его уѣздный совѣтъ по возможности въ независимое положеніе внѣ всякихъ административныхъ разрѣшеній и вмѣшательствъ. Ея содержаніе довольно любопытно, и я приведу его вкратцѣ:

Отдѣлъ предполагаетъ:

1) Собирать періодически своихъ членовъ на совѣщанія.
2) Устраивать бесѣды и публичныя чтенія, выставки всевозможныхъ

предметовъ, относящихся къ сельскому хозяйству и мѣстной промышленности и всякаго рода испытанія.

3) Содѣйствовать покупкѣ и продажѣ сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ предметовъ, для чего устраивать склады, посредничества и конторы.

4) Пріискивать служащихъ и спеціалистовъ.

5) Устраивать питомники и торговлю растеніями и сѣменами.

6) Учреждать случные пункты.

7) Устраивать библіотеки сельско-хозяйственныхъ книгъ, чтенія и объясненія, торговать книгами.

8) Размѣщать желающихъ учиться по фермамъ, школамъ и образцовымъ хозяйствамъ.

9) Содѣйствовать улучшенымъ постройкамъ.

10) Слѣдить за усовершенствованіями въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности.

11) Производить опыты и о результатахъ публиковать въ „Трудахъ“ Общества, а также въ своемъ собственномъ изданіи.

12) Распространять улучшенные пріемы сельскаго хозяйства и промышленности путемъ приглашенія спеціалистовъ.

Уѣздные хозяева отнеслись къ дѣлу неодинаково. Въ трехъ уѣздахъ: Тверскомъ, Вышневолоцкомъ и Корчевскомъ съѣзды состоялись, отъ остальныхъ „свѣдѣній не получено“. Состоявшіеся съѣзды выдвинули вопросы о сельскохозяйственной школѣ для губерніи, одно земство ассигновало 300 рублей на открытіе склада машинъ и сѣмянъ. Была также предложена безплатно земля для школы.

Самымъ главнымъ вопросомъ, поднятымъ коммисіею на первомъ-же общемъ собраніи, были искуственныя удобренія. Для клевера необходимъ гипсъ, достать его негдѣ. Коммисія нашла возможнымъ вызвать пониженіе его цѣны для членовъ отдѣла съ 25 до 15 коп. Затѣмъ фосфориты. Гг. Куломзины согласились давать свою фосфоритную муку на коммисію, и еще до открытія собранія членами было раскуплено 1800 пудовъ. Коммисія вошла въ соглашеніе съ пароходчиками о болѣе дешевомъ провозѣ.

Наконецъ, пудретъ. Коммисія обратила вниманіе на войлочную ассенизацію и рѣшила ввести ее въ Твери, чтобы хозяева могли пользоваться городскими нечистотами. Одинъ

изъ членовъ, г. Ордынскій ѣздилъ въ Вильну и познакомился тамъ съ этимъ производствомъ.

Послѣ удобреній было обращено вниманіе на земледѣльческія орудія. Коммисія вошла въ сношеніе съ рижскими фабрикантами, а отъ кустарей Ржевскаго и Зубцовскаго уѣзда уже пріобрѣла нѣсколько мялокъ для льна, которыя и были проданы членамъ.

Для корма скота въ Тверской губерніи сильно распространены льняной и конопляный жмыхъ. По этому предмету коммисія выработала обширный докладъ, подобрала всѣ необходимыя цифры и вошла въ сношенія съ заводчиками по всей Россіи. Оказалось, что жмыхъ въ Тверской Губерніи можетъ потребляться лишь мѣстный съ маленькихъ заводовъ.

Иностранцы, потребляющіе жмыхъ южный, подняли цѣну на него до такой степени, что тверскіе хозяева должны отъ него отказаться, если правительство не приметъ мѣры къ удешевленію этого драгоцѣннаго продукта наложеніемъ вывозной пошлины.

Всѣ предложенія коммисіи были, разумѣется, приняты. Складъ самъ собою открылся еще раньше перваго собранія, теперь онъ былъ расширенъ и снабженъ кредитомъ, какъ отъ губернской Земской Управы, такъ и отъ мѣстнаго Общества Взаимнаго Кредита. На слѣдующемъ-же общемъ собраніи въ 1890 году былъ доложенъ печальный результатъ ходатайства о жмыхѣ. Нѣкоторыя южныя общества сельскаго хозяйства, имѣя ближе къ сердцу интересы своихъ маслобойныхъ заводовъ, чѣмъ нужды сѣвернаго скотоводства, просили пошлины не накладывать, и Московское Общество ходатайство не поддержало. Но за то другія ходатайства увѣнчалить успѣхомъ. Были освобождены отъ платежа торговыхъ пошлинъ склады произведеній членовъ отдѣла и паровые двигатели для переработки собственныхъ продуктовъ, на первый разъ не свыше 4 силъ.

Ко второму общему собранію складъ отдѣла въ Твери уже могъ похвалиться чрезвычайнымъ успѣхомъ своей дѣятельности. За годъ было открыто по уѣздамъ семь складовъ.

Было распродано до 12 т. пудовъ фосфорита, 10,000 пуд. гипса, много клеверныхъ и льняныхъ сѣмянъ, плуговъ и другихъ машинъ. При субсидіи со стороны министерства Государственныхъ Имуществъ организована испытательная станція для сѣмянъ. Возбуждено ходатайство объ открытіи сельскохозяйственной библіотеки, книги изъ которой разсылались бы гг. членамъ въ деревню.

Къ третьему собранію въ 1891 году, также въ декабрѣ, дѣятельность общества и склады расширились еще болѣе. У общества мало-по-малу образовался свой печатный органъ, возникшій изъ циркуляровъ, печатавшихся сначала рѣдко, затѣмъ чаще и полнѣе. Еще немного, и журналъ, уже имѣющій то-же заглавіе, что̀ и складъ, именно „Хозяинъ“, станетъ формальнымъ періодическимъ изданіемъ.

Съ большимъ интересомъ просидѣлъ я въ складѣ часа три, наблюдая за кипѣвшей въ немъ торговлей и бесѣдуя съ М. В. Девелемъ, сообщившимъ мнѣ много любопытнаго. Бесѣду эту я постараюсь изложить въ слѣдующемъ письмѣ.

XII.

Въ складѣ у М. В. Девеля.

Складъ тверского отдѣла не только интересенъ самъ по себѣ, но и поучителенъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, шаблонно и дико организована наша провинціальная торговля! Спрашиваешь въ бойкомъ уѣздномъ, или даже губернскомъ центрѣ что́-нибудь нужное по хозяйству:

— Нѣтъ, отвѣчаетъ торговецъ, и даже не балахонникъ, а по-сво́ему образованный:—не торгуемъ.

— Да почему-же?

— Не спрашиваютъ. Сбыта нѣтъ.

Получается замкнутый кругъ. Покупателя нѣтъ, потому что нѣтъ на глазахъ товара. Товара не держатъ, потому

что боятся не найти покупателя. Такъ мы и привыкли думать, что наши хозяева—рутинеры, и не легко провести между ними что-нибудь новое и полезное.

А въ сущности виноватъ купецъ, не желающій пошевельнуть пальцемъ, чтобы ввести что нибудь новое на рынокъ.

Тверской складъ тѣмъ и поучителенъ, что здѣсь все новое, раньше на мѣстномъ рынкѣ вовсе не бывшее. Каждому артиклю приходилось прокладывать дорогу, а такъ какъ дорога эта прокладывалась съ толкомъ, соотвѣтствуя назрѣвшей, хоть и не названной потребности, то не мудрено, что публика отвѣтила значительнымъ и быстро увеличивающимся спросомъ.

Раньше плугами не торговалъ въ Твери никто. Теперь, когда въ первый-же годъ складъ продалъ 300 штукъ, спохватились и торговцы, и вотъ, передъ каждой желѣзной лавкой выставленъ плугъ. Косы по деревнямъ возили курскіе косники, продавали австрійскій бракъ и брали невозможныя цѣны. Складъ ввелъ отличную и дешевую косу Вилейскаго завода, и она сразу вытѣснила австрійскую и цѣною, и качествомъ. Клеверныя сѣмена прежде можно было имѣть только въ Москвѣ, въ прошломъ году складъ продалъ ихъ 800 пудовъ по цѣнамъ ниже московскихъ магазиновъ. Въ нынѣшнемъ году съ клеверомъ вышло очень грустное недоразумѣніе. Земство ежегодно кредитуетъ складъ пятью тысячами рублей. На эти деньги еще въ декабрѣ предполагалось закупить клеверъ, стоявшій въ 9-ти рубляхъ. Новый губернаторъ нашелъ этотъ авансъ незаконнымъ и опротестовалъ. Сенатъ губернаторскій протестъ отмѣнилъ и деньги выдали складу, но было уже поздно, а въ это время клеверъ поднялся до 11 рублей.

Рельефнѣе всего роль склада, какъ культурнаго центра, выразилась на фосфоритахъ и гипсѣ. Вотъ цифры по годамъ съ 1888: 300, 600, 1,200, 12,000 и 15,000 пудовъ. Гипсъ: 200, 6,000 и 8,000 пудовъ.

Такая быстрая прогрессія обусловливается не одною лишь выгодностью фосфорита, какъ удобренія. Выписка чего-ни-

будь издали для сельскаго хозяина вещь довольно трудная и непривычная. Но когда фосфориты разослали изъ тверского склада по восьми уѣзднымъ, такъ что достаточно выслать за нимъ подводы въ свой-же городъ, или на пристань, когда провезли его водой на особомъ унжакѣ за самую дешевую цѣну и въ продажу пустили по христіанской разцѣнкѣ, фосфориты стали брать даже крестьяне, увидавшіе его дѣйствіе на господскихъ поляхъ. И навѣрно, изъ проданныхъ въ этомъ году складомъ 15 т. пудовъ, добрая треть куплена крестьянами.

Пока земскій, или иной складъ торгуетъ на канцелярскій манеръ, его дѣло не пойдетъ. Большая часть машинъ, удобреній, сѣмянъ, взятыхъ по-просту на коммисію, или купленныхъ за деньги, при расцѣнкѣ даже съ небольшой надбавкой, окажутся для хозяевъ все-же чрезмѣрно дорогими. Русскіе хозяева слишкомъ бѣдны, и если желательно въ ихъ среду что-нибудь провести, то товаръ необходимо искуственно удешевить. За то тогда онъ дѣйствительно пойдетъ въ огромныхъ количествахъ, и торговля имъ разовьется прочно. Но какъ удешевить?

М. В. Девель отлично это понялъ, и самою главною его заслугою можно считать введеніе ряда новыхъ производствъ въ самой Твери.

— Вотъ верещагинская посуда, говорилъ онъ мнѣ:—хороша, но дорога. Не по средствамъ огромному большинству А распространить нужно. Что дѣлать? Иду къ нашимъ здѣшнимъ мѣдникамъ, толкую, наставляю, заказываю. Сдѣлали—вышло хорошо и дешево. Посуду покупаютъ, мастера приспособились, и товаръ сталъ ходкимъ. Вотъ американская маслобойка. Она удивительно хорошо пошла и, дѣйствительно, ни по работѣ ни по чистотѣ не оставляетъ желать лучшаго. А пошла все-таки тогда лишь, когда вмѣсто московской цѣны 18—20 руб, мы за полутораведерную, сдѣланную здѣсь, стали брать 6 рублей. У насъ и мастеръ приспособленъ, и сколько-бы мы ни дѣлали, ихъ никогда не хватаетъ.

Въ складѣ стояло нѣсколько плуговъ съ проставленной фирмой „Складъ Хозяинъ“.

— Неужели,—спрашиваю,—Шварцгофъ ставятъ вашу фирму вмѣсто своей?

— Нѣтъ, это наши плуги.

— Какъ ваши?

— Это копія съ Шварцгофа. Провозъ изъ Риги слишкомъ дорогъ, и цѣны у Шварцгофа высоки. Я сдѣлалъ заказъ Людиновской артели на прежнихъ Мальцевскихъ заводахъ, и теперь мы продаемъ отличный „орликъ“ по 5 р. 30 к.

— Вѣялки у васъ какія?

— Тоже свои. Вѣялку сдѣлать можно очень хорошую за 20 рублей, а ни въ одномъ складѣ дешевле 35—40 нѣтъ. Я выписываю металлическія части отъ Сабанѣева изъ Ярославля, дерево дѣлаютъ здѣшніе столяры. И имъ работа, и вѣялка дешева. А современемъ будетъ стоить 15 рублей.

Съ сѣменами та-же исторія. Льняное сѣмя выписывается складомъ отъ Псковскаго Общества Сельскаго Хозяйства, огородныя сѣмена—частію изъ магазиновъ, но уже дѣлаются спеціальные заказы мѣстнымъ огородникамъ. Чтобы гарантировать покупателей клевера отъ заразы *повелики*, сѣмена продаются не иначе, какъ послѣ очистки на спеціальной выписанной изъ-за границы клеверной сортировкѣ, за которую М. В. Девель не пожалѣлъ заплатить 250 руб.

Кстати о сортировкѣ. Въ задней комнатѣ склада помѣщается кромѣ этой клеверной сортировки, еще большая и дорогая сортировка Вараксина. Оказывается, что, благодаря наличности этой машины, развилась очистка сѣмянъ даже у крестьянъ. Они привозятъ свои очень сорныя сѣмена, платятъ по 1 к. съ пуда, сами очищаютъ и увозятъ какъ сѣмя, такъ и остатки. Сортировка, заплаченная съ доставкой около 120 руб., успѣла уже четыре раза окупить свою стоимость.

Въ той-же задней комнатѣ были сложены мѣшки съ торфяной пудрой.

— Какъ подвигается ваша войлочная ассенизація?

— Конечно, добьемся, твердо отвѣчаетъ Михаилъ Владиміровичъ.—Уже и сейчасъ кое-что сдѣлано. Торфяной порошокъ свой, работается по нашему заказу. Кое-кто изъ домовладѣльцевъ уже ввелъ у себя дезинфекцію отхожихъ мѣстъ торфомъ. Введутъ, вѣроятно, и всѣ.

— Я думаю, что это дѣло хорошо пойдетъ тогда, когда въ торговлю поступитъ продуктъ въ видѣ тука.

— Этотъ вопросъ уже рѣшенъ. Крестьяне сразу поняли, какая драгоцѣнность—пудретъ изъ человѣческихъ экскрементовъ. Подгородніе пользовались отхожими мѣстами и раньше. Но вѣдь безъ торфа это отвратительно чистить отхожія мѣста и, понятно, что домовладѣльцы платили дорого. Пересыпка торфянымъ порошкомъ уничтожаетъ всякое зловоніе и у васъ получается удобреніе въ видѣ черной массы совершенно безъ запаха. Крстьяне сейчасъ-же это сообразили и тамъ, гдѣ домовладѣлецъ употребляетъ торфъ, чистятъ отхожія мѣста даромъ.

— Такъ что вы, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ скоро дезинфекцируете всю Тверь?

— Нѣтъ, быстро сдѣлать это трудно. Очень ужъ дикій народъ эти домовладѣльцы. Собственно говоря, засыпать надо понемногу каждый день. Не хотятъ. Чего, говоритъ, я буду хлопотать? Пусть накапливается, лучше я все въ одинъ день вывезу. Я говорю: господа, да вы хоть два раза въ недѣлю засыпайте... Надо, чтобъ это въ привычку вошло. Ну, вотъ, можетъ быть, холера немного подвинетъ къ чистотѣ...

При складѣ устроена испытательная станція для сѣмянъ. Министерство Государственныхъ Имуществъ ассигновало на нее 400 р.

— Написали мы въ Германію, прислали намъ смѣту много больше ассигнованой суммы. Подумалъ я и рѣшилъ все это устроить самъ. Вотъ наши ростильные шкафы—дѣланы здѣсь, простымъ столяромъ. Ситá выписали, купили точные вѣсы. Осталась значительная экономія.

— Станція уже работаетъ?

— Съ новаго года начнемъ. А вотъ, кстати, очень простой приборъ для домашняго проращиванія сѣмянъ. Возьмите полный стаканъ съ водой, накройте мелкой тарелкой и оберните. Затѣмъ насыпьте кругомъ стакана песку. Пока въ стаканѣ будетъ хоть немного воды, песокъ будетъ все время влажный. На него сѣйте сѣмена.

М. В. Девель преподнесъ мнѣ полный комплектъ очень оригинальнаго изданія, выходящаго пока не періодически и редактируемаго при складѣ. Это „Хозяинъ“ — циркуляры тверского отдѣла. Изданьице выходитъ на полу-листахъ писчей бумаги, сложенныхъ въ четвертку, и содержитъ оповѣщенія складомъ хозяевъ о всякихъ полученныхъ складомъ новостяхъ. Тутъ-же члены Общества обмѣниваются спросомъ и предложеніемъ, а въ послѣднихъ нумерахъ сверхъ того, опытами и наблюденіями. Есть очень недурныя статейки. Мало-по-малу полъ-листа разрослось въ листъ, сроки выхода стали все ближе, содержаніе полнѣе. Еще шагъ и правильное изданіе готово.

Я думаю, что мнѣ удалось схватить основныя черты дѣятельности склада обусловливающія его успѣхъ. Очень жалѣю, что не удалось повидать г. Юрлова. М. В. Девель произнелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Кому интересно знать, какъ вознаграждается его трудъ, могу сообщить: какъ секретарь отдѣла, онъ получаетъ 300 р. въ годъ, и какъ завѣдующій складомъ 2% съ воловаго дохода. Въ прошломъ году оборотъ склада былъ 22 т. р., въ этомъ— значительно больше.

— Какую-же прибыль даетъ складъ?

— Очень небольшую. При 22 т. р. оборота у насъ осталось не больше 700 рублей. За то мы очень облегчили хозяевъ.

Ну, конечно, вамъ нельзя тогда получать вознагражденіе изъ чистаго дохода...

— Да это и неправильно. Завѣдующій долженъ быть заинтересованъ количествомъ проданнаго. Въ этомъ культурный успѣхъ; а барыши въ такомъ дѣлѣ—вещь опасная.

XIII.

Шелководство Покровской общины.

Да, это такой важный и вмѣстѣ съ тѣмъ милый и симпатичный предметъ, изъ-за котораго стоило остаться лишній день въ Москвѣ. Мнѣ лично, какъ Великоруссу, не то было важно, что гдѣ-то у эриванскихъ Армянъ, таврическихъ Нѣмцевъ или бессарабскихъ Молдаванъ и Болгаръ процвѣтаетъ, или можетъ процвѣтать шелководство, мнѣ хотѣлось своими глазами посмотрѣть, какъ ведется оно здѣсь, въ Москвѣ, естественное-ли это для средней Россіи производство, какъ, напримѣръ, пчеловодство, огородничество, или искусственное?

Владычне-Покровская община сестеръ милосердія съ ея школами и пріютами—твореніе матери Митрофаніи (за грѣхи свои она пострадала лично, а дѣло, и очень большое дѣло все-таки осталось и стоитъ прочно), расположена на сѣверномъ краю Москвы и безъ пересадки сообщается съ центромъ города по конкѣ.

Вагонъ, идущій отъ Ильинскихъ воротъ, останавливается какъ разъ у воротъ общины, и сторожъ указываетъ вамъ густую липовую и ветловую аллею по берегу пруда, ведущую мимо монастырскихъ зданій прямо въ питомникъ червей.

Шелководствомъ завѣдуетъ маленькая, худенькая сестра Татіана, которая съ удовольствіемъ показываетъ желающимъ свое заведеніе. Я засталъ дѣло въ ходу и при томъ въ одинъ изъ лучшихъ моментовъ. Большинство червя было послѣ 4-го сна. Черезъ нѣсколько дней наступаетъ 5-й сонъ и завивка въ коконы. Такимъ образомъ я попалъ въ самый разгаръ сезона, продолжающагося отъ оживленія червей, т. е. вывода ихъ изъ яичекъ, до выхода племенныхъ бабочекъ и полученія новыхъ яичекъ для слѣдующаго года, всего около полутора мѣсяцевъ. Въ остальное время единственная работа по шелководству—размотка шелка и храненіе *грены*, т. е. яичекъ червей. Нынче этотъ сезонъ начался поздно, въ двадцатыхъ числахъ іюня.

Домикъ, гдѣ воспитываются черви, представляетъ красивое и чистенькое зданіе, состоящее всего изъ одной комнаты, окнами на югъ, уставленной стеллажами, гдѣ на рамахъ, обтянутыхъ суровымъ полотномъ, расположены черви и ихъ кормъ—листья и вѣточки тутоваго дерева. У оконъ на столахъ лежатъ прошлогодніе коконы, предназначенные къ размоткѣ, у противуположной стѣны приготовлены коконники, т. е. рамы съ мелкимъ доревяннымъ переплетомъ, образующимъ длинныя щели около квадратнаго дюйма въ сѣченіи. Въ этихъ коконникахъ созрѣвшій червь завивается, т. е. выдѣляетъ нѣсколько сотъ саженъ шелковой нити, и обращается въ куколку, изъ которой затѣмъ выходитъ бабочка.

Шелководство здѣсь изъ году въ годъ ведется двадцать два года безъ перерыва; сестра Татіана состоитъ при немъ лѣтъ пятнадцать. Она выпустила многихъ шелкомотальщицъ, знакомыхъ съ раціональнымъ уходомъ за червемъ и потому, я думаю, что ея мнѣніе можетъ имѣть нѣкоторый вѣсъ. А она говоритъ вотъ что:

— Разумѣется, здѣсь у насъ въ общинѣ шелководство учебное, а не коммерческое. Да у насъ и деревцовъ немного. Но если-бы кто вздумалъ заняться имъ, какъ слѣдуетъ и въ большомъ видѣ, это очень вѣрное и доходное дѣло.

— У насъ, въ средней Россіи, шелководство возможно? спрашиваю я.

— Да вотъ-же мы двадцать лѣтъ ведемъ.

— За это время не было никакихъ несчастій, въ родѣ того, напримѣръ, что морозомъ побьетъ распустившуюся шелковицу и т. п?.

— Нѣтъ, шелковица у насъ растетъ отлично.

— На зиму деревца не закрываете ничѣмъ?

— Ничѣмъ.

— Можетъ быть, шелкъ не совсѣмъ хорошъ?

— Ахъ, нѣтъ, у насъ шелкъ отличный. На выставку были присланы образцы кавказскаго, среднеазіатскаго и другихъ шелковъ. Нашъ шелкъ нисколько не хуже.

Ясно, что шелководство у насъ возможно на очень большомъ пространствѣ. Въ Москвѣ растутъ на чистомъ воздухѣ довольно старые экземпляры бѣлой и черной шелковицы. Воспитаніе червей совершается повсюду, даже въ жаркихъ странахъ, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, температура нужна не больше 14° сначала и 18 въ концѣ, что у насъ въ іюнѣ-іюлѣ, слава Богу, есть; на случай неожиданнаго холода даже въ кіевскихъ шелководняхъ устроиваются печи (необходимыя, кромѣ того, для замариванія коконовъ), капиталъ для дѣла нуженъ ничтожный, доходъ получается большой и быстрый. Гдѣ-же причина того, что это прекрасное производство не только не развивается у насъ, но замѣтно падаетъ? Лѣтъ десять назадъ можно было въ Москвѣ достать сколько угодно высадковъ шелковицы, теперь ими больше садовыя заведенія не торгуютъ, а нужно выписывать съ юга; грену, правда, разсылаетъ Комитетъ Шелководства въ Москвѣ, но что грена безъ плантацій?

Это странное, мертвое какое-то состояніе шелководнаго дѣла въ Россіи смущало меня до тѣхъ поръ, пока я не получилъ и не перелистовалъ (гдѣ-же прочитать 100 печатныхъ листовъ in-folio!) коллекцію „Трудовъ“ Московскаго Комитета Шелководства. Ключъ оказался. Шелководство попросту не нашло до сихъ поръ ни своего Верещагина, ни своего Энгельгардта, а велось „комитетски“, „академически“, какъ ведутъ дѣло всѣ наши „учрежденія для распространенія, или улучшенія въ отечествѣ отрасли такой-то“.

Но о Комитетѣ Шелководства позднѣе, а пока нѣсколько словъ о червяхъ и ихъ воспитаніи.

Въ шестидесятыхъ годахъ шелководовъ всего почти свѣта постигло большое несчастіе. Подобно тому, какъ теперь опустошаетъ виноградники филоксера, появился особый паразитный грибокъ вызвавшій эпизоотію *мускардины*, или окаменѣнія. Червякъ вдругъ ни съ того ни съ сего, покрывался бѣлой плесенью, издыхалъ и окаменѣвалъ, т. е. засыхалъ, и могъ крошиться, какъ кусочекъ мѣлу. Гибли цѣлыя червоводни. Споры грибка заносились вѣтромъ, передавались окру-

жающимъ предметамъ, и болѣзнь распространялась съ ужасной быстротой, такъ какъ шелководныя страны мѣнялись греной. По той-же причинѣ страшно опустошительною явилась и другая болѣзнь, *пебрина*, имѣвшая характеръ еще болѣе серьезный, такъ какъ передавалась по наслѣдству. Отъ мускардины обыкновенно умирали всѣ черви и дѣло кончалось уничтоженіемъ шелководства, полной дезинфекціей и заведеніемъ на слѣдующій годъ всего вновь, пебрина губила лишь часть червя, остальная выживала, выходили бабочки, спаривались, клали яички, и въ этихъ яичкахъ оказывались тѣ-же самыя заразныя „тѣльца“ (микроорганизмы животнаго типа), которыя губили червей въ слѣдующемъ году и заражали очень отдаленныя мѣстности, куда пересылалась грена.

Спасеніе отъ пебрины нашлось въ бактеріологіи. Былъ открытъ способъ полученія грены, такъ называемый *целмюлярный*, при помощи микроскопическаго изслѣдованія. Изслѣдовались лички полученныя отъ каждой пары бабочекъ и гренажная станція выпускала въ продажу только безусловно свободныя отъ „тѣлецъ“. Шелководство стало опять на вѣрную дорогу и въ странахъ, гдѣ къ нему относятся менѣе „академически“, быстро нагнало временную задержку.

Вотъ какъ воспитывается шелковичный червь.

Яички получены. Ихъ нужно хранить въ сухомъ и холодномъ помѣщеніи, иначе черви выведутся раньше времени и погибнутъ. Но вотъ налились почки на шелковицѣ. Яички выносятъ на солнце, или въ особый выводной шкафъ, искуственно согрѣваемый. Черезъ 4—5 дней червячки ростомъ съ $^1/_4$ булавки выходятъ. Ихъ накрываютъ бумагой съ проколотыми дырочками и набросанными сверху самыми нѣжными листками шелковицы. Червь вползаетъ на нее и уносится на рамы, гдѣ соединяются выводы не только по днямъ, но даже по часамъ, въ виду равномѣрности результата. На пятый день подросшій немного червякъ вступаетъ въ первый сонъ. Онъ перестаетъ ѣсть и остается сутки неподвижнымъ. Затѣмъ сбрасываетъ старую тѣсную шкурку и въ новой при-

нимается съ аппетитомъ за свѣжій листъ. Такихъ сновъ четыре: на пятый, десятый, шестнадцатый и двадцать третій день. Послѣ четвертаго сна въ пятомъ возрастѣ червь достигаетъ до двухъ вершковъ длины, пожираетъ огромное количество листа, который даютъ ему уже прямо на вѣткахъ и къ 31—32 дню совершенно созрѣваетъ. Онъ полонъ шелкотворной жидкости и жадно ищетъ мѣста для завивки. Ему подставляютъ пучки прутьевъ, стружки, или особые коконники, онъ заползаетъ въ щель, укрѣпляетъ себя на вѣсу и начинаетъ ткать вокругъ себя свой шелковый домикъ, представляющій петлями одну тончайшую нить иногда въ двѣ версты.

Когда эта работа окончена, каконы собираютъ и сортируютъ. Лучшіе оставляютъ на племя, остальные замариваютъ въ печи, или въ рѣшетѣ надъ котломъ, ибо, если допустить, чтобы развилась бабочка, коконъ размотать будетъ уже невозможно, такъ какъ, чтобы выйти изъ своей тюрьмы, бабочка выпускаетъ каплю острой жидкости, разъѣдающей коконъ и прорывающей нить въ тысячѣ мѣстахъ.

Племенные коконы, отобравъ сколько нужно самцовъ и самокъ (узнать можно по формѣ кокона), оставляютъ въ покоѣ въ тепломъ мѣстѣ и черезъ 15—16 дней бабочки выходятъ, немедленно спариваются и парами относятся и размѣщаются въ особыя клѣточки, или мѣшечки изъ тюля; періодъ любви продолжается 1 день, затѣмъ самка откладываетъ 400—500 яичекъ, и пара скоро умираетъ. При обыкновенномъ способѣ собираютъ (отмачивая) яички и хранятъ ихъ до употребленія, при целлюлярномъ всѣ мѣшечки съ яичками и мертвыми мотыльками отправляются къ микроскописту. Тотъ изслѣдуетъ порошокъ отъ мертвыхъ бабочекъ и отдѣляетъ мѣшечки здоровые отъ больныхъ, сжигая послѣдніе вмѣстѣ со всѣмъ содержимымъ.

За границей это дѣло поставлено совершенно прочно, у насъ только что начинается.

Любопытнѣе всего, что была выведена особая московская порода червя, весьма не склонная къ зараженію (мускарди-

ной и пебриной) и дававшая прекрасную грену. Теперь какъ-то все это заглохло. Между тѣмъ, при правильной постановкѣ шелководства важнѣе всего обезпеченіе шелководовъ здоровой греной. Она настолько не дорога, что вырабатывать ее самому, съ опасностью заразить червоводню, не стоитъ, а гораздо лучше купить, или выписать, избѣгая труднаго храненія.

Размотка шелка идетъ на очень простыхъ ножныхъ станкахъ. Коконы бросаются въ горячую воду, метелочкой взбалтывая, отыскиваются и извлекаются концы нитей, затѣмъ ихъ соединяютъ въ 3, 5, 8, 10 нитей и, пропустивъ черезъ круглое гладкое отверстіе въ стеклѣ (бисеринку), наматываютъ на вращающееся мотовило. Затѣмъ шелкъ-сырецъ поступаетъ на фабрику. Цѣна за него, по даннымъ сестры Татіаны, не ниже 10 руб. за фунтъ. Покупаетъ его въ Москвѣ одна пока фабрика Сапожниковыхъ.

Шелковичная плантація, куда затѣмъ провела меня любезная сестра Татіана, представляетъ крошечный уголокъ въ общинномъ саду, обнесенный решеткой. Шелковица бѣлая и разсажена кустами довольно тѣсно. Плантація имѣетъ здоровый и веселый видъ. На мой вопросъ: почему выкармливается такъ мало сравнительно червей (въ прошломъ году было выработано всего 11 ф. шелка), сестра отвѣчала:

— Не хотимъ очень истощать деревья. Слишкомъ много рвали прежде листу.

— Такъ развѣ-же нельзя посадить ихъ побольше?

На этотъ вопросъ сестра не отвѣтила. Подумавъ немного, она, словно извиняясь, добавила:

— Видите-ли, для учебныхъ цѣлей довольно... Вамъ объ этомъ подробно разскажутъ лучше всего въ комитетѣ...

— Не укажете-ли вы мнѣ здѣсь по близости какого-нибудь частнаго заведенія, гдѣ-бы кормили червей?

— Право не знаю. Развѣ у Сапожниковыхъ...

— А деревцовъ гдѣ достать? Ну хоть десятокъ...

— Здѣсь не продадутъ. Въ Москвѣ, кажется, нигдѣ сейчасъ нѣтъ. Вы лучше спросите въ комитетѣ...

По тону голоса сестры Татіаны я чувствовалъ, что она, не смотря на ея любовь къ дѣлу, состоитъ все-же не при живомъ дѣлѣ, а при какой-то, словно казенной должности.

Прямо изъ общины, осмотрѣвъ ея прекрасный музей по шелководству, я направился въ пресловутый Комитетъ.

XIV.

Московскій Комитетъ Шелководства и его „труды“.

Я имѣлъ терпѣніе просидѣть нѣсколько часовъ, перелистывая и проглядывая свыше сотни печатныхъ листовъ in folio, полученные мною въ Комитетѣ Шелководства и изображающіе лѣтопись его дѣятельности только за послѣднія пятнадцать лѣтъ, съ 1877 года.

Раньше идутъ времена полумиѳическія, печатная исторія коихъ можетъ быть изслѣдована развѣ лишь въ Публичной Библіотекѣ.

Чего только нѣтъ въ этихъ трудахъ! Роскошные фотогравированные портреты князя В. А. Долгорукова, г-жи Чичаговой, виды музеевъ, памятниковъ, коллекцій, торжественныя рѣчи на разные случаи комитетской жизни, адресы, благодарности начальству, членамъ комитета, сотрудникамъ со стороны, жертвователямъ. Протоколы собраній, отчеты о поѣздкахъ членовъ, статистическія таблицы и свѣдѣнія, отчеты о выставкахъ, переписка съ разными учрежденіями, губернаторами, земскими управами, Департаментомъ Земледѣлія. Къ послѣднимъ годамъ все это какъ-то отступаетъ на задній планъ, „Труды“ обращаются въ „Извѣстія“ еще большаго формата, и начинается „наука“. Идетъ длинный рядъ статей и замѣтокъ съ чудными фотогравюрами. Заглавія

такія: „Химическій составъ скорлупы яицъ Antheraea Pernyi“, „Къ анатоміи шелкоотдѣлительной железы“ и т. д.

Скорлупою я заинтересовался и, пробѣжавъ статью, выписываю слѣдующій научный ея выводъ:

Мы не считаемъ особенно смѣлымъ высказать здѣсь еще разъ предположеніе уже ранѣе высказанное однимъ изъ насъ, что не только у всѣхъ насѣкомыхъ *хоріонъ* (желточная оболочка яйца) состоитъ изъ одного и того-же вещества, но что и во всемъ животномъ царствѣ замѣчается въ этомъ отношеніи то-же сходство. Любопытно здѣсь указать, что у столь далеко отстоящихъ другъ отъ друга животныхъ, какъ цыпленокъ и шелковичный червь, содержаніе сѣры въ веществѣ хоріона одно и то-же. Мы указываемъ между прочимъ на это обстоятельство потому, что, какъ извѣстно, въ *кератинѣ*, съ которымъ *Версонъ* отождествляетъ вещество хоріона, замѣчается весьма значительное колебаніе сѣры.

Понимаете, читатель, всю соль этого научнаго мѣста? Надъ подобной наукой еще въ древности смѣялся Аристофанъ въ комедіи „Облака“, заставляя Сократа высчитывать число блошиныхъ скачковъ на данномъ пространствѣ.

Въ концѣ 1-го тома „Извѣстій“ помѣщена программа, по-русски и по-французски, правилъ на соисканіе преміи за сочиненіе по анатоміи и физіологіи шелковичнаго червя. Русскимъ назначается 500 рублей, иностранцамъ—1,000 франковъ. Такимъ образомъ, дѣятельность комитета принимаетъ характеръ международный.

И вотъ какое получается впечатлѣніе. По мѣрѣ того, какъ занятія комитета устремляются все въ высшія и высшія сферы науки, практическая роль его все суживается, и прямая связь съ русскимъ шелководствомъ ослабляется. Пятнадцать лѣтъ назадъ кое-какъ разсылали желающимъ грену, шелковичныя сѣмена, высадки и книги, устраивали плантаціи шелковицы, хлопотали о размоткѣ шелка, помогали устройству образцовыхъ червоводенъ и гренажныхъ станцій; устроивали публичныя выкормки червей; положимъ, что все это дѣлалось тоже довольно академически, и изъ небольшого бюджета общества гораздо бо́льшія суммы тратились на поднесеніе золотыхъ медалей и вѣнковъ разнымъ почетнымъ членамъ, на фото-

гравюры и типографскіе расходы на „Труды“, чѣмъ на дѣйствительную помощь шелководству, но было хоть нѣкоторое оживленіе, была хоть видимость дѣла. Теперь остается чуть-ли не одна „наука“. Шелковичными плантаціями никто не занимается, сѣмянъ и саженцевъ достать негдѣ, грена разсылается выписная изъ-за-границы, „московская“ порода червя должно быть исчезла. Школа, которая когда-то была дѣйствительно образцовымъ въ своемъ родѣ учрежденіемъ, ведется по инерціи, вяло, безжизненно, но за то содержаніе статей въ „Извѣстіяхъ“ печатается по-русски и по-французски, комитетъ двигаетъ науку.

Нельзя не обратить вниманія на такую странную комбинацію. Начальство и отпускаемыя на дѣло средства находятся въ Петербургѣ. Комитетъ работаетъ въ Москвѣ, шелководство сосредоточивается въ Бессарабіи, Крыму и на Кавказѣ. Какова должна быть скорость разрѣшенія вопросовъ и объемъ переписки! При этомъ про средне-русское шелководство ни слова, какъ будто оно уже заранѣе осуждено, между тѣмъ, какъ въ холодной сравнительно Черниговской губерніи, земство съ успѣхомъ вводило тутовыя плантаціи и выкормку червей при сельскихъ школахъ. Есть-ли что тамъ теперь?

Людей нѣтъ. Нѣтъ человѣка, который завелъ-бы у себя, гдѣ-нибудь въ бойкой мѣстности средней Россіи шелководство, проработалъ надъ нимъ нѣсколько лѣтъ, доказалъ-бы на примѣрѣ, что оно легко и выгодно и затѣмъ началъ дѣйствовать между хозяевами, какъ Верещагинъ, или Энгельгартъ.

Въ лучшую пору своей дѣятельности, комитетъ выдвинулъ два главныхъ способа пропаганды: публичное кормленіе и выставки. Кормленіе червей совершалось и въ Политехническомъ Музеѣ, и въ Зоологическомъ Саду, и на выставкахъ. Читались лекціи и проч. Можно-ли было ожидать здѣсь успѣха? Много-ли изъ городской фланирующей публики находилось такихъ людей, которые пришли-бы на выкормку 32 раза, чтобы дѣйствительно пройти весь курсъ и обучиться? Заходитъ случайно праздношатающійся человѣкъ, постоитъ часъ, послушаетъ и уходитъ, унося съ собою въ лучшемъ

случаѣ впечатлѣніе, что „это интересно“. Забредшій на такую выкормку случайно землевладѣлецъ, или крестьянинъ, никакъ не схватитъ по ней понятія о выгодности дѣла и о всей его обстановкѣ. Выставка—то-же самое. Развѣ-же не ясно, что̀ за публика въ огромномъ большинствѣ ходитъ по выставкамъ? Развѣ-же не комедія это отрываніе вывѣшанныхъ карточекъ и прейсъ-курантовъ? Выставки гораздо больше нужны для экспонентовъ. Для публики—музыка и буфетъ.

Одна передвижная верещагинская маслодѣльня, командируемая на извѣстный срокъ въ мѣстность, гдѣ есть молоко, но не имѣютъ понятія о правильномъ маслодѣліи, оставляетъ глубокое впечатлѣніе. Обыкновенно тамъ-же продаются привезенные аппараты, и сейчасъ-же кто-нибудь начинаетъ работать. Здѣсь дѣло усложняется необходимостью имѣть на мѣстѣ выращенныя ранѣе, хотя-бы двухлѣтнія деревца. Но развѣ-же это такъ трудно?

Живой дѣятель намѣчаетъ заранѣе мѣста, гдѣ нужно и возможно ввести новое дѣло, и старается его ввести. Академики начинаютъ съ „изслѣдованій существующаго“, печатаютъ толстые томы, слушаютъ доклады, командируютъ своихъ членовъ для „дальнѣйшихъ“ изслѣдованій и устныхъ бесѣдъ. Изслѣдователь молніей изрѣжетъ въ два мѣсяца Кавказъ и Бессарабію и пишетъ подробнѣйшій критическій разборъ. Все это печатается, разсылается, или гніетъ въ архивахъ, а дѣло падаетъ, или стоитъ на точкѣ замерзанія.

И нигдѣ эта „академическая“ или, вѣрнѣе, канцелярская дѣятельность не имѣетъ такого грустно-комическаго характера, какъ въ Россіи. Сію-же минуту образуется особое „вѣдомство“. Живые люди, дѣлающіе живое дѣло, начинаютъ говорить на особомъ канцелярскомъ языкѣ, начинаютъ „ходатайствовать“, „обращать вниманіе“, „постановлять“, „входить въ разсмотрѣніе“, „доводить до свѣдѣнія“, и въ тинѣ этой канцелярщины тотчасъ-же пропадаетъ всякая искорка жизни.

А между тѣмъ, если для всякаго другого новаго дѣла нужны болѣе, или менѣе чувствительныя затраты, то именно

завести выкормку червей стоитъ буквально грошъ. Сотню двухлѣтнихъ деревцовъ можно выписать за четыре рубля. Для первой выкормки можетъ служить съ 15-го іюня по 20-е іюля обыкновенная баня, лѣтомъ стоящая праздно. Стеллажъ представляетъ самый обыкновенный станокъ изъ жердей, хотя-бы сбитыхъ гвоздями. Десятка три легкихъ деревянныхъ рамокъ, обтянутыхъ дешевой матеріей, напр. рѣдниной, стоятъ пустяки. Вмѣсто коконника можно взять стружки, или прутья; затѣмъ остается завести золотникъ, или два обеззараженной грены и шелко-размотный станокъ. Послѣдній комитетъ всё-же вышлетъ даромъ, а если не вышлетъ станка, то по крайней мѣрѣ его рисунокъ, по которому любой столяръ сдѣлаетъ его за три рубля. На русскомъ языкѣ есть превосходныя руководства къ выкормкѣ червей и полученію грены. Лучшее изъ нихъ и новѣйшее—Болле, въ переводѣ Тихомірова. Успѣхъ несомнѣненъ при одномъ лишь условіи—педантической чистотѣ и аккуратности. Русскому человѣку трудновато это, но не надо забывать, что весь сезонъ продолжается всего 32 дня.

Шелководство, безусловно возможное у насъ, дорого тѣмъ, что даетъ работу людямъ, ни къ какой другой работѣ неспособнымъ. За-границей воспитаніемъ червей и размоткой коконовъ живутъ многочисленныя благотворительныя учрежденія. У насъ по деревнямъ множество больныхъ, калѣкъ, стариковъ. Эти люди шляются „по кусочкамъ“, объѣдая и безъ того далеко не сытаго мужика. Одинъ человѣкъ можетъ безъ натуги собирать листъ и кормить столько червей, сколько нужно для 5—6 фунтовъ размотаннаго шелка-сырца, т. е. можетъ заработать въ 2 мѣсяца 50—60 рублей. Нужна лишь иниціатива да живой человѣкъ, который-бы за это дѣло взялся. Эти живые люди должны найтись въ каждомъ уѣздѣ, и тогда роли распредѣлятся сами собою: комитетъ пусть высылаетъ лишь руководства, саженцы шелковицы и грену. Заведя маленькую плантацію, интеллигентный человѣкъ, постоянно живущій въ деревнѣ, можетъ или самъ, или при помощи жены, сестры и т. д., произвести опытъ кормленія

червей и размотки на первый разъ хоть изъ одного золотника яичекъ. Крестьяне, сильно интересующіеся всякой новинкой, будутъ непремѣнно ходить смотрѣть, но впечатлѣніе на нихъ произведетъ только *проданный шелкъ*. Это тоже можетъ и обязанъ сдѣлать комитетъ. Гдѣ одному человѣку съ 5—6 фунтами ѣхать въ Москву и продавать? Но, по моему деревенскому опыту, я рѣшаюсь утверждать, что достаточно крестьянину имѣть не филантропическое, или научное воздѣйствіе, а точныя экономическія данныя передъ глазами, достаточно прикинуть, какія выгоды даетъ производство, чтобы за него тотчасъ-же ухватились.

Такія указанія есть въ трудахъ самого комитета. Но вѣдь иногда именно мудрые не могутъ понять того, что, по евангелію, открывается младенцамъ.

Буду счастливъ, если эти строки вызовутъ въ комъ нибудь изъ свѣжихъ людей желаніе заняться этимъ милымъ и симпатичнымъ дѣломъ въ средней Россіи.

XV.

На „купчей“ землѣ.

Въ іюнѣ этого года я сдѣлалъ поѣздку въ сосѣдній Юхновскій уѣздъ. Хотѣлось взглянуть на хозяйство двухъ сосѣднихъ между собою деревень Дьяковки и Сазонова, составившихъ товарищество и пріобрѣтшихъ посредствомъ Крестьянскаго Банка цѣлое имѣніе въ 540 десятинъ.

Въ Дьяковкѣ есть у меня знакомые крестьяне. Прошлою зимою являются ко мнѣ двое. Одинъ, рослый молодецъ, лѣтъ тридцати двухъ, красавецъ собою, жившій въ Петербургѣ и, по разговору, видавшій виды. Другой, степенный мужикъ, лѣтъ сорока пяти, съ окладистой бородой, съ окладистымъ животомъ и тоже „дюже умный“, какъ говорятъ у насъ. Эти двое православныхъ задумали отъ зимняго бездѣлья сочинить

такой гешефтъ: купить у меня клеверъ, спрессовать его оглоблей въ ящикѣ *), свезти въ Москву и продать.

Сначала я принялъ ихъ за скупщиковъ, но изъ первыхъ же словъ разговора убѣдился, что это настоящіе земледѣльцы, лѣто работающіе „хребтомъ“, зимою, какъ и всѣ Смоленцы, пускающіеся на самыя тонкія комбинаціи, чтобы зашибить деньгу.

На клеверѣ мы не сошлись, но за то я услыхалъ отъ мужика постарше любопытную вещь: купили они черезъ Крестьянскій Банкъ имѣніе, опустошили его и плачутся теперь, что не ладится ихъ хозяйство, и трудно вносить платежи.

Я зналъ это имѣніе и его покойнаго владѣльца А. А. Воронца и рѣшилъ тогда-же, при первомъ удобномъ случаѣ съѣздить посмотрѣть на происшедшее химическое замѣщеніе барина мужикомъ.

Пріѣзжаю въ Дьяковку, разыскиваю дворъ Василія Михайлова. Хозяинъ дома и со всей семьей досушиваетъ сѣно, привезенное изъ поля въ усадьбу. Деревня лежитъ въ ужасной глуши, а потому, не смотря на покосъ, все молодое поколѣніе сбѣжалось сейчасъ-же поглядѣть на рѣдкое зрѣлище, какъ баринъ къ мужику въ гости пріѣхалъ.

Польщенный моимъ визитомъ Василій Михайловъ помогъ кучеру распрячь лошадей и сталъ было отдавать женѣ распоряженія насчетъ курицы и прочаго, но я согласился на одинъ чай и, торопясь въ тотъ-же день вернуться домой, прямо приступилъ къ дѣлу.

— Пріѣхалъ ваше хозяйство на „купчей“ землѣ посмотрѣть.

— Милости просимъ! А вѣдь я думалъ, что зимой вы только *такъ* говорили. Плохое наше хозяйство. Совсѣмъ про-

*) Пресса у меня нѣтъ, такъ какъ клевера я не продаю. Но въ прошломъ году былъ урожай баснословный, и потому много сѣна оказалось лишняго. Прессовать оглоблей въ ящикѣ—мѣстное крестьянское изобрѣтеніе. Въ вагонъ идетъ 350—400 пудовъ.

хозяйничались. Бьемся, какъ рыба объ ледъ, а толкóвъ большихъ нѣтъ.

— Живете-то вы, кажется, хорошо...

— Живемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ.

— Постройки у васъ порядочныя. А скота много?

— Мало, баринъ! Очень мало.

— А чтожъ вы не прибавляете?

— Кормить нечѣмъ, кормовъ мало...

— Какъ такъ? А купчая земля? Вѣдь тамъ-же есть покосы?

— Покосовъ много, словъ нѣтъ. Да вѣдь тѣ покосы къ году. А теперь вонъ „климàтъ“ перемѣнился, третій годъ ничего на пустошахъ не видимъ. Опять-же съ покупкой съ этой кормовъ у насъ не прибавилось. Вѣдь мы и прежде эти пустоши косили. Тогда барину за нихъ „круги“ работали, а теперь банку деньги платимъ.

— Заливныхъ покосовъ нѣтъ?

— Эхъ, кабы заливные!

— А навозъ на купчую землю возите?

— Возить-возимъ, да мало. На свои поля не хватаетъ.

— Значитъ, урожаи не особенные?

— Земля раньше больно хороша была. За эти годы и безъ навозу попользовались хорошо. На льнѣ выручались. Ну теперь, конечно, кто навозъ положилъ, у того выйдетъ чтó-нибудь, а безъ навозу плохо.

— Клеверу не сѣете?

— По огородамъ сѣвали. А на полѣ: на своемъ—нельзя, на купчей землѣ—согласія нѣтъ. Она у насъ еще съ Сазоновскими не размежевана.

Пока ставился самоваръ, Василій Михайловъ проводилъ меня на купчую землю, начинавшуюся саженяхъ во ста отъ околицы деревни. Это огромная, версты четыре длиной, полоса разной ширины, лежащая между деревнями Дьяковкой и Сазоновымъ. Посредѝнѣ прежде стояла усадьба. Мѣстоположеніе превосходное, слегка волнистое. Почва — легкій сѣрый суглинокъ. Справа и слѣва отдѣльными уголками

красивыя рощицы. Лѣсъ молодой, но уже годный на дрова. Есть и строевой, но немного.

Исторія этой покупки такова. Сельцо Аннино представляло отдѣльный хуторъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ главнаго имѣнія г. Воронца, Шарлаева. Раньше онъ принадлежалъ М. П. Карабанову, и хозяйство велось недурно. Была одна изъ первыхъ по времени въ Смоленской губерніи сыроваренъ, держалось до 80 штукъ дойнаго скота, сѣяли клеверъ. А. А. Воронецъ тоже хозяйничалъ, пока могъ. Въ Аннинѣ сидѣли старосты безпощадно обкрадывавшіе добродушнаго барина. Попало имѣніе въ залогъ въ Московскій Земельный Банкъ, и кончилось дѣло тѣмъ, что за неплатежъ процентовъ было назначено къ продажѣ. Владѣлецъ предложилъ крестьянамъ двухъ деревень купить его черезъ Крестьянскій Банкъ. Сазоновцы, 34 домохозяина пошли всѣ, Дьяковцы взяли половину земли на десять паевъ, присоединившись, въ лицѣ нѣсколькихъ домохозяевъ, къ Сазоновцамъ и образовавъ, такимъ образомъ, товарищество. Продано было Аннино за 17 тысячъ рублей, 14 тысячъ изъ которыхъ Крестьянскій Банкъ зачелъ за долгъ Московскому Земельному Банку, а три тысячи собрали крестьяне, войдя въ частные долги и распродавъ все, что могли. Деньги эти поступили на руки владѣльцу.

Къ моменту продажи имѣніе было уже порядочно запущено. Лѣса сведены, и на мѣстѣ ихъ отчасти были раздѣланы покосы, отчасти заросъ молодникъ, запашки сокращены, сыроварня закрыта. Работали крестьяне за покосы и приволье, работали скверно, сохами, урожаи понизились. Но льна г. Воронецъ не сѣялъ, не желая истощать землю. Крестьянамъ досталось огромное количество пустошей, дававшихъ сравнительно бѣдные укосы травъ.

Продавая Аннино, г. Воронецъ выговорилъ себѣ право снести постройки, а крестьяне, отыскивая деньги для задатка, рѣшили вырубить паркъ и садъ. Еще до ввода во владѣніе красивая усадьба съ аллеями вѣковыхъ сосенъ, березъ и липъ представляла собою голые пни и груды кирпичнаго мусора. Послѣ ввода началось слѣдующее хозяйство:

Полюбовно съ Сазоновцами установили межу впредь до формальнаго размежеванія. Дьяковская сторона имѣнія была немного хуже по землѣ, но лучше была расположена относительно ихъ надѣла. Сазоновская, съ болѣе удобренной почвой, лежала менѣе удобно. Послѣ долгихъ споровъ, раздѣлили приблизительно пополамъ.

Дьяковцы тотчасъ-же разбили свою часть, за исключеніемъ кустовъ, лѣса и низкихъ мѣстъ, на три клина. Чего не могли засѣять льномъ сами, то подъ ленъ-же продали односельцамъ, не участвовавшимъ въ покупкѣ, и сосѣдямъ. Выручить побольше и поскорѣе денегъ было такъ необходимо, что земля сдавалась за безцѣнокъ, по 7 рублей за десятину, тогда какъ цѣна облоги подъ ленъ у насъ не ниже 25 рублей за пересѣвъ. Осуждать ихъ трудно, потому, что съ одной стороны, нужно было платить въ банкъ, съ другой, погашать частные долги и выкупать заложенное имущество.

Разумѣется, хорошихъ заводскихъ сѣмянъ небыло, обработано было тоже на-спѣхъ, кое-какъ, убранъ ленъ плохо, ибо не хватало рукъ, а тутъ какъ разъ подошелъ льняной кризисъ и цѣны на сѣмя и ленъ страшно упали. Земля истощалась ленъ сѣяли по льну, клинъ за клиномъ распахивались пустоши, а заправиться и скопить свободныя средства все не удавалось. Подати заплачены, въ банкъ внесено, и слава Богу!...

Прошло только шесть лѣтъ, а земли уже оказываются совершенно испустошенными. У Дьяковцевъ едва-ли наберется десятинъ 15 „небалованныхъ“ облогъ подъ ленъ; рожь и яровое, первые годы отлично родившіяся по перелому, даже изъ-подъ втораго льна (благодаря „старой силѣ“ въ землѣ), въ прошломъ году были плохи, въ нынѣшнемъ—еще хуже. Покосы по лѣсу да по кустамъ въ количествѣ самомъ ограниченномъ, гораздо меньше, чѣмъ было прежде, „при баринѣ“, такъ какъ все распахали, а гдѣ уже бросили пахать, тамъ едва наѣсться скотинѣ. Растутъ одни „попы“, „молочка“ и прочая дрянь, которую „и на косу не поймаешь“.

Мы съ Василіемъ шли по прямой, еще въ дореформенное время проложенной, гладкой дорогѣ съ Дьяковки на старый

хуторъ. Справа видѣлись поляны ржи концами въ дорогу, слѣва—яровое.

— Однако, рожь плоха, да и яровое тоже, замѣчаю я.

— Безъ навозу! Вывозили на нѣсколько полянъ я, да Василій Ивлевъ, да еще пять, не то шесть человѣкъ. Ну, у насъ получше.

Эти счастливыя навозныя поляны могли обѣщать рожь самъ-четвертъ, много самъ-пятъ. Большинство едва-ли могло дать самъ-два, до того рожь была низка и рѣдка, а были поляны, съ которыхъ я не рискнулъ-бы утверждать, что соберутъ сѣмена.

Между тѣмъ, рожь въ этомъ году повсюду въ губерніи превосходная и у тѣхъ-же самыхъ Дьяковцевъ на надѣльной землѣ, особенно на поддворномъ кону выйдетъ, навѣрно, не меньше самъ-десяти.

Яровое, разстилавшееся длинной полосой налѣво отъ дороги, было совсѣмъ плохо, овса и ячменя не было видно изъ-за одолѣвшей дикой горчицы, укрывавшей землю сплошнымъ желтымъ ковромъ.

— Засуха, баринъ! Бѣда нынче съ яровыми: одна „краска".

— Нѣтъ, у васъ на мірскомъ полѣ получше, я ѣхалъ, видѣлъ.

— Ну какъ-же можно! Тамъ навозныя поляны....

Ленъ, сѣянный по второму разу на тѣхъ-же самыхъ земляхъ, былъ вовсе никуда не годенъ. За разросшимися сорными травами не сразу можно было разобрать, что это ленъ.

Мы дошли до разрушеннаго хутора, представлявшаго издали ясныя очертанія фундаментовъ и построекъ высочайшими плантаціями крапивы и чернобыла. Порыжѣлый и полузасохшій крыжовникъ и смородина жалобно торчали кое-гдѣ, забытые и истоптанные скотомъ. Около большаго прекраснаго пруда было навалено разное древесное гнилье и пни. Здѣсь новые владѣльцы мочили всѣмъ міромъ ленъ.

— А рыба была?

— Караси были во́-какіе! Ну, конечно, повыловили, что можно. А и пропало тоже много.

Сазоновцы завели приблизительно такое-же хозяйство, но такъ какъ земля была получше, имъ можно было относиться къ ней еще болѣе чистосердечно. Тамъ вовсе еще не возили навозу и сѣяли мѣстами ленъ не два, а три и четыре раза на одномъ мѣстѣ.

Мы спустились въ мелколѣсье и вернулись въ деревню.

XVI.

Хозяйство зажиточнаго Смоленца.

Повелъ меня Василій Михайловъ показывать свое хозяйство. Дворъ его крайній, и постройки по пригорку опускаются къ пересохшей лѣтомъ рѣчкѣ. Девяти аршинная прочная хата наверху по улицѣ, внизу амбаръ и сараи, сзади къ огороду вторая черная хата и при ней „масленка“, т. е. крестьянская маслобойня для конопли.

Не безъ гордости показалъ мнѣ Василій свой амбаръ. Онъ былъ интереснъ тѣмъ, что со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ навѣсомъ, гдѣ помѣщалось сѣно, прошлогодній ленъ, запасныя доски, телѣги, сани, бороны и плуги. Я узналъ пару своей мастерской. Въ Дьяковкѣ они есть уже въ каждомъ дворѣ. Сохи сберегаются лишь для огородовъ и для пропашки картофеля.

— Хорошо-то хорошо, замѣчаю я, да только, сохрани Богъ, пожаръ, все сразу сгоритъ.

— Воля Божія. Я и самъ думалъ разставить. Да куда-же податься? Мѣсто мое узенькое, какъ ни разставь, начнется пожаръ, все равно не спасешь. Разставлять наши постройки хорошо на десять, на пятнадцать саженъ, а у меня по улицѣ три сажени, да сюда внизъ восемь саженъ. Ничего не подѣлаешь.

Тутъ-же за усадьбой на „общественномъ“ мѣстѣ стоялъ великолѣпный срубъ двѣнадцати-аршинной чистой избы съ разбросанными около огромнѣйшими сосновыми кряжами, приготовленными подъ распилку на доски для половъ и потолковъ.

— Это что́-же?

— Домъ себѣ буду ставить... Купилъ по случаю. Знаете, у Гайдукова?

Я припомнилъ недавнюю катастрофу съ нашимъ вяземскимъ директоромъ банка, за свои хозяйственныя увлеченія попалатившимся чудеснымъ имѣніемъ въ 3.000 десятинъ и тюрьмою. Бѣда купцу пускаться въ агрономію! Онъ прохозяйничалъ до 200 тысячъ рублей, взорвалъ городской общественный банкъ, остался ни съ чѣмъ и въ добавокъ теперь ему предстоитъ очень сомнительнаго исхода процессъ.

Мы прошли въ масленку. Это каррикатура на маслобойный заводъ, но Василій Михайловъ живъ и благоденствуетъ, только благодаря ей.

Черная закопченая хата аршинъ семи. Въ лѣвомъ углу ручной жерновокъ въ три четверти аршина діаметромъ. На немъ дерутъ коноплю. Затѣмъ толкутъ ее въ деревянной ступѣ деревяннымъ пестомъ, раскладываютъ въ горшки и ставятъ въ печь подогрѣвать. Наконецъ набиваютъ въ лубочный „кошель“ и отжимаютъ между двумя горизонтально укрѣпленными бревнами, заколачивая клинья ударами огромнаго висячаго чурбана. Масло стекаетъ внизъ въ жолобъ, оттуда въ подставленную посудину. Любопытно, что во всемъ устройствѣ, кромѣ желѣзнаго обруча на кошель, нѣсколькихъ гвоздей да крошечнаго веретена подъ камнемъ, нѣтъ ни куска желѣза.

Вотъ она, русская культура! А между тѣмъ, деревенская масленка, стоящая въ такомъ видѣ даже вмѣстѣ съ хатой пятьдесятъ-шестьдесятъ рублей, переработываетъ за зиму пудовъ семьсотъ конопли, оставляя хозяину деньгами, или жмыхомъ около 20 коп. съ пуда.

Конопли сѣютъ всѣ. Это великое подспорье. Пенька идетъ на веревки и на подати. Сѣмя даетъ масло для себя и жмыхъ для скота. Не будь жмыха, въ нашей мѣстности при недостаткѣ покосовъ, скота и лошадей пришлось-бы убавить на двѣ трети. Поэтому только самый бѣдный, у котораго нѣтъ двугривеннаго заплатить за битье масла, оставляетъ въ уплату жмыхъ. Всѣ норовятъ оставить его за собой. Поэтому и въ торговлѣ его почти нѣтъ. Жмыхъ даже закладываютъ масленику впредь до расплаты.

— Однако-же ты жмыхи продаешь?

— А это съ тѣхъ конопель, которыя самъ скупаю. Бѣда въ послѣдніе года: вздорожала конопля, приступу нѣтъ. И все грузятъ за границу. А въ Вязьмѣ у васъ второй заводъ масляный строятъ?

— Еще-бы не строить, когда каждый вагонъ по триста рублей пользы даетъ, замѣчаю я.

— А у насъ ленъ не собьешь?

— Нѣтъ, братъ, не на твоемъ устройствѣ. Доставай двадцать пять тысячъ, строй заводъ, будешь матушку Россію грабить.

Развѣ-же не грабежъ въ самомъ дѣлѣ—безпошлинный вывозъ этого драгоцѣннаго продукта, безъ котораго не мыслимо правильное скотоводство? Ежегодно изъ Россіи увозятъ десятки милліоновъ пудовъ подсолнечнаго, рапсоваго и льняного жмыха, и на этомъ жмыхѣ основано обширное и высокое скотоводство въ Германіи и Англіи. Нужно было посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвело за границей прошлогоднее правительственное запрещеніе вывоза жмыха. Заводчики и экспортеры употребили всѣ усилія, чтобы доказать, будто русскому скотоводству жмыхъ не нуженъ, такъ какъ хозяева его не употребляютъ (еще-бы употреблять, когда за границей цѣну на жмыхъ подняли безъ доставки до 1 р. 20 к. пудъ!), и вывозъ былъ разрѣшенъ.

Вывозъ жмыха за границу, если можно съ чѣмъ сравнить, то вѣрнѣе всего, съ выпускомъ крови изъ организма. Въ жмыхѣ содержатся въ концентрированномъ видѣ тѣ самыя соли,

которыя составляютъ почвенное богатство и тѣ самыя органическія жировыя и азотистыя соединенія, которыя нужны для правильнаго кормленія скота въ пополненіе къ сухимъ кормамъ. Если полный запретъ вывоза могъ до извѣстной степени подорвать барыши заводчиковъ, то слѣдовало-бы по крайней мѣрѣ наложить серьезную вывозную пошлину, напр. копеекъ 50 на пудъ. Это было-бы въ высшей степени справедливымъ налогомъ, ибо большія маслобойни зарабатываютъ два рубля на рубль и вмѣстѣ съ тѣмъ, удешевивъ жмыхъ дома, сдѣлало-бы его доступнымъ нашимъ, обыкновенно бѣднымъ средствами хозяйствамъ.

Въ избѣ насъ дожидался другой мой знакомый, крестьянинъ Василій Ивлевъ. Онъ принесъ полную тарелку меда къ чаю отъ собственныхъ пчелъ.

Въ избѣ у Василья Михайлова было душно, грязно, и мухи летали густыми роями.

Странное дѣло. Когда эти оба Василья были у меня зимой, на нихъ было пріятно посмотрѣть. Одежа дорогая, руки чистыя, сами расчесанные, чуть не надушенные. Видали люди свѣтъ, понимаютъ „тонкое обращеніе“, а у себя дома свиньи свиньями. Посуда, самоваръ, столъ, полотенца, скатерть,—грязнѣе невозможно себѣ представить. Подали ножъ для меда съ присохшимъ и приржавѣвшимъ даже хлѣбнымъ мякишемъ на лезвеѣ. Принесла Васильева жена топленое молоко кирпичнаго цвѣта въ совершенно грязномъ горлашѣ. Василій хотѣлъ было наливать чай, но я отстранилъ его и началъ мыть совершенно матовый отъ грязи стаканъ.

Василій съ женой переглянулись, а Василій Ивлевъ не выдержалъ:

— Грязно, баринъ, у насъ!

— Есть грѣхъ, отвѣчаю я.

— Что́ говорить! отозвался Василій Михайловъ.

— Плохо свою хозяйку учишь, замѣчаю я шутливымъ тономъ. Ну какъ это въ самомъ дѣлѣ: мужикъ ты достаточный, видалъ людей, а этакую грязь развелъ?

— Я, баринъ, въ Петербургѣ служилъ на мѣднопрокатномъ заводѣ за мастера. А потомъ жилъ на сборкѣ топокъ къ паровозамъ. Жалованье большое получалъ, чистота въ квартирѣ была, бѣлье два раза въ недѣлю мѣнялъ, постель на пружинахъ была. А тутъ нельзя.

Вступилась и задѣтая за живое хозяйка Василья:

— Какая тутъ чистота, баринъ! Перекреститься некогда! Кушанья сварить нельзя, работа одолѣла. Набрали земли—посмотрите на нихъ. Зимой еще какъ ни что, а лѣтомъ изведешься совсѣмъ. Вонъ дѣвочка моя лежитъ, болѣетъ третью недѣлю. И поглядѣть за ней некогда. Такъ и валяется. Двое померло у насъ, и все отъ несмотрѣнія. Когда мы на барина работали, сто разъ легче было. Теперь сами хозяева. И съ себя и съ насъ шкуру спустить готовы. Тутъ рабочихъ надо-бы человѣкъ трехъ держать, а мы все сами, хребтомъ да хребтомъ—свѣта не видишь божьяго, а вы чистоту спрашивать вздумали...

— Рабочихъ! И такъ работницу держимъ. А съ чего рабочихъ-то держать? Платить чѣмъ? Вонъ баринъ видѣлъ наши урожаи...

Это была живая иллюстрація къ той теоріи, по которой трехполье является нормальной для крестьянина системой хозяйства и требуется лишь большій просторъ и больше земли. А въ дѣйствительности это проклятое трехполье на истощенныхъ земляхъ, совершенно не вознаграждая труда, наваливаетъ на плеча крестьянина такую каторжную работу, что, какъ справедливо выразилась Васильева баба, некогда перекреститься. Косить можно, напримѣръ, возъ хорошаго клевера одному рабочему въ полтора часа. Но можно вчетверомъ махать косой цѣлый день по „пустоши“ и не накосить воза. Жать рожь почти все равно, густую, или рѣдкую. Тамъ сразу хватается толстая горсть, здѣсь сбираютъ по колоску. Къ концу дня восемь жницъ выставятъ двадцать пять копъ на десятинѣ, и тѣ-же жницы при томъ-же трудѣ могутъ выставить на другой десятинѣ пять. А каково прав-

ственное состояніе—жать рожь обѣщающую самъ-два, или косить безплодную пустошь!

Въ „Новомъ Времени“ была помѣщена недавно корреспонденція „Изъ нѣмецкой деревни“. Да неужели-же эти бауэры, выписывающіе газеты и живущіе чище многихъ землевладѣльцевъ у насъ, лучше, умнѣе, трудолюбивѣе какого-нибудь Василія Ивлева, или Василія Михайлова? Видалъ я этихъ бауэровъ. Народъ удивительно ограниченный, почти тупоумный. Но онъ знаетъ „около земли“, ему помощь и указаніе со всѣхъ сторонъ, а Василій Михайловъ бьется безпомощный, забытый, предоставленный собственнымъ силамъ и сметкѣ. Но не съ одной смёткой создаютъ люди сельско-хозяйственную культуру въ странѣ!

Мнѣ хотѣлось изслѣдовать этотъ вопросъ поближе. Вотъ что̀ оказалось:

Василій Михайловъ взялъ полный пай на „купчей“ землѣ, т. е. получилъ 27 десятинъ; собственной земли у него 3 души; надѣлъ полный, итого 12 десятинъ. Всего 39 десятинъ, которыя обрабатываются слѣдующимъ персоналомъ: онъ самъ съ женою, отецъ съ матерью, работники уже плохіе, наемная работница. Выработать нужно: съ своего надѣла выкупъ, казенные, земскіе и мірскіе платежи въ количествѣ около 40 рублей. Съ купленной земли банковый взносъ около 60 рублей. На уборку льна, жниво и уборку ярового приходится нанимать. Лошадей у Василія Михайлова 4, коровъ 3, овецъ и мелочи по разсчету на двѣ головы крупнаго скота. Итого 9 штукъ. Между тѣмъ удабривать приходится подъ рожь: въ своемъ полѣ три десятины, въ купленномъ пять. Навозу, значитъ, впятеро меньше, чѣмъ нужно для настоящихъ урожаевъ. Ясно, что при огромномъ количествѣ работы, результатъ получается самый плачевный. И при этомъ Василью Михайлову приходится нанимать на сторонѣ на 40 руб. покосовъ, Василью Ивлеву, котораго семейное положеніе и обстановка совершенно сходны, на 17 руб.

— Что̀ же вы аккуратно платите въ банкъ?

— Платимъ какъ слѣдуетъ. У насъ съ Сазоновскими особый сборщикъ поставленъ. 10 руб. въ годъ ему назначили. Тяжело приходится, а пока ничего, платили исправно А какъ впередъ будетъ, и сами не знаемъ.

— Какъ великъ платежъ?

— Всего тысяча пятьдесятъ рублей.

— Ну, на эту сумму урожая самъ-третей не хватитъ.

— Это вѣрно. Что-нибудь дѣлать надо.

— Вы клеверъ сѣйте.

— Будемъ сѣять. Остановка за деньгами.

— Да скорѣе сѣйте, а то, какъ совсѣмъ землю спустите, и клевера не получите.

— Это ужь мы знаемъ. Сначала-бы нужно. Да что́-жь подѣлаешь, коли наша неуправка! То бились, долги одолѣвали. Теперь долги выплатили, землю спустили. Одну дыру заткнешь, въ другомъ мѣстѣ лопнуло.

Оказывается, что оба Василія слыхали о фосфоритахъ. Вотъ въ чемъ могло-бы быть спасеніе. Мужики не прочь попробовать. Бѣда опять за средствами. Нужно рублей 12—15 на десятину и притомъ среди лѣта, т. е. въ самое безденежное время. Кредиту, разумѣется, никакого нѣтъ. Просили меня, при выпискѣ въ этомъ году себѣ, выписать и для нихъ, Василію Михайлову 8, Василію Ивлеву 4 пуда. Больше нѣтъ средствъ, да и дѣло новое, надо сначала попробовать...

Я распрощался съ моими знакомцами и уѣхалъ, унося невыразимо грустное впечатлѣніе. Покупка огромнаго и плодороднаго куска земли черезъ банкъ имѣла въ результатѣ: ограбленіе этой земли и увеличеніе бозплодной работы для ея владѣльцевъ до такой степени, что дѣйствительно некогда перекреститься, некогда присмотрѣть за больнымъ ребенкомъ...

А между тѣмъ, какъ мало нужно, чтобы эта покупка, вмѣсто ея нынѣшняго безсмыслія, стала благодѣяніемъ для покупщиковъ и прямою пользою для страны. Выводъ этотъ

напрашивается самъ собою, и потому рѣшаюсь посильно отвѣтить на такой вопросъ: что слѣдовало-бы дѣлать Крестьянскому Банку при продажѣ имѣнія крестьянамъ?

XVII.

Что долженъ-бы дѣлать Крестьянскій Банкъ?

Какъ жаль, что основатели Крестьянскаго Банка были повидимому совершенно незнакомы ни съ деревней, ни съ сельскимъ хозяйствомъ! Они имѣли въ виду одну, положимъ, благую цѣль: перехватить ускользавшую отъ барина землю, не дать овладѣть ею кулаку и передать тѣмъ, кто будетъ самъ ее обрабатывать. Но еслибъ они знали деревню, они не впали-бы въ такую грубую ошибку, какъ предположеніе, что мужикъ справится съ землей самъ и начнетъ хорошее и разумное хозяйство безъ посторонней помощи.

Ошибка эта теперь выяснилась. Результатъ получился поистинѣ плачевный. За Крестьянскимъ Банкомъ послѣ десятилѣтней практики остается „собственныхъ“, насквозь опустошенныхъ крестьянами земель свыше, чѣмъ на 12 милліоновъ рублей, и эти земли увеличиваются съ каждымъ днемъ. Привести эту территорію снова въ культурное состояніе страшно трудно. Дьяковка и Сазоново, если какимъ-нибудь чудомъ не спасутъ своей земли травосѣяніемъ-ли, или фосфоритами, будутъ биться, платить изъ послѣднихъ силъ и, наконецъ, не одолѣвъ земли, сдадутъ ее банку уже въ видѣ настоящихъ „пустошей“. Ихъ состояніе теперь переходное. Въ этомъ году урожай такъ плохъ, что едва-ли они заплатятъ въ банкъ. Впереди неминуемое банкротство. А между тѣмъ, какъ мало было нужно въ началѣ, чтобы до этого не допустить и чтобы Сазоновцы и Дьяковцы не только извлекли пользу изъ земли, но положительно обогатились!

Представьте себѣ, что въ составѣ управленія банка и его мѣстныхъ отдѣленій есть спеціалисты по сельскому хозяйству. Обращается въ банкъ крестьянское общество. Теперь командируется членъ-чиновникъ, который оцѣниваетъ участокъ чисто механически: стоитъ столько-то, платить крестьяне могутъ, потому что „рента“ такая-то, доплаты столько-то, сдѣлка утверждается. И всѣ, рѣшительно всѣ закрываютъ глаза на то, что мужикъ не можетъ не начать сейчасъ-же „пустошить“ купленную землю, раззоряя тѣмъ и самого себя и государство, пришедшее къ нему на помощь. Не можетъ потому, что ему приходится почти голыми руками брать изъ земли средства для уплаты въ банкъ. А тутъ еще доплата наличными деньгами, установленная въ видахъ гарантіи противъ „легкомысленныхъ“ покупокъ! Да вѣдь на эту доплату добываютъ деньги въ долгъ изъ 60% годовыхъ!

При иныхъ условіяхъ поѣхалъ-бы на мѣсто не чиновникъ Министерства Финансовъ, а *агрономъ банка*, собралъ-бы сходку и, напримѣръ, въ Дьяковкѣ и Сазоновѣ держалъ-бы къ православнымъ такую рѣчь:

— Вамъ угодно при помощи казны купить Аннино? Прекрасно. Мѣсто хорошее, земля отличная, цѣна дешевая. Самый удобный для васъ сѣвооборотъ, скажемъ, девятипольный. Льна можете сѣять: Дьяковцы столько-то, Сазоновцы столько-то. Клины, хотите, сами разобьете, хотите, пріѣдетъ землемѣръ. Послѣ льна рожь можете сѣять безъ навоза, затѣмъ яровое, а вторую рожь непремѣнно по навозу. Ежегодно будете сѣять одинъ клинъ клеверомъ и косить не больше, чѣмъ три года къ ряду. Сѣмена получите отъ банка черезъ земскую управу. Пахать будете плугами. Лѣсъ можете чистить, но обязаны беречь и не рубить. Платить будете столько-то, кромѣ того ревизору отъ банка столько-то, и, если сами не будете молотить клеверъ, то на сѣмена ежегодно столько-то. Земли обязуетесь никому не продавать и покосовъ не сдавать. Скота держать столько, сколько нужно навоза по расчету на одинъ клинъ. Угодно вамъ эти условія принять, тогда вамъ казна поможетъ, не угодно, какъ хотите.

Условіе на десять лѣтъ. Когда всѣ клины обойдете, земля идетъ въ вашу полную собственность. Тогда дѣлайте съ нею, что хотите. Банкъ наблюдать больше не будетъ.

Крестьяне съ радостью согласятся, но заявятъ, что у нихъ нѣтъ денегъ ни на доплату, ни на клеверныя сѣмена, ни на плуги.

Агрономъ отвѣтитъ имъ, что никакой доплаты не потребуется, а клеверныя сѣмена на первый годъ дадутъ въ долгъ, причтя деньги къ капитальной ссудѣ.

Еслибы такъ было поступлено въ Дьяковкѣ и Сазоновѣ, черезъ шесть лѣтъ, вмѣсто нынѣшняго опустошенія, мы имѣли бы полное право надѣяться увидать въ обѣихъ деревняхъ каменные дома. Провѣрить это не трудно.

Землевладѣлецъ не желающій самъ вести хозяйство можетъ устроить подобный-же сѣвооборотъ и сдать имѣніе крестьянамъ подъ своимъ присмотромъ въ аренду. Такія хозяйства уже есть. При мало-мальски порядочной землѣ крестьяне платятъ огромныя аренды и замѣтно богатѣютъ. Небольшое имѣніе въ 300—400 десятинъ въ Смоленской губерніи можетъ дать при многопольномъ сѣвооборотѣ со льномъ и клеверомъ валового дохода до 4 тысячъ рублей, 1.500 рублей получитъ владѣлецъ въ видѣ аренды, 2.500 рублей получатъ крестьяне за работу, которая по высокой расцѣнкѣ стоитъ не болѣе 1.000 р.

Ни малѣйшей трудности для банка организовать агрономическую сторону дѣла нѣтъ. Тѣ-же самые уѣздные агрономы, которыхъ теперь начинаютъ заводить земства, могли-бы быть превосходными оцѣнщиками, организаторами хозяйствъ и ревизорами Крестьянскаго Банка. Господа, протестующіе противъ опеки надъ крестьянами, должны понять, что здѣсь вовсе не опека, а помощь и свободный договоръ. Неужели-же государство, дающее средства на покупку крестьянами даннаго участка, не вправѣ озаботиться, чтобы эта земля пошла на пользу, а не во вредъ покупщику?

Факты указываютъ, что безъ заботъ объ агрономической сторонѣ дѣла и самъ Крестьянскій Банкъ оказывается учре-

жденіемъ несостоятельнымъ. Ни для кого не составляетъ секрета (хоть громко и не говорится), что его широкая въ началѣ дѣятельность сокращена въ эту минуту до нельзя, и сдѣлокъ совершается очень мало. Покупки искуственно затрудняются, что совершенно понятно въ виду печальныхъ фактовъ накопленія неоплатныхъ недоимокъ и возвращенія банку опустошенныхъ земель. Крестьянскому Банку грозитъ неминуемая гибель, потому что Дьяковка и Сазоново еще наилучшій, пожалуй, случай. Смоленская земля, покупаемая у раззорившихся владѣльцевъ по 30 руб. за десятину, не то, что Тамбовская, или Курская, стоящая до 200 р. десятина. Опустошеніе-же ея одинаково вездѣ.

А между тѣмъ, какимъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ могъ-бы быть тотъ-же самый Крестьянскій Банкъ, если-бы вмѣсто нынѣшняго его чисто канцелярскаго характера онъ принялъ хоть немного характеръ культурный.

Въ Россіи это особенно легко. Та-же самая великорусская община, которая при канцелярскомъ порядкѣ ничего, кромѣ хищничества не выдвигаетъ, при культурной иниціативѣ могла бы явиться драгоцѣннымъ орудіемъ, *уравнителемъ* всего сельскохозяйственнаго прогресса. Агрономъ имѣющій дѣло съ кучкою разнокалиберныхъ личныхъ владѣльцевъ не сдѣлаетъ и четверти того, что сдѣлаетъ онъ, съ умѣвъ столковаться со всѣмъ сельскимъ сходомъ, представляющимъ въ мѣстной деревенской жизни настоящее законодательное собраніе и притомъ съ великолѣпною исполнительной властью, не знающею ослушанія.

Чтобы закончить набросанную мною картинку, прибавлю, что ни въ Сазоновѣ, ни въ Дьяковкѣ нѣтъ кабака, и даже вывелась тайная продажа вина. Народъ чрезвычайно трезвый, трудолюбивый и умный, какъ, впрочемъ, всѣ Смоленцы по эту сторону Днѣпра (за Днѣпромъ идутъ, такъ называемые, Полячки, въ бѣлыхъ свиткахъ и цокающіе; мѣстность пріобрѣтаетъ полу-бѣлорусскій характеръ. Здѣсь-же чистая Великороссія). Разговаривать съ ними очень легко, и схватываютъ они всякое дѣло быстро. Только бѣдность, а главное, каторж-

ный и безплодный трудъ при старинномъ, но уже отжившемъ свой вѣкъ трехпольи, затрудняютъ для нихъ хозяйственный ростъ. Мудрено требовать отъ этихъ людей такихъ самостоятельныхъ шаговъ, на какіе не было способно даже большинство образованныхъ людей, помѣщиковъ, растерявшихъ свои земли только потому, что не умѣли найти выхода и не встрѣтили надлежащей помощи.

Пожелаемъ, чтобы Крестьянскій Банкъ всталъ поскорѣе на этотъ путь, иначе гибель его неминуема.

XVIII.

Русская Бельгія.

Это названіе дано, если не ошибаюсь, покойнымъ Вл. П. Безобразовымъ, изслѣдовавшимъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Ростовскій уѣздъ. Приложимо оно, впрочемъ, никакъ не ко всему уѣзду, а только къ небольшому, сравнительно, его куску, включающему городъ Ростовъ Великій, озеро Неро и полосу земли довольно узкую вокругъ него, гдѣ расположены три огромныхъ села: Угодичи, Воржа и Порѣчье, центры знаменитаго изстари ростовскаго торговаго огородничества.

Бельгія, впрочемъ, это мѣстность въ одномъ лишь смыслѣ. Здѣсь на ничтожныхъ клочкахъ земли ведется очень высокая культура, и сравнительно благоденствуетъ чрезвычайно густое населеніе. Дальше сравненіе итти не должно. Это дорогой и оригинальнѣйшій уголокъ Руси. Почва и воздухъ, кажется, пропитаны здѣсь историческими воспоминаніями, и все обвѣяно духомъ русской старины и самобытности. Ростовъ, бѣдный уѣздный городишко, смотритъ по прежнему столицею „Земли Ростовской“ и не гнетъ головы не только передъ Ярославлемъ, но и передъ столицами оффиціальными; ростовскій мѣщанинъ и мужикъ (дворянъ здѣсь

почти нѣтъ, кромѣ самыхъ захудалыхъ и пришлаго чиновничества) представляютъ настоящихъ гражданъ, не робѣютъ, какъ повсюду почти, не только передъ урядникомъ и становымъ, но даже передъ губернаторомъ. Ярославецъ вообще, а Ростовецъ въ особенности—умнѣйшій и дѣльнѣйшій типъ русскаго человѣка. Игра случая спасла этихъ людей отъ искалѣченія крѣпостнымъ правомъ, а бойкая, неугомонная натура при бѣдности мѣстной почвы и трудности добыть средства къ жизни, разбросала ихъ повсюду за промыслами и заработками. Среди всеобщей русской лѣни, забитости и экономическаго невѣжества Ростовецъ богатѣлъ, наживался, становился иногда милліонеромъ, но связи съ родиной не обрывалъ. Онъ тянулъ обыкновенно за собою родичей и знакомыхъ, помогалъ имъ основаться и начать дѣло и мало-помалу вотъ эта Бельгія стала простымъ разсадникомъ, откуда ежегодно поставляются на всю Россію цѣлыя партіи будущихъ дѣльцовъ экономическаго міра. Въ чиновники Ростовцы не идутъ, либеральныхъ профессій не уважаютъ, но за то торгуютъ чѣмъ угодно, строятъ фабрики, заводятъ склады, пароходы и мало-по-малу прибираютъ къ рукамъ русскую торговлю и промышленность.

Повсюду на стѣнахъ просторныхъ и чистыхъ, а иногда даже богатыхъ по обстановкѣ домовъ въ названныхъ приозерныхъ селахъ—фотографіи и портреты, въ одиночку и цѣлыми группами. Снимаетъ дѣдъ, или бабушка одинъ за другимъ и разсказываетъ:

— Вотъ это, милый, мой старшій сынъ. У него въ Старомъ Петергофѣ лавка мануфактурная. Этотъ вотъ, внукъ, въ Кронштадтѣ у людей живетъ, на зиму домой ѣздитъ. А вотъ этотъ, батюшка мой, въ Красноярскѣ большими дѣлами ворочаетъ...

— А здѣсь-же у васъ кто?

— Да вотъ еще два сына, да двѣ внучки, да невѣстки, да послѣ брата покойнаго племянники...

У бывшаго старшины села Угодичей Андрея Кострова сынъ

живетъ, напримѣръ, въ Хивѣ и въ компаніи съ „первымъ министромъ“ хана ведетъ обширную хлопковую торговлю.

— Нашихъ Порѣчанъ, говорилъ мнѣ другой бывшій старшина, Пикушевъ, вездѣ найдешь, въ самыхъ отдаленныхъ концахъ Россіи. На одного здѣшняго придется по пяти, по шести человѣкъ въ городахъ. Собрать насъ всѣхъ, такъ на цѣлую губернію хватило-бы. И за границей наши есть, вездѣ есть, только развѣ въ Царствѣ Небесномъ маловато, а ужь въ аду сколько угодно.

— А что?

— Больно народъ хитеръ. Да и плуты попадаются жестокіе!..

Словомъ, Угодичи, Порѣчье, Воржа и самъ Ростовъ Великій въ антропологическомъ смыслѣ представляютъ огромный парникъ, откуда постоянно извлекается человѣческая разсада и, пересаженная въ разныя мѣста Россіи, даетъ крупныхъ дѣльцовъ, предпринимателей и богачей. Бойкій, красивый мальчикъ проходитъ мѣстную начальную школу. Образованіе его на этомъ кончается, и онъ увозится какимъ-нибудь родственникомъ въ Москву, или Петербургъ. Опредѣляется въ лавочку, или на „заведеніе“, работаетъ, изучаетъ не одно, а три, или четыре дѣла, скопляетъ деньжонокъ и къ двадцати четыремъ—двадцати шести годамъ уже открываетъ гдѣ-нибудь дѣло самъ, на новомъ мѣстѣ, иногда за тысячи верстъ. Тогда молодая жена, смирно сидѣвшая два-три года дома въ деревнѣ и видавшая мужа только по зимамъ, забираетъ ребятъ, садится на поѣздъ, и новая ячейка готова.

Повсюду въ этихъ селахъ огромные дома и огромныя семьи. Не дѣлятся потому, что нечего, собственно, и дѣлить. Земля считается саженями, дома лишнему, мало-семейному дѣлать нечего, а Россія такъ велика. Ясно, что на родинѣ остаются самые слабые и косные, а свѣжая сильная молодежь идетъ вся въ отлетъ, помогая домашнимъ издали. Изъ этихъ слабыхъ образуются превосходные огородники, сильные идутъ въ купцы, подрядчики, фабриканты.

Огородничество—здѣшній коренной старинный промыселъ, имѣющій уже свою столѣтнюю исторію. Насадился онъ въ прошломъ вѣкѣ, случайно, ибо ни климатъ, ни почва не представляютъ здѣсь для огородничества никакихъ особыхъ выгодъ. Бывшіе монастырскіе крестьяне попали въ казну, затѣмъ раздавались Екатериною вельможамъ. Не было мелкопомѣстныхъ дворянъ, стоявшихъ у мужика надъ душой. Угожане, Порѣчане, Воржинцы попали на оброкъ и при томъ къ владѣльцамъ, представителямъ гуманныхъ началъ конца прошлаго вѣка, жившимъ кстати-же далеко. Оброкъ былъ невысокій, земли немного. Завелъ графъ Орловъ-Чесменскій огородничество, началась сушка гороха, спросъ явился огромный на всю Россію, такъ и пошло. Мало-по-малу водворились всевозможныя огородныя растенія, кромѣ парниковыхъ, и въ настоящую минуту ростовскій районъ около озера Неро выпускаетъ: консервы горошка въ банкахъ съ пяти фабрикъ; до 15 т. пудовъ сушенаго зеленаго горошка; огромное количество цикорія, перерабатываемаго на большой ростовской фабрикѣ; мяту и мятное масло, производимое въ домахъ; лѣкарственныя и душистыя травы; огородныя сѣмена. Вся сумма производства по мѣстной статистикѣ превышаетъ $^1/_2$ милліона рублей, а такъ какъ самый районъ не великъ, то легко судить о достаточности населенія. Едва-ли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ Россіи крестьяне живутъ такъ широко и богато.

Но съ другой стороны, едва-ли гдѣ и работаютъ такъ напряженно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ловко и умѣло. Ростовецъ по трудолюбію не уступитъ никому въ мірѣ, и чѣмъ зажиточнѣе огородникъ, тѣмъ больше работаетъ онъ лично, тѣмъ отчетливѣе работы спрашиваетъ отъ пришлыхъ поденщиковъ и поденщицъ. Въ горячее время копанья грядъ, полки, или сбора гороха, рабочій день равняется дню астрономическому, прерываясь лишь обѣдомъ и двумя чаями. Работаютъ всѣ, даже маленькія дѣти. За то отдыхаютъ зимой, въ теченіе которой совершается только одинъ промыселъ—рыболовство по озеру Неро и двумъ рѣкамъ, одной въ него

впадающей, другой выходящей изъ него въ Которосль и Волгу. Рыба не важная: щука, линь, ершъ, плотва, язь. Сбытъ тоже не важный и при томъ по дешевымъ цѣнамъ, но самый промыселъ, вѣрнѣе, охота, служитъ оправданіемъ зимнему сидѣнью Ростовцевъ по своимъ селамъ. А это сидѣнье, когда сюда пріѣзжаютъ рѣшительно всѣ, кто не имѣетъ своихъ отлагательства не терпящихъ зимнихъ дѣлъ, и кто не порвалъ всѣхъ связей съ родиной, чрезвычайно важно. Дѣловые разговоры дома, въ гостяхъ и въ трактирахъ, обмѣнъ наблюденій и впечатлѣній со всѣхъ концовъ Россіи—школа для мѣстной молодежи незамѣнимая. Нужно посмотрѣть, какъ развитъ и что́ практически знаетъ здѣшній 11 — 12-лѣтній мальчикъ. У него уже чисто американскій взглядъ на жизнь, онъ уже знаетъ выгодность различныхъ „дѣлъ“, различной торговли. Вотъ эта-то школа изъ поколѣнія въ поколѣніе и выработала изъ Ростовца такой яркій типъ умнаго и ловкаго промышленника. Его не озадачишь ничѣмъ. Онъ видалъ людей и, по мѣстному выраженію, сразу „взвѣшиваетъ“ своего собесѣдника, сразу видитъ, „сколько въ немъ аршинъ кишекъ“.

Этотъ умъ и школа съ одной стороны, съ другой историческая почва и обстановка, вырабатывающая въ ростовскомъ мужикѣ большую и совершенно законную гордость. Ростовскій кремль съ его многочисленными соборами, палатами и стѣнами возстановленъ, благодаря иниціативѣ и личному труду мѣстныхъ археологовъ, гг. Титова и Шлякова, въ полномъ благолѣпіи XV и XVI вѣковъ. Такъ и чудится, что вотъ-вотъ выѣдетъ изъ воротъ роскошный княжій поѣздъ, или двинется крестный ходъ съ ростовскимъ митрополитомъ во главѣ (изъ коихъ человѣкъ пять были святые, и мощи ихъ лежатъ тутъ же). Кругомъ по берегамъ озера древніе и богатые монастыри. Самыя села древни и тѣсно связаны съ именами и дѣлами русскихъ князей и царей до-петербургскаго періода. Здѣсь жилъ Филаретъ Никитичъ. Тутъ строилъ церковь Іоаннъ Грозный, въ Ростовѣ никогда не безчинствовавшій. Тутъ Михаилъ, Алексѣй останавливались ежегодно, выѣзжая

на богомолье. Самыя церкви въ селахъ огромныя, богатыя и красивыя. Порѣчская колокольня, напримѣръ, третья въ Россіи по высотѣ. Съ озера видно, кромѣ 22 церквей Ростова и пяти монастырей, по крайней мѣрѣ, еще 12, или 15 церквей, разбросанныхъ по холмамъ кругомъ. Всѣ эти церкви историческія.

А ростовскій „красный звонъ“, подобнаго которому нѣтъ нигдѣ въ Россіи! Колокола подобраны и трезвонятъ по древнимъ нотамъ. Петербургъ весь новый, въ Москвѣ, поверхъ отстраненной и какъ-бы отставленной древности, выросъ новый слой, и все покрыла новая цивилизація, здѣсь эта древность, почти не умиравшая, теперь словно ожила вновь и не даетъ Европѣ мѣста въ сердцѣ человѣка, а оставила ей совершенно подчиненное техническое значеніе. Словомъ, Москвичъ, Новгородецъ уже не помнитъ своего родства: онъ обезличенъ, съ него стерто все національное, Ростовецъ — прямой потомокъ тѣхъ самыхъ людей, которые строили русское царство, помнитъ и чтитъ ихъ. Петербургскій періодъ только переодѣлъ его въ сюртукъ, картузъ и сапоги бутылками, далъ ему исправниковъ и становыхъ, газеты и желѣзныя дороги и почти не тронулъ его души. Довольно сказать, что въ Ростовѣ почти нѣтъ ни Нѣмцевъ, ни Евреевъ, ни иныхъ чужеродцевъ. Дѣлать имъ здѣсь нечего. Эксплуатировать некого. Ростовецъ самъ эксплуатируетъ полъ-Россіи.

Я пріѣхалъ сюда, постаравшись застать самый разгаръ „горошковаго“ сезона. Заручившись устными толкованіями и рекомендательными письмами моего стараго знакомца, милѣйшаго А. А. Титова, располагаю мой маршрутъ такъ, чтобы осмотрѣть по возможности всѣ здѣшнія культуры и производства. Сожалѣю очень, что моя программа, строго-экономическая, не позволяетъ историческихъ и иныхъ отступленій; дивлюсь лишь одному, какъ мало русскіе люди интересуются историческими центрами своей родины! Ѣдутъ въ Крымъ, на Кавказъ, и не заглядываютъ сюда, гдѣ въ три, четыре дня можно насладиться такими впечатлѣніями духовнаго характера, какихъ не дастъ Кавказъ.

XIX.

Село Угодичи и его культура.

— Кого-бы вы мнѣ указали въ Угодичахъ изъ умныхъ крестьянъ, чтобы мнѣ все показалъ и разсказалъ? спрашиваю я А. А. Титова.

— О, они всѣ умницы! Ярославцевъ глупыхъ не бываетъ, смѣялся мой собесѣдникъ. А если хотите найти дѣйствительно свѣтлую голову и толковаго человѣка, ступайте прямо къ Андрею Михайлову Кострову. Это бывшій старшина. Кстати же у него огородничество на широкую ногу и заводикъ мятнаго масла. Онъ вамъ все покажетъ и разскажетъ.

Сообщеніе города съ Угодичами, лежащими на противуположномъ берегу озера, совершается пароходомъ, не только не состоящимъ въ спискахъ судовъ Министерства Путей Сообщенія, но едва ли даже заслуживающимъ своего названія. Продавался въ Ярославлѣ калѣка-буксиръ. Мужичекъ изъ Угодичей купилъ его, сломалъ на дрова, а машину доставилъ въ Ростовъ и тутъ же на озерѣ выстроилъ однимъ топоромъ новый. Вышла барка съ колесами, свистящая очень громко, но идущая съ легкой баржей на буксирѣ пять верстъ въ часъ по озеру, т. е. безъ теченія. А случись встрѣчный вѣтеръ, приходится останавливаться и бросать якорь. Это бывало не разъ.

Директоръ этого пароходства угодичскій крестьянинъ Иванъ Макарычевъ тутъ-же съ сумкою черезъ плечо взимаетъ за провозъ по 10 к. съ человѣка. Пароходъ за цѣлый день дѣлаетъ всего двѣ поѣздки, въ базарные дни — четыре.

Какъ ни дурно дѣйствуетъ на нервы это шлепанье колесами на мѣстѣ и тяжелые вздохи машины, сильно напоминающей запаленную лошадь, но видъ съ озера, куда ни обернись, до того хорошъ, что нельзя оторваться. Сзади Ростовъ съ его возобновленнымъ кремлемъ, безчисленными соборами и церквами. Словно форты около крѣпости, стоятъ

по его берегу монастыри, выступивъ къ самой водѣ. Передъ нами Угодичи—огромное село съ двумя пятиглавыми церквами ослѣпительно бѣлѣющими на солнцѣ. Почти около него Воржа. Далеко вправо и нѣсколько поодаль отъ берега—Порѣчье съ огромной круглой и очень стройной колокольней, выстроенной мѣстнымъ крестьяниномъ безъ архитектора. Кругомъ озера цѣпь холмовъ, покрытыхъ желтѣющими хлѣбами и темной зеленью картофеля. На холмахъ видны небольшія рощицы и села, села безъ конца.

Выходимъ на животрепещущей пристани. Узенькая полоска заливнаго луга, и сейчасъ-же начинаются разбросанныя по всѣмъ направленіямъ гряды, тѣсно прижимающіяся другъ къ другу и едва оставляющія мѣсто дорогѣ. Между грядами выкопанные прудки, деревянные домики, извилистыя тропинки. По главной улицѣ—роскошные каменные и деревянные дома съ деревьями и цвѣтниками передъ ними. Далѣе базарная площадь, на ней церковь, лавки въ родѣ гостинаго двора, волостное правленіе, школа, трактиры...

Странное впечатлѣніе производятъ эти безчисленныя гряды, ничѣмъ не огороженныя. Вы идете, почти наступая на огромныя плети огурцовъ, раскинувшійся огромный-же лукъ, мяту, капусту, плечомъ цѣпляетесь за безконечный наперенный на высокихъ березовыхъ хворостинахъ горохъ, разросшійся на сажень кверху и стоящій повсюду ярко-зелеными прозрачными стѣнами.

Оказывается, что не загорожено это все потому, что въ 360 дворахъ Угодичей нѣтъ ни одной курицы, которая является обыкновенно врагомъ огорода, требующимъ высокихъ и дорогихъ плетней. Кое у кого водятся утки, да и то мало, потому что въ Угодичахъ хлѣбопашества нѣтъ вовсе и хлѣбъ весь покупной. При этихъ условіяхъ птицу и свинью держать не стоитъ. За то есть недурныя коровы. Почти у каждаго дома я видѣлъ на привязи очень симпатичныхъ телятъ.

Я засталъ Андрея Кострова на огородѣ, занятаго сборомъ чесноку. Десятокъ поденщицъ выбирали чеснокъ руками,

обрѣзали ботву и складывали въ корзины. Высокаго роста и очень пріятной наружности человѣкъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, сапогахъ и шелковомъ легкомъ картузѣ сидѣлъ на корточкахъ и что-то перебиралъ въ корзинѣ.

Вѣрительныя грамоты мои (записочка А. А. Титова) были приняты съ благосклонностью и представленіе состоялось не менѣе достойно и торжественно, чѣмъ при любомъ дворѣ. Андрей Михайловъ человѣкъ не только по здѣшнему образованный, но и видавшій большіе виды: представлялся Государю и говорилъ съ министрами въ качествѣ свѣдущаго человѣка. Держитъ себя очень просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественно.

— Хорошее дѣло, хорошее дѣло! У меня бывали многіе изслѣдователи. Вл. Павл. Безобразовъ былъ и книгу свою мнѣ подарилъ. Господинъ Черняевъ былъ, одинъ изслѣдователь вотъ въ этомъ флигельчикѣ три мѣсяца прожилъ. Наше огородничество въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“ описывалъ. Милости просимъ.

Этотъ тонъ министерской аудіенціи, усвоенный Костровымъ съ „господами изслѣдователями“, впрочемъ, сошелъ очень быстро; чуть только Костровъ узналъ, что я самъ землевладѣлецъ и интересуюсь огородничествомъ для себя, разговоръ сталъ задушевно-товарищескимъ. Дѣло, business—лучшій ключъ къ сердцу Ярославца.

Обошли мы огородъ. На ревизскую душу здѣсь приходится всего на-всего 1,000 кв. саженъ, изъ коихъ значительная часть занята усадьбами, дорогами и низкимъ берегомъ. Разумѣется, берегутъ каждый аршинъ земли и обрабатываютъ его въ ручную, лопатой. Да какъ обрабатываютъ! Гряды отдѣланы безукоризненно. Навоза не жалѣютъ, хотя возить приходится изъ города зимой по озеру и платить отъ 30 до 50 коп. за возъ на мѣстѣ. Хорошо перегнившій конскій навозъ, идущій подъ огурцы, стоитъ 75 к. возъ. Поденная плата женщинѣ на харчахъ хозяина съ двумя чаями не бываетъ ниже 25—40 коп. Разумѣется, чтобы все это оправ-

дать, нужно вести интенсивнѣйшую культуру и получить высокій и обильный продуктъ.

И дѣйствительно: чеснокъ, головки во вершку въ діаметрѣ. Лукъ сажаютъ только рѣпчатый, отъ своихъ сѣмянъ, дающій огромныя луковицы. Горохъ доводятъ до сажени, стручки собираютъ два и три раза. Въ общей сложности гряда въ $1^1/_4$ аршинъ ширины и 8 саженъ длины должна дать товару не меньше, чѣмъ на три рубля. Мудрость огородника заключается не въ томъ, чтобы „вывести" тотъ, или другой овощь (это-то всѣ умѣютъ), а въ томъ, чтобы угодить требованіямъ рынка и засадить свою плантацію тѣмъ, что̀ будетъ дороже. Колебанія цѣнъ велики: лукъ отъ 3 до 12 рублей возъ въ 3 четверти, чеснокъ отъ 2 до 5 рублей кадь, т. е. два четверика, цикорій отъ 40 к. до 1 р. 20 к. пудъ, горохъ нѣсколько равномѣрнѣе, какъ и сѣмена огородныхъ растеній, которыя здѣсь разводятся превосходныя, и спокойно идутъ у магазинщиковъ за выписанныя изъ за границы.

Почва на грядахъ превосходная, черноземно-песчаная, напоминающая землю, продаваемую въ столицахъ для пересадки цвѣтовъ. Это результатъ интенсивнаго удобренія и прекрасной обработки. Сама по себѣ земля села Угодичей—песчано-болотистая. Навозъ кладутъ такъ, чтобы устилалъ землю слоемъ въ два-три вершка. Зимой вывозятъ, весной раскидываютъ и закапываютъ. Въ эту пору сбѣгается на поденную работу населеніе сосѣднихъ земледѣльческихъ селъ, гдѣ свои огороды не велики, а полевыя работы еще не начались.

Вскопавъ, дѣлаютъ гряды косулей-самолетомъ, или отъ руки, лопатой. Имѣется нѣкоторое подобіе сѣвооборота. По свѣжему навозу садятъ огурцы, капусту, цикорій, на слѣдующій годъ гряды эти идутъ подъ мяту, горохъ, лукъ, чеснокъ. Капусту и огурцы сажаютъ едва-ли не въ силу одного этого обстоятельства, такъ какъ продукты эти наиболѣе дешевы и сбытъ имѣютъ лишь мѣстный.

Мята сажается трехъ сортовъ: англійская, нѣмецкая (mentha piperita) и дмитровская. Сама собою попадается между культурными кустами такъ называемая „мята-дурочка" безъ за-

паха. Ее не выбрасываютъ, ибо сойдетъ для фальсификаціи сухой мяты.

Всѣ три сорта сажаются нарѣзанными корешками весною. Больше года мяты на одномъ мѣстѣ не держатъ. Полоть ее легко, такъ какъ садятъ рядами на $^1/_4$ аршина другъ отъ друга. Скоро мята разростается, укрываетъ сплошь гряду и къ августу начинается сборъ. Ее жнутъ серпомъ и первый мѣсяцъ гонятъ масло изъ сырой, затѣмъ сушатъ и продаютъ заводчикамъ.

Заводовъ этихъ много, почти черезъ дворъ. Весь заводъ состоитъ изъ котла съ крышкой, змѣевика и холодильника. Выгоняемый паръ вмѣстѣ съ мятнымъ масломъ, охлаждаясь въ змѣевикѣ, собирается въ бутыль, и масло славливается сверху особымъ черпачкомъ.

Андрей Костровъ, какъ передовой человѣкъ, сбился съ деньгами и устроилъ гонку масла паромъ. Заводикъ устроенъ совершенно правильно, и масло получается свѣтлое и крѣпкое, но по какимъ-то причинамъ его считаютъ хуже котловаго, и идетъ оно плохо. Да и котловое масло безразлично отъ англійской, или перечной мяты почему-то не можетъ конкуррировать съ масломъ заграничнымъ, привозимымъ нашими аптечными торговцами. Идетъ оно только на табачныя фабрики для сдабриванія нюхательнаго табаку и, конечно, по очень дешевой цѣнѣ, не выше 10 р. за фунтъ. Любопытно, что на это обстоятельство никто не обращалъ вниманія. Я посовѣтовалъ Кострову послать образцы прямо къ подлежащему экономическому начальству съ просьбою изслѣдовать дѣло и указать, какъ причины неудачи, такъ и способы къ ихъ устраненію.

— Нѣтъ ужъ, Господь съ ними! Какъ-нибудь обойдемся. А то, вотъ тутъ былъ у меня господинъ Черняевъ. Послушался я, устроилъ сушку овощей. Что-же вышло? Прислалъ онъ мастера, поставилъ печь, а она не дѣйствуетъ. Наказалъ меня на 500 руб., ну и будетъ...

— Тогда обратитесь въ Московское Общество Сельскаго Хозяйства. Пусть оно изслѣдуетъ.

— Некѣмъ у нихъ тамъ. Это спеціальное дѣло.

Бельгія обратилась въ матушку Россію, гдѣ до важнѣйшихъ народныхъ промысловъ нѣтъ никому дѣла, гдѣ сельскій хозяинъ предоставленъ всѣмъ четыремъ вѣтрамъ...

Чеснокъ сажаютъ исключительно озимый. Луковицу расщепляютъ на зубчики и сажаютъ рядами въ шахматномъ порядкѣ. Получается изъ одного зубчика большая луковица, содержащая сама отъ 10 до 15 зубчиковъ. Собирается чеснокъ передъ сезономъ солки огурцовъ и везется по желѣзнымъ дорогамъ на всю Россію, или оставляется до осени и весны, для чего сушится въ особыхъ коптильняхъ. Чеснокъ и мята— спеціальность Угодичей.

Цикорій сѣется своими сѣменами и идетъ на мѣстную фабрику. Лукъ разсылается также по городамъ.

О горохѣ буду говорить, когда коснусь Порѣчья, гдѣ горохъ главное производство.

XX.

Порѣчьскій горошекъ.

Моя вторая поѣздка „за озеро“ была сдѣлана лодкой въ Порѣчье. Любопытная, однако, монополія существуетъ для трехъ деревень, составляющихъ Угодичскую волость и бывшую вотчину сначала Мусиныхъ-Пушкиныхъ, затѣмъ Карровъ. Петръ I, катаясь по озеру съ своимъ любимцемъ Мусинымъ, подарилъ ему въ собственность „озеро съ береговой полосой кругомъ и съ обѣими рѣчками, входящей и выходящей“. Городъ Ростовъ, построенный на самомъ берегу, остался безъ права рыбныхъ ловль, перевозовъ и т. п., словомъ, былъ отрѣзанъ, равно какъ всѣ монастыри, села Воржа и Порѣчье. Отъ Мусиныхъ вотчина перешла въ Каррамъ. Послѣдній изъ нихъ, не имѣвшій прямыхъ наслѣдниковъ, подъ вліяніемъ своей возлюбленной, дѣвушки изъ Угодичей,

отпустилъ въ тридцатыхъ годахъ своихъ крестьянъ на волю, передавъ имъ всѣ свои права и монополіи и обязавъ ихъ платить своимъ косвеннымъ наслѣдникамъ по 10 т. р. ассигнаціями въ годъ. Скоро крестьяне выкупились совсѣмъ, а озеро Неро съ береговой полосой такъ за ними и осталось. Къ счастію, во время генеральнаго межеванія при Екатеринѣ полоса эта вымежевана въ натурѣ не была, а потому безспорно Угодичане владѣютъ только водой и нѣкоторыми покосами.

Но и этого слишкомъ достаточно, чтобы поставить и городъ Ростовъ и села Порѣчье и Воржу въ самое непріятное положеніе. Всѣ оказываются ни за что ни про что данниками Угодичанъ и гг. владѣльцы распоряжаются, какъ хотятъ. Озеро, имѣющее 12 верстъ длины и 7 ширины, приноситъ громадный доходъ вслѣдствіе отдачи прилегающимъ селеніямъ рыбныхъ ловель, плотовъ, перевозовъ. Съ городомъ, кажется, Угодичане нѣсколько церемонятся и только грозятъ разрыть ближайшіе въ водѣ дома, когда имъ вымежуютъ ихъ собственность, но остальныхъ положительно обираютъ. Перевозы, напримѣръ, сданы въ аренду крестьянину Макарычеву. Мой лодочникъ, тоже Угодичанинъ Христофоръ Ганюшинъ, человѣкъ бѣдный, переселился въ Ростовъ, устроилъ купальню (первую и единственную) и сталъ работать лодки, продавая ихъ и отдавая на часы. Перевозы сданы Макарычеву. Пароходъ его ходитъ только между Угодичами и городомъ. Между тѣмъ, онъ привлекъ къ суду Ганюшина за то, что тотъ иногда перевозилъ въ Порѣчье и Воржу. Разбирательство на волостномъ судѣ состоялось, и Ганюшинъ былъ присужденъ къ уплатѣ „убытковъ“ 20 рублей. Вотъ какіе аппетиты развиваетъ монополія.

Разумѣется, что при этихъ условіяхъ общественные доходы Угодичанъ на много превышаютъ всѣ ихъ подати и повинности вмѣстѣ взятыя. Другой результатъ монополіи—чисто китайская замкнутость угодичской общины. Еще задолго до освобожденія крестьянъ устроили они себѣ такую конституцію, что никто посторонній и ни подъ какимъ видомъ не

можетъ приписываться къ Угодичамъ, Тряслову, или Вороболову (три селенія составлявшія вотчину Карровъ) и тѣмъ болѣе не можетъ получить тамъ земли.

— Ну, а если останется вдова?

— Пользуется пожизненно. Затѣмъ поступаетъ дѣтямъ.

— А если дѣтей нѣтъ, а она вторично замужъ выйдетъ за чужаго?

— Она пользоваться будетъ, а мужа и дѣтей отъ него общество послѣ ея смерти не допуститъ. Земля пойдетъ подъ общество.

Любопытно также, что общинный распорядокъ сохранился во всей полнотѣ. Передѣловъ участковъ не бываетъ, усадьбы подѣлены „на вѣчность", но перекладки душъ внѣ усадебной земли совершаются часто. Души разбираютъ семьяные односельцы. Земельная душа въ настоящую минуту арендуется и покупается своими-же по 150 рублей (за 620 кв. саж.).

Мы прошли мимо красиваго острова, принадлежащаго (въ смыслѣ сбора сѣна) одному изъ монастырей. Какъ исключилось это право, лодочникъ разсказать не могъ. На полудесятинѣ, или около того, заливной поверхности снимается до 450 пудовъ великолѣпнаго сѣна. Здѣсь-же стрѣляютъ утокъ и турухтановъ, хотя Угодичане и грозятъ отнятіемъ ружей.

За островомъ разстилалась гладкая поверхность воды верстъ на шесть. Затѣмъ шли тростники, опредѣлявшіе устье рѣчки идущей отъ Порѣчья, и по этой рѣчкѣ приходилось подниматься еще версты четыре до села. Берега изъ болотистыхъ начинали постепенно повышаться, покрываясь прекрасной травой и старыми ветлами у самой воды. Множество лодокъ частью у береговъ, частью по срединѣ рѣчки стояло неподвижно. На нихъ по одному, по два, словно изваянія, сидѣли и стояли наѣхавшіе изъ города удильщики. Имъ Порѣчане запрещаютъ удить за двѣ версты отъ села подъ предлогомъ поджога стоговъ съ сѣномъ, но вѣрнѣе, чтобы не мѣшали имъ самимъ заниматься этимъ благороднымъ спортомъ. И, дѣйствительно, несмотря на будній день въ заказной половинѣ мы насчитали до десятка сельскихъ ло-

докъ съ бородатыми рыболовами въ красныхъ рубашкахъ и жилетахъ поверхъ нихъ.

Пройдя по безчисленнымъ изгибамъ тихую и красивую рѣчку, мы вступили, наконецъ, въ село, расположенное у обоихъ ея береговъ версты на двѣ въ длину. Рѣчка стала шире, но мельче. Она вся была подернута синеватымъ дымкомъ, разстилавшимся, благодаря полной тишинѣ утра надъ водой.

— Что это такое?

— А это горохи варятъ...

У первыхъ-же домиковъ дѣло объяснилось. Каждый домикъ имѣетъ спускъ къ водѣ. На этомъ спускѣ у самой воды изъ кирпича сложена маленькая печь со вмазаннымъ котелкомъ. Около—кучка собранной щепы, прутьевъ, палочекъ и т. д. Печь затопляется съ утра, и около нея дежуритъ или мальчикъ, иногда совершенно маленькій, или древній старецъ. Остальная семья вмѣстѣ съ поденщиками безъ отдыха собираетъ и лущитъ горохъ, подходитъ къ котлу, варитъ и уноситъ сушить.

Я хотѣлъ выйти еще въ началѣ села, но мой Христоферъ отговорилъ:

— Одно и тоже вездѣ. Поѣдемъ къ базару. Тамъ кстати и лодку привяжемъ.

Мы прошли подъ пятью, или шестью высокими мостами соединявшими обѣ половины села и остановились у одного изъ такихъ кипящихъ котловъ, въ которомъ маленькій старичекъ варилъ горохъ.

— Можно лодку, привязать дѣдъ?

— Можно, милый, можно. Постерегу. Весла-то не уноси, никто не возьметъ.

Мы вышли, и я съ любопытствомъ началъ приглядываться къ тому, что дѣлалъ старикъ. Около него стояло пять, или шесть круглыхъ корзинъ (вершковъ шесть діаметромъ) плетеныхъ изъ неочищенной ивы и наполовину насыпанныхъ лущенымъ горошкомъ, еще совершенно молодымъ и мягкимъ, но уже округлившимся. Вода въ котлѣ не перемѣ-

няется, а только добавляется и потому была очень темная. Старикъ бралъ корзинку и опускалъ ее въ кипятокъ. Кипѣніе сейчасъ-же останавливалось, но черезъ минуты двѣ начиналось снова. Горохъ постепенно всплывалъ, окруженный желтоватой пѣной, а старикъ встряхивалъ и поворачивалъ корзинку въ водѣ. Я смотрѣлъ на часы. Черезъ четыре минуты весь горохъ поднялся. Старикъ вынулъ корзину, подбросилъ щепокъ въ печь, и спустившись къ рѣчкѣ, сильно прополоскалъ горохъ въ корзинкѣ-же свѣжей водой. Затѣмъ отставилъ эту корзинку къ сторонѣ и погрузилъ въ котелъ слѣдующую.

Когда всѣ пять корзинъ были кончены, старикъ подлилъ въ котелъ воды до краевъ, подбросилъ еще топлива и, собравъ корзинки, пошелъ домой. Я просилъ показать, что дѣлается съ горохомъ дальше.

— А ничего, господинъ. Сушимъ!

— Да вотъ, какъ сушите-то?

— А у насъ такія лежаночки устроены.

Въ воротахъ на холодкѣ сидѣла красивая молодая женщина среди кучи ребятъ малъ-мала меньше. Вся компанія съ быстротой необычайной лущила горохъ, принесенный въ мѣшкѣ. Передъ дворомъ на солнышкѣ было разсыпано много шелухи. Эта-же шелуха ярко свѣтилась и передъ всѣми дворами, прямо на улицѣ, оставляя небольшой проѣздъ.

Старикъ провелъ насъ въ низенькое помѣщеніе сейчасъ же отъ воротъ. На земляномъ полу была сложена лежанка (верхъ кафельный) съ самой простой топкой внизу. На кафляхъ ровнымъ и тонкимъ слоемъ былъ разсыпанъ горохъ. Температура умѣренная, можно держать руку.

— Вотъ вамъ и все наше заведеніе.

— Долго-ли сушите?

— Днемъ пожарче топимъ, часа въ два высыхаетъ. На ночь топимъ полегче—высыхаетъ къ утру.

— Вы въ соленой водѣ варите?

— Нѣтъ, въ простой.

— А цвѣтъ хорошо сохраняется?

— Хорошо. Очень переваривать не надо, да лежать вареному не давать, а тутъ-же сушить. И потомъ варить свѣжій. Что́ собрали, то сейчасъ-же и варить.

Провелъ насъ старикъ наверхъ. Во второмъ этажѣ помѣщалось жилье, и тутъ-же въ сѣняхъ на чистыхъ веретьяхъ было разсыпано пуда два горошку, совсѣмъ готоваго.

— Ничего больше и не дѣлаете?

— А еще вскруживаемъ на рѣшетѣ и подсѣваемъ. Знаете, попадаетъ шелушка, цвѣтокъ. Все это уйдетъ. И потомъ гороху ровно не нарвешь. Попадетъ постарше и помоложе. На рѣшетѣ выйдетъ два сорта. И цѣна имъ разная.

— Продаете здѣсь?

— И здѣсь и въ Ростовѣ. У насъ это товаръ ходкій, покупщиковъ сколько угодно.

— Что́-же платятъ за первый сортъ (его получается больше всего)?

— Теперь? вотъ я продалъ вчера за 45 коп. фунтъ. Это хорошая цѣна. А то бываетъ и 35. Выше полтинника, впрочемъ, не поднимается.

— Во всѣхъ домахъ одинаково работаютъ?

— Одинаково.

Собираютъ горохъ своими семьями, нанимаютъ также и поденщицъ, которыя въ эту пору во множествѣ приходятъ изъ Кашинскаго уѣзда. Цѣны очень высокія: до 40 коп. въ день на хозяйскихъ харчахъ при двухъ чаепитіяхъ вмѣстѣ съ хозяевами. Соберетъ въ день женщина два и три мѣшка стручковъ. Пока я сидѣлъ у старика, мимо проносили и мѣшки и лущеный горохъ цѣлыми процессіями.

Старикъ носитъ двойную фамилію Соповъ-Лобовъ и хозяйничаетъ самъ. Молодая женщина—его невѣстка. Мужъ ея по лѣтамъ живетъ въ Муромѣ на жалованьи, выгоняя огуречныя сѣмена.

Для перенья гороха покупается привозный хворостъ (березовый). Онъ втыкается въ гряды вертикально. Осенью солома снимается. Хворостъ обломанный идетъ на топливо, грубая солома въ постилку скоту. Шелуха высушенная даетъ превосходный кормъ для коровъ, усиливающій молочность.

Вотъ и все производство. Попадаетъ этотъ горошекъ къ вамъ, читатель, уже за 75 и до 90 коп. фунтъ. Около него наживается множество скупщиковъ и коммисіонеровъ. Главная продажа на ростовской ярмаркѣ на первой недѣлѣ Великаго поста. Много горошку идетъ за границу. Сортъ—особый ростовскій, иногда обновляемый англійскими сортами *мозгового* горошка, дающими продуктъ гораздо нѣжнѣе. Но кому этимъ заниматься?

XXI.

Консервное дѣло въ Порѣчьѣ.

Старикъ Соповъ провелъ меня на свой огородъ. И здѣсь, какъ въ Угодичахъ, берегутъ каждый клочекъ земли, дѣлаютъ гряды, гдѣ только можно, и точно также не держатъ куръ вовсе, а предпочитаютъ яйца покупать въ Ростовѣ и по деревнямъ. Земельная тѣснота здѣсь вопіющая. Въ одной окружной межѣ около Порѣчья приходится всего на душу съ чѣмъ-то 500 саженъ. Остальное—пустоши, разбросанныя на разстояніи до 15 верстъ. Ихъ сдаютъ въ аренду, предпочитая интенсивное огородничество на маленькомъ клочкѣ, такъ что хлѣбопашества нѣтъ вовсе, и весь хлѣбъ покупной.

Здѣсь также община въ полной неприкосновенности. Земля разбита на коны по качеству, и въ каждомъ кону отдѣльный дворъ имѣетъ свои гряды. У Сопова гряды въ пятнадцати мѣстахъ. Держитъ онъ двѣ души, т. е. все его хозяйство совершается меньше, чѣмъ на $^1/_2$ казенной десятины. Навозъ немного свой, а главное покупной городской. Соповъ сажаетъ картофель, капусту и огурцы только для себя, тѣмъ болѣе, что все это овощь дешевая. Главное-же горохъ, мята, эстрагонъ и аптечныя травы: вейпрута, майоранъ, мелисса, шалфей. Этотъ товаръ даже при дешевыхъ цѣнахъ и всякихъ кулацкихъ прижимкахъ даетъ отъ 70 коп. и до 1 р. 20 коп. *съ одной квадратной сажени.*

До пожара 1887 года Порѣчье процвѣтало. Были настроены у богачей настоящіе дворцы. Сюда пріѣзжали „на дачу“ даже нѣкоторые милліонеры, здѣшніе уроженцы, обыкновенно живущіе въ столицахъ и имѣющіе торговлю и фабрики. Пожаръ, истребившій въ полчаса 215 дворовъ, засталъ лишь небольшую долю построекъ застрахованною въ земствѣ, да и то въ ничтожной долѣ стоимости (напр., 500 р. изъ 20,000), и потому разорилъ Порѣчанъ. Очень мало отстроилось въ прежнемъ видѣ. Большинство „захудало“, и дворцы такъ и стоятъ пятый годъ необитаемые.

Порѣчье въ сущности не село, а порядочный городъ. Между тѣмъ большинство строеній деревянныя, крытыя соломой. Любопытно, что пожаръ было легко потушить. Мальчишки зажгли на улицѣ сложенный хворостъ. Народъ сбѣжался—и растерялся. Стоятъ и смотрятъ. А тутъ поднялся вѣтеръ и двухъ третей села какъ не бывало.

Упомянулъ я въ разговорѣ о глиносоломенныхъ несгараемыхъ крышахъ. Оказывается, что эти умные, всю Россію избѣгавшіе люди ничего о нихъ не слыхали, но отнеслись въ высшей степени сочувственно. Вотъ ужъ подлинно, нѣтъ никому дѣла до самыхъ жизненныхъ народныхъ интересовъ! Выгорѣлъ важный культурный русскій центръ, никто не заботится, гори опять, хоть завтра.

Горошекъ—спеціальность Порѣчья. Его готовятъ въ каждомъ дворѣ, и биржевыя колебанія цѣнъ на него—главный экономическій вопросъ Порѣчанъ. На всю Россію и заграничный вывозъ его готовятъ только здѣсь, да еще въ пятишести деревняхъ вокругъ. Дѣло въ томъ, что несмотря на всю выгодность производства, оно несовмѣстно съ земледѣліемъ, ибо идетъ только во время покоса и жнива, три недѣли съ Петрова дня и по Илью.

Въ послѣднія пять лѣтъ Порѣчье стало центромъ другого производства изъ того-же горошка. Это производство—приготовленіе консервовъ въ жестянкахъ, развивающееся необыкновенно быстро. Открыто оно еще въ 1875—76 году Французомъ, московскимъ консервнымъ фабрикантомъ Мальо, вперъ-

вые пріѣхавшимъ сюда и начавшимъ закупать горохъ. Сначала фирма не имѣла конкурентовъ, ибо Французъ дѣлалъ видъ, что знаетъ какой-то секретъ, и всю варку производилъ самъ. Стало дѣло болѣе общимъ и открытымъ такимъ образомъ.

Была у Мальо въ услуженіи дѣвушка изъ Порѣчья. Упросила она взять въ мальчики своего брата, нынѣшняго крупнаго фабриканта Павла Алексѣевича Коркунова. Одновременно съ этимъ поваръ Славянскаго Базара, Зиновій Семеновъ, которому для варки доставляли горошекъ изъ Ростова въ Москву, обучилъ варкѣ крестьянина Сергѣя Никифорова, и предложилъ ему въ компаніи устроить въ Порѣчьѣ заведеніе.

Побылъ Коркуновъ нѣсколько лѣтъ у Мальо, обучился всему дѣлу и открылъ фабричку. Начали работать и Семеновъ съ Никифоровымъ. Дѣло пошло блестяще. Цѣна фунтовой банки понизилась сразу до 60 коп. Секретовъ у Мальо, какъ оказалось, не было никакихъ, дѣло было въ высшей степени простое. Успѣхъ былъ такъ великъ, что въ Москвѣ основалась спеціальная фабрика жестянокъ Бармина, затѣмъ другая—Хаймовича (отдѣленіе петербургской). На рынкѣ русскіе консервы стали тѣснить французскіе, въ Порѣчьѣ явились еще двое, въ будущемъ и при томъ самомъ близкомъ этихъ фабрикъ будутъ десятки и сотни, и нынѣшніе безумные барыши кончатся.

Я интересовался года три назадъ консервно-огороднымъ дѣломъ и выписалъ себѣ капитальное руководство Гуффе „Livre des conserves“. На русскомъ языкѣ ничего подобнаго нѣтъ. Къ сожалѣнію, въ этой чудной книгѣ почти не говорится о запайкѣ банокъ. Дѣло просто до смѣшного, но, однако, извольте добиваться сами, ибо обычный способъ запайки, посредстомъ соляной кислоты, отравляетъ самый консервъ металлическимъ привкусомъ. Хотѣлъ было посмотрѣть на одной фабрикѣ въ Москвѣ—ни за что! Секретъ! Коекакъ добился самъ; возня выходила большая, и я ограничивался полусотней банокъ на зиму для собственнаго обихода.

По рецепты самыхъ консервовъ и способы сохранять зеленый цвѣтъ шпината, гороха, фасоли и пр. зналъ.

Упоминаю я объ этомъ вотъ зачѣмъ. Приходимъ мы съ Христофоромъ на фабрику петербургскаго торговца Бурова. Обширный сарай. Большой красоты молодой человѣкъ въ сѣрой блузѣ и фартукѣ, самъ хозяинъ, стоитъ у прилавка, расположеннаго у входа, и принимаетъ на вѣсы приносимый лущеный горохъ. Горохъ этотъ тутъ-же, сзади сортируется на трехъ висячихъ на подобіе вѣсовъ огромныхъ ситахъ, и отсортированный идетъ на обыкновенную Лениговскую вѣялку, очищающую его отъ пыли, цвѣтковъ и сора. Дальше,— святилище, куда не пускаютъ никого.

Между мною и Буровымъ происходитъ слѣдующая комическая сцена:

— Можно посмотрѣть ваше заведеніе?

— Съ удовольствіемъ. Вотъ-съ, это горохъ, банки, вотъ какъ мы покупаемъ, сортируемъ...

— Это-то я вижу. Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть, какъ вы варите.

— Невозможно-съ, секретъ-съ!

— Гм! Да вѣдь у васъ здѣсь пять фабрикъ. Какой-же тутъ секретъ? Ну, въ другомъ мѣстѣ увижу.

— Никто не покажетъ-съ. Будьте покойны-съ.

— Никакихъ у васъ особенныхъ секретовъ нѣтъ. А вотъ нѣкоторые-то секреты я, можетъ быть, получше вашего знаю...

Нужно было видѣть, какъ поблѣднѣлъ г. Буровъ. Я подвернулъ гайку еще потуже:

— Странно. За границей показываютъ...

— А вы изволили бывать-съ?

— Бывалъ.

— Не угодно-ли чайку съ нами покушать?

— Отчего-же!

Мигомъ на лугу у берега появился самоваръ. Сняли сюртуки, легли на травку.

— Вы чѣмъ заливаете горохъ, въ жестянкахъ? спрашиваю.

— Мы... а за границей чѣмъ заливаютъ?

— А такой настой приготовляется, припоминаю я моего Гуффе:—вода, укропу, майорану немножко, перцу...

Г. Буровъ былъ совсѣмъ побѣжденъ. Онъ этого не зналъ

— Нѣтъ-съ, у насъ вода-съ. Понятно, хорошая, отварная,- отвѣчалъ онъ съ грустью.

Роли наши перемѣнились.

— А скажите, спрашиваетъ Буровъ, — какъ за границей цвѣтъ сохраняютъ?

— Лучше всего соль Виши?

— Гдѣ-же ее можно достать?

— Гдѣ угодно.

— Такъ-съ. А у насъ магнезія.

Поговорили мы о техникѣ дѣла. Выспросилъ у меня Буровъ все, что я зналъ. Разсказалъ, какъ началъ онъ дѣло. Исторія обычная. Былъ человѣкъ мальчикомъ въ колоніальномъ магазинѣ въ Петербургѣ. Нажилъ деньжонокъ, открылъ свою зеленную на углу Гороховой и Екатерининскаго канала, у Каменнаго моста. Самъ онъ здѣшній, верстъ за 15 отъ Порѣчья. Полюбилъ его Французъ-поваръ отъ Кюба. Показалъ варку консервовъ, которую и самъ зналъ, разумѣется, не въ такомъ совершенствѣ, какъ спеціалистъ Гуффе. Явился человѣкъ въ Порѣчье, снялъ квартиру и сарай и давай варить. Дѣло простое, Ярославецъ умный, чего-же больше? Въ 1890 году Бурова уже представляли Государю, какъ производителя отличныхъ консервовъ (черезъ министерство Императорскаго Двора). Дѣло его гремитъ въ Петербургѣ, горошекъ печатаетъ онъ здѣсь, помидоры въ Кіевѣ, прочую овощь—въ Петербургѣ. Оборотъ на сотни тысячъ. Ѣздилъ уже въ Финляндію и своими консервами вытѣснилъ оттуда заграничные, а дѣлу всего пятый годъ.

Попили мы чайку (здѣсь чаемъ опиваются). Собираюсь я уходить. Проситъ Буровъ побывать у него въ Петербургѣ:

— А что-же, вы хотѣли наше заведеніе посмотрѣть?

— Да что-же ваши секреты нарушать! смѣюсь я.

— Помилуйте-съ! Какіе секреты! Это отъ прочихъ людей.

Вѣдь у насъ дьяволъ народъ: ну, что́-же за охота себѣ конкуррента приготовлять? Мы и рабочимъ-то не вѣримъ, такъ, видъ показываемъ, что секретъ есть. Пожалуйте, пожалуйте...

Весь консервный заводъ, это... два котла, самыхъ обыкновенныхъ, ведеръ на 10 каждый, вмазанныхъ въ простенькія печи. Въ одномъ кипитъ соленая вода, въ другомъ — простая. Горохъ насыпаютъ въ корзины (раздѣливъ ситами на три сорта по спѣлости. Первый сортъ—маленькій, едва округливпійся), и въ корзинахъ-же кипятятъ до спѣлости (Французы—только на $^3/_4$ спѣлости, ибо ихъ горошки нѣжнѣе). Затѣмъ съ корзиной полощутъ въ водѣ (холодной, или лѣтней) и остуживаютъ. Затѣмъ наполняютъ банки почти до краевъ, заливаютъ холодной отварной водой (Французы, какъ уже сказано,—взваромъ, почему ихъ горошекъ ароматнѣе), въ которой распущено немного магнезіи (у Французовъ соль Виши), и запаиваютъ.

Эта операція интересовала меня больше всего, и я могъ только хлопнуть себя по лбу за недогадливость. Покупая жестянки у Бармина, мнѣ и въ голову не пришло, что любой изъ его рабочихъ могъ показать мнѣ запайку. Оказывается, что гг. фабриканты консервовъ, чтобы не утруждать себя, берутъ людей и инструменты прямо отъ Бармина.

Столъ. Разставлены залитыя банки. Мастеръ насыпаетъ ихъ доверху откинутымъ и остуженымъ горошкомъ, заливаетъ отварной, тоже холодной водой, накрываетъ крышечками и присыпаетъ порошкомъ канифоли. Мальчики берутъ изъ-подъ рукъ и относятъ къ паяльщикамъ, сидящимъ вокругъ жаровни, гдѣ грѣются самые обыкновенные ручные паяльники. Передъ каждымъ, между колѣнъ,—станочекъ, т. е. кружокъ поворачивающійся на стержнѣ, вставленномъ въ обрубокъ дерева. На кружочкѣ—три пружинки обхватывающія баночку. Паяльщикъ тряпочкой затираетъ канифоль кругомъ рантика *), беретъ правой рукой паяльникъ, лѣвой—тоненькій

*) Чтобы заполнить щель, куда должно залиться олово.

прутикъ третника (сплавъ $^1/_3$ олова и $^2/_3$ свинца) и, поворачивая кружокъ, проводитъ паяльникомъ кругомъ крышечки, дѣлая на швѣ маленькое круглое утолщеніе. Затѣмъ. встряхиваетъ баночку около уха, прислушиваясь, плотно-ли запаяно. Въ день одинъ человѣкъ запаяетъ 1,000—1,200 банокъ.

Закупоренныя банки кладутся въ другой котелъ съ чистой водой и варятся часъ бѣлымъ ключемъ. На этомъ кончается операція. Качество консерва контролируется тѣмъ, что хорошо запаянная банка вздуется (обоими днами) немного при варкѣ и вогнется при остуживаніи, а плохо запаянная — „запоетъ“, т. е. начнетъ со свистомъ выпускать воздухъ.

Легко понять, почему фабриканты такъ боятся конкурентовъ. Дѣло приноситъ ни много, ни мало отъ 200 до 300% на капиталъ. Банка—6 коп., 1 фунтъ гороху—7 коп., запайка, варка и проч.—максимумъ 2 коп. Итого 15 коп. Въ продажѣ сейчасъ 50 коп. и 60 коп. Конкурренціи боятся не столько ради барышей при продажѣ, сколько ради цѣнъ гороха. 7 коп. за фунтъ, это въ обрѣзъ столько, сколько соотвѣтствуетъ цѣнамъ на сушеный горохъ. Явись десятокъ фабрикантовъ еще, будутъ перебивать другъ у друга и понесутъ цѣны, т. е. собьютъ дѣло. Порѣчане и сейчасъ позволяютъ себя эксплуатировать очень неохотно и рады всякому новому фабриканту. Да вотъ бѣда: секреты эти...

Опять матушка Россія, гдѣ до экономической жизни народа никому нѣтъ дѣла, и производителя могутъ стричь, какъ угодно. А консервное дѣло у насъ имѣетъ огромную будущность, начни нашъ средній классъ потреблять зимой свѣжіе овощи въ жестянкахъ. А будетъ это очень скоро: пусть хорошенько понизятся цѣны; фабриканты станутъ наживать на количествѣ сработанныхъ жестянокъ, а не на нынѣшнихъ безумныхъ цѣнахъ.

XXII.

Семибратовскій коровій и каплуній промыселъ.

Кромѣ огородничества, въ Ростовскомъ уѣздѣ множество другихъ производствъ, имѣющихъ болѣе мѣстное значеніе и въ смыслѣ культуры представляющихъ мало любопытнаго. Меня интересовали, кромѣ Ростова, три пункта: село Макарово, оно-же Семибратово, историческая мѣстность, теперь знаменитая своими каплунами и пулярдками, а также крупной торговлей молочными коровами-ярославками для Петербурга и Москвы; село Великое—центръ ярославскаго льноводства, а главное, торговли льномъ; рядомъ большая льнопрядильная и льноткацкая фабрика Лакаловыхъ и, наконецъ, хозяйство Н. В. Сабанѣева, въ сельцѣ Высокомъ, Ярославскаго уѣзда, по личности самого хозяина и его культурнымъ работамъ. Такъ я и расположилъ мой маршрутъ.

Поѣздъ изъ Ростова уходитъ въ шестомъ часу утра и черезъ полчаса приходитъ на ст. Семибратово. Село того-же названія въ двухъ верстахъ. Извозчиковъ выѣхало немного. Я взялъ Александра Иванова Кракшина, оказавшагося однимъ изъ зажиточнѣйшихъ и интереснѣйшихъ здѣшнихъ хозяевъ. Онъ и каплуновъ выкармливаетъ, и коровъ воспитываетъ, а хозяйство его, лучшее въ селѣ, является до нѣкоторой степени искомымъ типомъ средне-русскаго крестьянскаго хозяйства. Но увы! Это искомое хозяйство даже здѣсь исключительно хорошо. Что-же говорить про другія великорусскія губерніи!....

Упираю на слово „исключительное“. Много хозяевъ богаче Кракшина и живутъ куда лучше, но это не земледѣльцы, а купцы. Кракшинъ ухитрился воспитать шесть человѣкъ дѣтей до рабочаго возраста, скопить денегъ, великолѣпно обстроиться, завести отличный скотъ и пр., не прибѣгая ни къ какой торговлѣ, оставаясь только земледѣльцемъ и имѣя подсобнымъ промысломъ только извозъ.

Подрядившись свезти меня въ Великое, а оттуда къ Сабанѣеву, Кракшинъ просилъ зайти къ нему, а такъ какъ мы завели разговоръ о хозяйствѣ, то кстати посмотрѣть и на его хозяйство.

— Теперь-то Бога благодарить, хорошо мнѣ, говорилъ мой хозяинъ, когда мы вошли къ нему въ домъ. — А вотъ, набрался горя, пока дѣти маленькія были. Насъ трое: я, жена да теща. Земли достаточно, да и покупная есть. Трудно было. Только и спасался, что не пью, не курю, въ трактиръ рѣдко хожу. А ужъ какъ дѣти подросли, я бариномъ сталъ. Катаюсь себѣ съ господами. Намедни поѣхали мы косить, говоритъ Саша (сынъ): поѣзжай, батюшка, домой, сами справимся. А вонъ, у сосѣда слышу ругань. Говоритъ отецъ: косить не хочетъ; я ему бѣлой муки купилъ (т. е. на пироги), а онъ „крысится“...

У Александра Иванова роскошный двухъ-этажный деревянный домъ съ фасадомъ на улицу, покрытымъ хитрой рѣзьбой. За домомъ длинная узкая полоса усадебной земли, занятая садомъ и огородомъ и застроенная прекрасными массивными постройками: конюшней на 5 лошадей, экипажнымъ сараемъ съ плетушками, санями, тарантасиками и даже рессорной полуколяской. Далѣе коровникъ на 8 коровъ и мелочь, затѣмъ баня, сѣнной сарай, овинъ и въ самомъ концѣ усадьбы высокій ярославскаго типа амбаръ.

Между постройками много ягодъ очень густо посаженныхъ и порядочно заглохшихъ.

— Обрѣзать да разсадить-бы надо, замѣчаю я.

— Вѣрно, вѣрно, господинъ. Больше-бы ягодъ было. Да только вы обратите вниманіе: это вѣдь мы нарочно густо держимъ. Ягодами мы не торгуемъ, а имѣемъ только для себя. Будь открытое мѣсто, поспѣли-бы всѣ сразу. А тутъ понемножку поспѣваютъ. Пріѣхали дѣти съ *пожней* (покоса), устали. Идутъ малинки, смородинки порвать...

Вотъ какая идиллія подъ нашими широтами...

Въ полѣ полосы ржи, овса, льна, картофеля есть и лучше Кракшина, но ровнѣе, тщательнѣе по отдѣлкѣ земли рѣ-

шительно нѣтъ. Средній урожай ржи у него самъ-10, а такъ какъ есть свой собственный клинокъ земли (десятинъ 5), то хлѣба не только хватаетъ, но еще остается на продажу. Хозяйство трехпольное, и въ яровомъ, какъ впрочемъ у всѣхъ здѣшнихъ, сѣется не мало льна, но удобреніе настолько хорошо, что земля постоянно улучшается. Накопленіе удобренія возможно только вслѣдствіе соединенія въ одномъ хозяйствѣ такихъ разнообразныхъ отраслей, какъ извозъ и воспитаніе молочнаго скота на продажу. Кракшинъ ежегодно арендуетъ много покосовъ, покупаетъ сѣно, есть хорошіе луга и на надѣльной землѣ. А все-таки думаетъ заводить клеверъ, безусловно нужный для коровъ.

Коровы здѣсь воспитываются для Москвы и Петербурга частію отъ своихъ телятъ, частію отъ покупныхъ телокъ. У здѣшнихъ крестьянъ по традиціи извѣстно тонкое искусство распознавать въ теленкѣ всѣ качества будущей коровы и соотвѣтственно его кормить. Коровы имѣются на всѣ вкусы. Читатель припомнитъ характеристику Верещагина „корова бырыня и корова-кормилица“. Здѣсь это раздѣленіе знаютъ до тонкости и сразу видятъ, какой пріѣхалъ покупатель. Верещагина здѣсь тоже знаютъ.

На коровъ стоятъ осенью, когда совершаются главныя продажи, такія цѣны: „барыня“, удивительно красивое, выхоленное и разными фокусами доведенное до очень большой молочности животное 90—120 рублей. „Кормилица“—маленькая коровенка съ отличнымъ небольшимъ, но густымъ молокомъ 35—40—50 рублей. Барыня, приведенная въ Москву, получаетъ иногда по цѣлому котлу каши и все-таки молоко противъ здѣшняго уменьшаетъ, кормилица будетъ доиться при самомъ скромномъ содержаніи и ея „товаръ“ будетъ неизмѣримо выгоднѣе.

— У насъ такъ и бываетъ, говоритъ Кракшинъ. Хорошій хозяинъ, мужичокъ, „знаетъ“ и за господскую корову не хватается. Ну, конечно, любителю требуется красота. Вотъ пожалуйте на Вздвиженіе; я вамъ у насъ и на Великомъ по 50 рублей такихъ коровокъ подберу, что только радо-

ваться будете. Сливки одни, самъ съ вами поѣду.... а я въ коровахъ хорошо толкъ знаю....

Чрезвычайно любопытный промыселъ установился здѣсь еще съ прошлаго столѣтія и тоже, словно отрѣзанъ, въ одной только Пріимковской волости, бывшей вотчинѣ князя Чернышева: это откармливаніе каплуновъ и пулярдокъ. Занимаются этимъ дѣломъ селенія Семибратово-Макарово, Курбаки, Кетыши, Никольское и еще нѣсколько деревень. Центръ —Никольское. Съ теченіемъ времени твердо установился рынокъ, и проторена опредѣленная торговая дорога.

Я просилъ Кракшина показать мнѣ большое въ этомъ родѣ заведеніе, такъ какъ у него самого все это въ очень маленькомъ видѣ—рукъ нѣтъ свободныхъ.

— Да вѣдь теперь еще ничего нѣтъ. Откармливаютъ первыя партіи только послѣ Ильи (20-го іюля).

— Все равно, я посмотрю устройство и разспрошу.

Повелъ меня Кракшинъ неподалеку въ богатый дворъ. Вышла степенная женщина и съ большимъ удовольствіемъ провела насъ въ курятникъ—обширную низкую избу, временно, до открытія сезона, обращенную въ кладовую.

Вокругъ стѣнъ, въ безпорядкѣ, были навалены клѣтки. Это просто рѣшетчатые во всю длину данной стѣны ящики съ рѣшетчатымъ-же поломъ, разгороженные на отдѣленія дощечками. Спереди у каждаго отдѣленія устраивается подъемная рѣшетчатая дверца, выдвигающаяся, какъ въ деревенскомъ фонарѣ. Гнѣздо, или клѣтка—тѣсны: въ глубину и вышину 6 вершковъ, въ ширину по фасаду $3^1/_2$. Эти ящики съ рядами гнѣздъ устанавливаются другъ надъ другомъ лѣстницей съ такимъ расчетомъ, чтобы экскременты птицъ верхняго ряда падали мимо ряда нижняго. Такъ какъ птица не ворочается, то экскременты каждаго ряда располагаются отдѣльной линіей и тутъ-же засыхаютъ. Не знаю, насколько это цѣлесообразно, но этимъ устраняется чистка, совершающаяся лишь послѣ окончанія откорма каждой партіи. Навозъ этотъ очень цѣнится для огородовъ и даже продается на вѣсъ.

Сезонъ кормленія начинается вскорѣ послѣ 20-го іюля, когда подростаютъ первые цыплята, и тогда въ названныя деревни привозятъ выращенную птицу иногда изъ очень далекихъ мѣстностей: изъ-за Москвы, изъ Вологды, наконецъ, съ низу, т. е. со средней Волги. Цѣна на цыплятъ 3 р. 50 к.—4 р. 50 к. десятокъ. При этомъ дворы, покупающіе на наличныя деньги, бракуютъ слабыхъ и вообще покупаютъ выгоднѣе. Дворы, покупающіе въ кредитъ „до выкорма", берутъ сплошь, что̀ привезено.

Любопытно, что цыплятъ въ дорогѣ почти не кормятъ и являются они сюда иногда не ѣвшіе 4 дня (на пятый птица околѣетъ). Купившій ее сначала „оживляетъ", т. е. даетъ корму по капелькѣ. Цыпленокъ идетъ простой, русскій, отнюдь не высшихъ породъ. Брамы и кохинхинки плохо откармливаются.

Купленные молодые пѣтушки и курочки не кастрируются, а по оживленіи разсаживаются прямо въ клѣтки. Когда я упомянулъ о необходимости этой операціи, старуха даже обидѣлась:

— Да что̀ ты, батюшка! Слыханное-ли дѣло—птицу портить! Жеребенка, бычка, боровка можно и выложить, ну а этихъ-то какъ-же?

— Навѣрно, бабушка! Это вы не дошли. За границей безъ этого не кормятъ...

Но старуха качала только головой, да и самъ Кракшинъ неопредѣленно-вѣжливо улыбался. Теперь я понялъ, почему на откормъ идетъ только простая русская курица. И русскій человѣкъ и русское животное очевидно на все способны. Никакую другую безъ кастраціи не выкормишь.

Разсаженная по клѣткамъ птица три недѣли кормится *съ воли*. Въ корытце передъ клѣткой наливаютъ жидкую кашицу, состоящую изъ овсяной муки, творогу и дешевыхъ остатковъ мяса (кишки, требушина и т. п.), разрубленныхъ мелко и разведенныхъ молокомъ. Пища дается — сколько птица съѣстъ. Цыпленокъ быстро увеличивается въ вѣсѣ и начинаетъ „сидѣть", т. е. поѣстъ и сядетъ. Тогда присту-

паютъ къ насильственному кормленію. Замѣчу кстати, что во все время откорма помѣщеніе должно хорошо вентилироваться, для чего устроены маленькія окошечки съ разныхъ сторонъ, быть полутемнымъ и изолированнымъ отъ наружнаго шума.

Насильственно кормятъ еще три недѣли, доводя каплуна или пулярдку фунтовъ до 6—7. Кормъ составляютъ изъ тѣхъ же матеріаловъ, но прибавляя меньше молока; дѣлаютъ тѣсто, катаютъ колобки въ палецъ и два раза въ день суютъ въ ротъ узнику отъ 10 до 12 такихъ колобковъ.

Затѣмъ птицу рѣжутъ, ощипываютъ на-чисто, не опаливая и не обваривая, и сейчасъ-же сдаютъ на желѣзную дорогу по адресу уже извѣстныхъ торговцевъ, или тутъ-же продаютъ скупщикамъ, являющимся къ концу откорма въ огромномъ количествѣ. Цѣны откормленной птицы колеблются въ зависимости отъ цѣнъ на овесъ, именно: отъ 1 р. 60 к. до 2 р. 20 к. за пару. Есть дворы, выкармливающіе въ сезонъ три партіи, всего до 1,000 паръ. Каждая птица очищаетъ въ пользу хозяина 10—20 к.

Лучшая откормка къ Рождеству. Послѣ декабря уже не кормятъ. Разумѣется, эксплуатація ужасная, особенно при первой партіи, которую необходимо продать быстро въ виду возможной порчи.

XXIII.

Льняное дѣло и его нужды.

Село Великое, въ 20-ти верстахъ отъ Семибратова, находится уже въ Ярославскомъ уѣздѣ и вполнѣ соотвѣтствуетъ своему названію. Собственно это даже не село, а значительный городъ съ прекрасными церквами и множествомъ каменныхъ домовъ. У каждаго дома густой тѣнистый садъ, и это сообщаетъ селу большую красоту.

Великое Село—крупный центръ, если не ярославскаго льноводства (послѣднее здѣсь сильно упало за недостаткомъ земель), то торговли льномъ. Рядомъ въ четырехъ верстахъ огромная фабрика наслѣдниковъ здѣшняго-же уроженца Лакалова, крестьянина, умершаго годъ назадъ и славившагося большимъ умомъ. Подъ Ярославлемъ обширная Норская мануфактура, костромскія и владимірскія прядильни тоже недалеко, и вотъ, въ Великомъ производится обширная торговля льномъ, скупаемымъ даже по нѣсколькимъ сосѣднимъ губерніямъ. Высшіе сорта идутъ на фабрики въ Россіи, низшіе вывозятся за границу.

Повсюду по дорогѣ изъ Семибратова обширные посѣвы льна у крестьянъ въ яровомъ полѣ. Земли сильно истощены, и потому ленъ повсюду плохой и рѣдкій, но его умѣютъ приготовлять настолько хорошо и сбытъ такъ близокъ, что все-таки продолжаютъ сѣять. Вотъ ради этой-то обработки я и ѣхалъ сюда. Мы, Смоленцы, имѣемъ особое несчастіе: при очень большихъ посѣвахъ льна, при прекрасной, чрезвычайно пригодной для льна почвѣ, выпуская изъ одной Вязьмы больше милліона пудовъ, получать много-много 2 р. 50 к.—3 р. *) за пудъ, между тѣмъ, какъ самая дешевая цѣна, платимая фабрикой, 6 и 7 руб. За устюжскій ленъ платятъ 9 и 10 руб. И все это не моченцы, а стланцы. Дѣло только въ обработкѣ да въ честности производства. Вязьма вся безбожно плутуетъ, валитъ въ трепанный ленъ кострику и паклю и достигаетъ того, что нашего льна не беретъ ни одна русская фабрика.

Моей цѣлью было: найти мѣстность со льномъ подходящимъ къ нашему, но съ хорошей обработкой. Вывезти отсюда опытнаго мастера, переработать подъ его указаніемъ свой ленъ и сдать его на фабрику помимо вяземскихъ кулаковъ. Это вопросъ первостепенной важности для нѣсколькихъ сотенъ крупныхъ производителей льна въ трехъ уѣздахъ Смоленской губерніи и для всего нашего крестьянства, сплошь занимающагося льноводствомъ.

*) А года три назадъ получали 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к.

Можно спросить, отчего никто не дѣлалъ этого раньше? Да мало-ли чего не дѣлаютъ! Вонъ наше губернское земство ассигновало 20 тыс. руб. на устройство въ Вязьмѣ центральной льнотрепальни, въ родѣ льняного элеватора съ выдачей варрантовъ и проч. А такъ какъ для учета этихъ варрантовъ требуется 200—тысячный кредитъ въ Государственномъ Банкѣ, то дѣло застряло и лежитъ безъ движенія третій годъ, не смотря на земскія ходатайства и депутаціи въ министерство Финансовъ.

Мнѣ оставалось такимъ образомъ или дожидаться казенно-земскихъ журавлей, которые, какъ извѣстно, летаютъ въ Россіи очень медленно и иногда залетаютъ „совсѣмъ не туда“, или на свой страхъ попытаться открыть дорогу своему льну.

Случай свелъ меня въ Семибратовѣ на вокзалѣ съ самымъ крупнымъ здѣшнимъ льноторговцемъ, очень интереснымъ старикомъ-крестьяниномъ села Великаго, Дм. Дм. Иродовымъ. Этотъ крестьянинъ „состоитъ“, по выраженію Островскаго, „въ большихъ сотняхъ тысячъ“, возитъ за пазухой безъ бумажника по пятидесяти тысячъ рублей сотенными бумажками, ѣздитъ безъ кучера на маленькой „плетушкѣ“, пользуется безграничнымъ довѣріемъ фабрикантовъ и населенія и торгуетъ льномъ во всѣхъ видахъ и пряжей. Старикъ заинтересовался моимъ горемъ и пригласилъ меня къ себѣ въ Великое, куда ѣхалъ самъ.

Мы пріѣхали одновременно и остановились у большого городского каменнаго дома. Въ саду, въ бесѣдкѣ, была въ сборѣ вся семья Иродовыхъ и пила чай. Двое взрослыхъ сыновей, одинъ въ элегантной сѣренькой парѣ, другой въ русской рубашкѣ, невѣстка и замужняя дочь, одѣтая по-городскому, съ большимъ вкусомъ. Прекрасная обстановка, дорогой чайный сервизъ, свѣжія газеты. Но, не смотря на всю эту цивилизованность, патріархальный отецъ, въ длинноломъ сюртукѣ и картузѣ, представляетъ строгое начальство, и молодые люди дѣйствуютъ по его указаніямъ. Чтобы охарактеризовать ихъ работу, довольно сказать, что

старшій Савва Дмитричъ ѣздилъ въ прошломъ году въ Самару по приглашенію мѣстнаго милліонера-посѣвщика Шехобалова дѣлать опыты надъ тамошнимъ льномъ. На югѣ, какъ извѣстно, ленъ косятъ, топчутъ лошадьми, берутъ сѣмя, а солому бросаютъ.

Иродовъ junior устроилъ мочку *), работалъ самъ, показалъ мѣстнымъ рабочимъ и вывелъ партію льна около 9 руб. за пудъ. Къ сожалѣнію, установиться дѣло не могло за недостаткомъ воды для мочки и рабочихъ рукъ. Кромѣ того, всѣ трое Иродовы очень заняты и здѣсь.

Изъ разговора, съ этими почтенными людьми я узналъ, что Великое не дастъ намъ, Смоленцамъ, ничего. Льны здѣсь далеко не первосортные, а народъ настолько испорченъ, что зачастую прибѣгаетъ къ фальсификаціямъ и роняетъ дѣло. Настоящая высокая обработка льновъ идетъ въ Вологодской губерніи, именно въ Устюгѣ Великомъ. Но хотя устюжскіе льны являютъ собою лучшій русскій товаръ и доходятъ (стланцы) до 10 рублей пудъ, намъ, смоленскимъ льноводамъ, брать оттуда людей не слѣдуетъ. Гораздо удобнѣе и ближе грязовецкіе крестьяне Вологодской-же губерніи, ленъ которыхъ хотя чуть уступаетъ въ цѣнѣ устюжскому, но условія посѣва, почвы и климата очень близки къ смоленскимъ.

— За грязовецкіе льны платимъ 7 и 8 рублей, чего-же вамъ больше? Эти льны длинные, какъ и ваши, устюжскіе короче, и съ ними возни больше.

Старикъ пробылъ не больше получаса и ускакалъ на своей плетушкѣ въ Ростовъ. Я распрощался съ милыми хозяевами и двинулся въ село Гавриловъ-Ямъ, гдѣ расположена Лакаловская фабрика.

Меня интересовало не самое производство, которое я видалъ, и которое никакого прямого отношенія къ сельскому хозяйству не имѣетъ, а собственно пріемка и сортировка льна. Такъ какъ наши производители въ огромномъ боль-

*) Стилка невозможна по сухости климата въ Самарѣ.

шинствѣ не имѣютъ объ этомъ ровно никакого понятія, то я постараюсь передать, что̀ слышалъ отъ любезнаго директора прядильной О. Р. Дэвисона, проводившаго меня въ амбары и чесальное отдѣленіе и толковавшаго мнѣ все до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что я понялъ.

Два основныхъ качества льна для пряденія: прочность волокна и дѣлимость фибръ. Оба тѣсно связаны между собою. Прочность достигается надлежащимъ во̀-время подъемомъ льна со стлища и правильными мятьемъ и трепкой. При мятьѣ важно не пересѣкать и не вытягивать волокна, при трепкѣ не перепутывать и не оставлять слабыхъ, сбивающихся въ паклю волоконъ. Дѣлимость зависитъ отъ улежки льна; чѣмъ дольше ленъ подвергается дѣйствію атмосферной влаги, тѣмъ болѣе разрушается продольная связь между фибрами, но тѣмъ меньше прочность волокна. Все искусство льновода уловить надлежащій моментъ для окончанія лежки, чтобы соблюсти оба эти условія. Кромѣ того, дѣлимость зависитъ отъ толщины стебля и его возраста. Бельгійскій ленъ даетъ вслѣдствіе густаго посѣва тончайшій стебель, и берутъ его почти въ цвѣту. Цѣна этого льна до 25—30 рублей пудъ. Мы доводимъ нашъ толстый грубый ленъ до зрѣлости сѣмянъ и получаемъ волокно почти совсѣмъ не дѣлящееся, а идущее лишь на грубую нить.

Практическая проба прочности и дѣлимости—ческа. Она производится на стальныхъ щеткахъ, острые зубья коихъ удалены другъ отъ друга на разныхъ щеткахъ различно. Плохой ленъ чесать почти невозможно: отъ него ничего не останется. Онъ не пройдетъ сквозь щетку. Чѣмъ лучше ленъ, тѣмъ больше его остается въ горсти. Зубъ щетки колетъ фибры все тоньше и тоньше. Къ высшимъ нумерамъ пряжи ленъ становится похожимъ на шелкъ. Чѣмъ болѣе выходъ чесанаго льна и чѣмъ высшему нумеру пряжи онъ соотвѣтствуетъ, тѣмъ ленъ дороже.

Сортировщикъ при пріемѣ льна на фабрику по одному внѣшнему виду и на ощупь узнаетъ безъ ошибки, каковъ выходъ и какого нумера пряжа будетъ изъ даннаго льна

Крестьяне, въ мѣстностяхъ производящихъ ленъ, почти всѣ треплютъ сами и хорошо знаютъ сортировку. Мы, отпуская свыше милліона пудовъ, не имѣемъ о ней никакого понятія. У насъ ленъ продается мятый, и сами-же крестьяне идутъ въ городъ къ кулакамъ трепать свой ленъ подъ ихъ руководствомъ. А тѣ, купивъ дешево, хлопочутъ лишь о томъ, чтобы нагнать побольше вѣсъ и фальсифицируютъ его безпощадно. Съ открытіемъ въ Вязьмѣ еврейскихъ конторъ для экспорта, фальсификація эта приняла такіе размѣры и дошла до такого безстыдства, что великолѣпный самъ по себѣ ленъ идетъ за границу только на мѣшки, подорвалъ кредитъ всего русскаго льна и вызвалъ страшный кризисъ и паденіе цѣнъ.

Спасти наше смоленское льноводство можно только однимъ путемъ: открыть доступъ льна на фабрики, для чего обучить крестьянъ трепкѣ и сортировкѣ. Для этого достаточно любого вологодскаго мужика, который показалъ-бы это очень нехитрое дѣло нашимъ крестьянамъ. Какъ только первый вагонъ будетъ отъ насъ отправленъ на фабрику, явятся или фабричные агенты, или хорошіе скупщики, и вопросъ будетъ рѣшенъ. Смоленцы народъ очень смышленый и толковый, но трудно-же требовать отъ мужика, чтобы онъ ѣхалъ въ Вологду учиться.

XXIV.

У Н. П. Сабанѣева.

Николай Павловичъ Сабанѣевъ и его жена очень извѣстны въ Ярославской губерніи, какъ передовые хозяева. Она еще въ первую пору дѣятельности Верещагина параллельно съ нимъ выдвигала ярославскій скотъ, онъ обратилъ свое имѣніе въ настоящую агрономическую станцію, вводитъ и испытываетъ всякое улучшеніе въ земледѣліи, садоводствѣ и ого-

родничествѣ и, кромѣ того, строитъ для продажи крестьянамъ дешевыя вѣялки собственной конструкціи.

Небольшое имѣньице, Высокое, даетъ, разумѣется, очень ограниченные доходы, сполна идущіе на развитіе самаго дѣла. Гг. Сабанѣевы ведутъ самую скромную, почти бѣдную жизнь, урѣзывая свои личные расходы и потребности ради возможности пріобрѣсти ту, или другую книгу, тѣ, или другіе инструменты и сѣмена. И все-таки средствъ не хватаетъ, приходится дѣлать все въ очень маленькомъ сравнительно размѣрѣ и терять время, ожидая годами того, что́ при хорошихъ средствахъ могло-бы быть достигнуто въ нѣсколько мѣсяцевъ. Ни о какихъ субсидіяхъ, ни о какомъ вознагражденіи этого поистинѣ каторжнаго труда на пользу русской культуры здѣсь нѣтъ и рѣчи. За то велико нравственное удовлетвореніе въ сознаніи сдѣланнаго, велика и законна гордость проистекающая изъ убѣжденія, что человѣкъ, трудясь безкорыстно и безустанно для своей родины, сдѣлалъ все, что́ могъ.

Немного у насъ такихъ культурныхъ работниковъ. А между тѣмъ, въ сущности, вѣдь только они и двигаютъ постепенно русское хозяйство впередъ. Иное совсѣмъ дѣло, когда богатый человѣкъ ассигнуетъ извѣстную сумму денегъ, приглашаетъ спеціалиста и вводитъ ту, или другую культуру. Окружающее населеніе видитъ иногда блестящіе результаты, но, не зная истинной экономической подкладки, справедливо качаетъ головами и сдержанно осуждаетъ: „ему можно“. Слишкомъ уже велика разница въ средствахъ. На убытки не смотрятъ. Удалось—хорошо, не удалось—брошенныя пять-десять-пятнадцать тысячъ бюджета богача не нарушатъ и завтра забудутся.

А вотъ, когда хочется ввести и попробовать какой-нибудь американскій огородъ, для котораго необходимъ спеціальный инструментъ, стоющій всего-на-всего 16 руб., когда эти деньги приходится отрывать отъ себя съ мясомъ, когда полученнымъ орудіемъ хозяинъ цѣлое лѣто работаетъ самъ лично, испытывая его со всѣхъ сторонъ, тогда впечатлѣніе получается большое. Огородникъ въ $^1/_8$ десятины сдѣлаетъ въ мѣстности

больше, чѣмъ цѣлое большое заведеніе, и культура несомнѣнно привьется.

Ни скотоводство, ни собственно полевая культура Н. П. Сабанѣева ничего особеннаго не представляютъ, и не онѣ стоятъ на первомъ планѣ въ высоковскомъ хозяйствѣ. Любопытны здѣсь: мастерская для вѣялокъ, американскій огородъ и плодово-древесный питомникъ. Все это имѣетъ назначеніемъ служить мѣстнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ.

Къ слову сказать, барина въ Ярославской губерніи почти нѣтъ, или осталось очень мало по глухимъ угламъ. Его съѣлъ мужикъ немедленно-же послѣ уничтоженія крѣпостного права. Даже крупные и когда-то очень богатые дворяне-землевладѣльцы исчезли, предпочтя продать свои земли ярославскому мужику, чѣмъ вести хозяйство въ мѣстности, гдѣ младшій братъ, вмѣсто того, чтобы покорно нести лямку кнехта, наровитъ самъ выйти поскорѣе въ господа. Изъ дворянъ остались лишь „люди 20-го числа“ да вотъ такіе идеалисты-культуртрегеры, какъ Н. П. Сабанѣевъ, не только не имѣющіе никакихъ „видовъ“ на мужика, но сами ради этого мужика работающіе.

Черезъ какихъ-нибудь десять минутъ казалось, что мы были знакомы съ Николаемъ Павловичемъ давнымъ-давно. Потолковали мы о льнѣ, о фосфоритахъ, попили чаю и пошли по хозяйству.

Начали мы, впрочемъ, не съ питомника и не съ мастерской. Случайно былъ присланъ Сабанѣеву очень интересный американскій плугъ Молина съ сидѣньемъ, прозванный Черняевымъ „плугомъ-тильбюри“. Я былъ совершенно увѣренъ, что эта американская затѣя вовсе не для нашихъ бѣдныхъ хозяйствъ (шутка-ли, 130 рублей однокорпусный плугъ!), и что моей мастерской никогда не придется его строить.

— Вы ошибаетесь. Этотъ плугъ заслуживаетъ полнаго вниманія. У него есть будущность, возразилъ Николай Павловичъ.

— Я думаю, что онъ для пары лошадей тяжелъ. Помилуйте, въ немъ самомъ вѣсу пудовъ 12, да еще человѣкъ сидитъ.

— Представьте себѣ: онъ построенъ такъ остроумно, что тяжесть эта не играетъ почти никакой роли. Да вотъ, всего лучше запрячь.

Запрягли плугъ, работникъ взобрался и, поднявъ корпусъ плуга рычагомъ, чтобы не чертилъ по землѣ, выѣхалъ на межу. Сабанѣевъ нарочно назначилъ участокъ изъ-подо льна, т. е. переломъ пластовъ, въ добавокъ подзолистый и очень засохшій отъ бездождія.

Къ великому моему удивленію, когда рычагъ былъ отпущенъ, плугъ плавно погрузился въ землю, захватилъ широкую борозду вершковъ въ 8, при $2^1/_2$ вершкахъ глубины, и неважныя лошадки пошли совершенно легко, а главное, настолько скоро, что за плугомъ трудно было поспѣвать пѣшкомъ.

Попросилъ я прибавить глубину. Взяли 3 вершка. Лошади везутъ хорошо. Объѣхали два раза кругомъ десятины. Проѣхалъ я самъ. Въ самомъ дѣлѣ, плугъ идетъ легко.

— Я думаю, пояснялъ Сабанѣевъ, что это зависитъ отъ величины колесъ, а главное, отъ того, что въ плугѣ нѣтъ ни полевой доски, ни пятки. Самое главное треніе на нихъ, и вотъ, какъ видите, это треніе больше, чѣмъ вѣсъ всей тяжелой машины и сидящаго человѣка. А между тѣмъ, какое удобство, какая работа!

Пахота была дѣйствительно прекрасная. Можно было сдѣлать возраженіе насчетъ чрезмѣрной ширины бороздъ, но между хозяевами есть сознательные сторонники широкой пашни (легче разбоpанивается и не такъ заростаетъ сорными травами), да наконецъ, никто не мѣшаетъ пахать уже.

— Еслибъ не такая страшная дороговизна, плугъ-бы отлично пошелъ у насъ.

— А какъ вы полагаете, спрашиваю я, какая цѣна была бы недорогою?

— Ну, максимумъ 50 р. Попытайтесь-ка въ вашей мастерской. Ручаюсь за успѣхъ.

— Я думаю, что это возможно, если плугъ упростить.

— Разумѣется. Въ немъ много лишняго. И вотъ на что

обратите вниманіе. Американцы злоупотребляютъ ковкимъ чугуномъ. Они совсѣмъ не хотятъ работать желѣзныхъ частей. Слишкомъ дороги люди. У насъ мастера дешевле, а при желѣзѣ все гораздо проще.

Съ поля Николай Павловичъ проводилъ меня въ питомникъ. Разводитъ онъ фруктовыя деревья, яблони, груши, много лѣсныхъ породъ, деревца декоративныя и для живыхъ изгородей, зимующіе цвѣты, персидскую ромашку и затѣмъ многочисленные сорта корзиночныхъ и дуговыхъ ивъ.

Питомникъ соединенъ съ молодымъ фруктовымъ садомъ такимъ образомъ, что уже укрѣпившіяся порядочныя деревца съ кронами сидятъ на своихъ мѣстахъ, а между ними, пока они совсѣмъ выростутъ, идутъ рядами высадки различныхъ породъ.

Любопытна опушка. По научнымъ требованіямъ она должна окружать весь садъ плотной стѣной, которой назначеніе — разбивать вѣтеръ. Для этого нужно по крайней мѣрѣ три ряда деревьевъ возвышающихся снаружи внутрь. При этомъ опушка должна расти быстрѣе садовыхъ деревъ. У Сабанѣева для этой цѣли приняты: еловая живая изгородь, безусловно непроницаемая ни для людей ни для животныхъ, боярышникъ и дикія яблоки и, наконецъ, рябина. Такимъ образомъ опушка, обыкновенно пропадающая безъ пользы, приноситъ здѣсь свои плоды.

Дикая яблоня очень важна: она даетъ превосходныя сѣмена для посѣва дичковъ. У Н. П. Сабанѣева, кромѣ дикихъ и китайскихъ яблонь, для этой цѣли есть въ саду нѣсколько крайне рѣдкихъ экземпляровъ сибирской яблони, откуда-то съ Амура. Плодъ ея—немного болѣе горошины, но замѣчателенъ по сѣменамъ, не боящимся никакихъ холодовъ. Съ великими усиліями удалось ему также достать сибирскую дикую грушу. Относительно груши задача еще труднѣе, такъ какъ дички груши еще болѣе страдаютъ отъ холодовъ и приводятъ садоводовъ въ отчаяніе.

Амурская груша такая рѣдкость, что нѣкоторые петербургскіе извѣстные садоводы присылали просить у Сабанѣева ея отводковъ. Ея сѣмена даютъ совершенно вѣрные дички.

Молодыя деревца уже привитыя продаются у Сабанѣева по очень доступнымъ цѣнамъ, и покупаются во множествѣ окрестными деревнями, чѣмъ Н. П-чъ очень гордится. Покупаются ими также и цвѣты, особенно зимующіе въ грунту, что́ указываетъ на большую зажиточность и культурный характеръ населенія.

Интересны живыя изгороди, доведенныя Сабанѣевымъ до большого совершенства. Лучше всего еловая, сплетающаяся такъ, что не только лошадь, или собака, не можетъ проскочить даже курица. Единственное ея неудобство это опасность пожара. Загорись такая изгородь съ одного конца, она, если сдѣлана непрерывно, черезъ минуту запылаетъ вся и передастъ огонь хоть на версту. Избѣжать этого возможно посадкой въ видѣ перерыва лиственныхъ участковъ изгороди, напр. изъ боярышника. Эти изгороди тоже хороши. Они не разростаются такъ густо, но не менѣе непроницаемы, чѣмъ и еловыя. Кромѣ обыкновеннаго сорта съ небольшими шипами, Н. П-чъ показывалъ мнѣ нѣсколько деревцовъ съ шипами въ $1^1/_2$ вершка длиною, острыми и твердыми, какъ сталь. Эти деревца выписаны тоже откуда-то изъ Сибири. Сквозь подобную изгородь не только не проберешься, но около нея и ходить-то надо съ осторожностью. Шипъ, да еще на твердомъ суку (а ихъ вслѣдствіе подстрижки множество въ разныхъ направленіяхъ) не только оборветъ платье, но можетъ прорѣзать тѣло до кости.

Н. П. Сабанѣевъ очень интересуется культурой корзиночной ивы и имѣетъ порядочную плантацію, гдѣ также имѣются рѣдкіе и превоходные сорта.

Разновидностей ивы множество. Въ Германіи считается лучшимъ для плетенія сортъ съ мудренымъ названіемъ, дающій прекрасный мягкій хлыстъ, очень распространенный за границею и приносящій огромный доходъ съ десятины. Сабанѣевъ имѣетъ этотъ сортъ, но откопалъ еще лучшій, это —нашу уральскую иву.

Трудно себѣ представить что̀-нибудь болѣе изящное и нѣжное. Въ самую плохую землю сажается черенокъ, т. е.

отрѣзанный прутикъ, длиною въ четверть. Онъ принимается, и въ первый годъ даетъ небольшой кустъ съ жидкими побѣгами. Побѣги эти осенью срѣзаются у корня. На слѣдующій годъ отъ корней идутъ 20—30 побѣговъ, каждый аршина въ 3 длиною и ровности необычайной. При этомъ въ комлѣ хлыстъ не болѣе $^1/_4$ дюйма толщины. Въ концѣ лѣта хлысты срѣзаются подъ корень, обдираются на очень простенькомъ станкѣ, вяжутся въ пучки, сушатся, и даютъ чрезвычайно дорогой и нѣжный товаръ на самое высокое плетенье. Снявъ нѣсколько урожаевъ, иву надо разводить дальше, а старую плантацію обращать подъ другое растеніе.

Для посадки десятины нужно около 40 тыс. черенковъ. Наши патентованные садоводы дерутъ за нихъ страшныя цѣны, и поэтому лучше всего разводить понемногу, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ очень скоро.

XXV.

Американскій огородъ.

Изъ питомника Н. П. Сабанѣевъ провелъ меня на свой небольшой, но весьма замѣчательный огородъ, воздѣлываемый на американскій ладъ, т. е. гладко, безъ грядъ и съ замѣной ручной полки машинной. Это такая у насъ новинка, что о ней стоитъ разсказать.

Американецъ, какъ извѣстно, ненавидитъ всякую ручную работу. Люди дороги, свободныхъ рукъ мало, каждый хочетъ получать большое содержаніе, питаться и жить по-человѣчески. Въ огородномъ дѣлѣ, при американской дешевизнѣ овощей, приходится: или вовсе отказаться отъ предпріятія, если нельзя дешево найти рукъ для полки и обработки огорода, или изыскать возможность замѣнить ручной трудъ машиннымъ. Тогда одинъ человѣкъ, замѣняющій пять, можетъ получить тройное вознагражденіе, и хозяинъ будетъ въ барышахъ.

Американцы почти повсюду ввели машины. Не оставили безъ вниманія и огорода. А такъ какъ прежній огородъ съ грядами машинной обработки не допускаетъ, то остроумные Янки приспособили не машину къ огороду, а огородъ къ машинѣ, передѣлали всю культуру и создали нѣчто своеобразное и чрезвычайно практичное.

Американскій огородъ грядъ не знаетъ вовсе. Все сѣется и сажается на гладкой поверхности участка правильными рядами, или гнѣздами. Точное соблюденіе разстояній позволяетъ механическій посѣвъ и механическую-же полку и обработку междурядій. Для этого придуманъ цѣлый комплектъ инструментовъ, позволяющихъ производить всѣ работы просто и быстро, и дающихъ огромную экономію.

Представьте себѣ удобренный, вспаханный и выскороженный участокъ. Вы берете ручную американскую сѣялку и производите посѣвъ точными рядами. Безъ сѣялки эти ряды опредѣляются маркеромъ, особымъ инструментомъ, представляющимъ нѣсколько зубьевъ, размѣщенныхъ на поперечномъ брусѣ и проводящихъ также математически размѣренныя борозды.

Посѣвъ сдѣланъ. Растенія всходятъ. Съ ними на свободныхъ мѣстахъ между рядовъ показываются сорныя травы. Работникъ беретъ пололькникъ „Planett“ и, ставъ въ междурядіе, уничтожаетъ эти травы по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ скорѣе, чѣмъ женщина, которая вздумала-бы дергать ихъ руками.

Пололькникъ „Planett“ устроенъ такъ: ширина его рабочей части равна какъ разъ ширинѣ междурядія. По краямъ горизонтальнаго поперечнаго металлическаго бруска расположены два косыхъ ножа съ отводами. Ножи эти горизонтально подрѣзаютъ землю на $^1/_4$ вершка въ глубину у самаго ряда растеній, причемъ отводныя пластинки не позволяютъ зацѣпить за самое растеніе. Внутри этихъ ножей помѣщены еще два ножа тоже наискось, но безъ отводовъ, а по срединѣ имѣется небольшой прямой скребокъ. Всѣ эти ножи расположены такъ,

что все междурядіе будетъ безъ пропуска подрѣзано и взрыхлено на желаемую глубину отъ $^3/_8$ до $^1/_2$ вершка.

Поперечный брусокъ съ ножами укрѣпленъ на палкѣ, находящейся въ рукахъ у работника, который быстро подталкиваетъ пололькикъ сзади; спереди въ видѣ регулятора, чтобы ножи шли на желаемую глубину, установлено небольшое колесико, а впереди него—изогнутая пластинка въ видѣ носа, поднимающая и отводящая листья и плети растенія, если таковое слишкомъ разрослось и закрыло междурядіе.

Попробовать этотъ остроумный приборъ на дѣлѣ было тѣмъ интереснѣе, что капуста, свекла и морковь уже настолько разрослись, что совершенно закрывали междурядія и сплетались листьями.

Николай Павловичъ взялъ пололькикъ и быстро прошелъ два, или три ряда, не повредивъ ни одного листка. Отгибаемыя растенія тотчасъ-же наклонялись опять, прикрывая борозду. Попробовалъ я самъ. Сначала дѣло не клеилось, ибо съ непривычки рука не умѣла вѣрно держать инструмента.

— Работникъ долженъ наблюдать только одно: держать руку на одной высотѣ и толкать впередъ ровными ударами, колесо само покажетъ дорогу, училъ меня Н. П. Сабанѣевъ.

Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, дѣло наладилось, и инструментъ пошелъ отлично. Сначала я дѣйствовалъ робко, боясь омять растенія, но скоро и этотъ страхъ прошелъ, такъ, какъ отводныя пластинки, скользя по ботвѣ свеклы и моркови, сами направляютъ пололькикъ.

— Что́ за прелесть! невольно воскликнулъ я.

— Дѣйствительно, прелесть, но только, къ сожалѣнію, очень дорого! Такой пустякъ стоитъ 16 рублей, и достать можно только у одного Грачева, въ Петербургѣ.

Къ пололькику, какъ я уже сказалъ, имѣется комплектъ перемѣнныхъ частей. Есть плужокъ для окучиванія, есть пособые рыхлители. Переставить эти части ничего не стоитъ. Сдѣланы онѣ всѣ изъ ковкаго чугуна, даже гайки, до того ненавидятъ Американцы желѣзную работу.

— И что̀ досадно! говорилъ Сабанѣевъ. Не смотря на крайнюю простоту, никто у насъ не дѣлаетъ. А какъ можно бы удешевить — подобный пололькикъ не дороже могъ-бы стоить, какъ пять рублей.

Съ этимъ нельзя было не согласиться, такъ какъ металлу было во всемъ снарядѣ меньше пуда, а работа самая простая.

По американской системѣ можно сѣять и сажать все. У Сабанѣева даже клубника культивируется подобнымъ-же образомъ. Работаетъ пололькикъ и въ питомникѣ.

Когда растенія сѣются, то работаютъ между рядами только въ одномъ направленіи. Тамъ-же, гдѣ приходится сажать, маркеромъ проводятся линіи не только вдоль, но и поперекъ плантаціи. Капусту, картофель, брюкву, клубнику и проч. сажаютъ на пересѣченіяхъ рядовъ, и полка идетъ двойная, вдоль и поперекъ. Полка эта до того совершенна, что сорныхъ травъ почти вовсе не остается. Но и на этотъ случай есть инструментикъ, стоющій всего 30 коп. (у Сабанѣева). Это стальная пластинка изогнутая въ видѣ буквѣ *Г*, съ рукояткой, прикрѣпляемой къ рукѣ ремешкомъ. Работаетъ эта машинка чисто и быстро, очищая ту сорную траву, которая выросла вплотную у самаго стебля растенія.

Американскій огородъ даетъ большія преимущества. О полкѣ я уже говорилъ. Поливка также сильно уменьшается. Гряды открытыя съ боковъ и чрезмѣрно разрыхляемыя, неминуемо сохнутъ и при томъ глубоко, здѣсь влажность сохраняется гораздо лучше. Затѣмъ при грядахъ, особенно узкихъ, теряется слишкомъ много мѣста, иногда почти на половину. При продолжительной засухѣ земля настолько уплотняется, что не помогаетъ и дождь. Вода скатывается въ борозду и уходитъ понапрасну, такъ что поливать приходится иногда и послѣ дождя. Наконецъ растенія менѣе защищены отъ вѣтра.

На американскую плантацію свеклы, моркови, капусты, картофеля довольно лишь взглянуть, чтобы понять ея огромныя преимущества. Чуть поднимутся и оправятся растенія,

они быстро закроютъ междурядія и, совершенно слившись листвою, укроютъ и притѣнятъ землю. Сначала даже понять трудно: какъ можетъ расти свекла, или морковь такъ плотно и ровно, словно подстриженная. Но довольно подойти и раздвинуть руками ботву, чтобы убѣдиться, что корнямъ хорошо и привольно.

Американскій огородъ производитъ впечатлѣніе даже послѣ удивительной ростовской культуры. Тамъ огромное количество труда, необычайная ловкость рукъ и рабское поклоненіе природѣ, здѣсь сокращенный до послѣднихъ предѣловъ трудъ и остроумная машина, заставляющая природу дѣлать то, что угодно человѣку.

XXVI.

Крестьянская вѣялка.

Вопросъ о вѣялкѣ для мелкаго хозяйства, особенно крестьянскаго, не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ о крестьянскомъ плугѣ. Не можетъ въ самомъ дѣлѣ крестьянинъ за машину, работающую всего какой-нибудь мѣсяцъ въ его хозяйствѣ, платить 40—50 рублей. Не можетъ онъ выписывать изъ склада хорошую заграничную вѣялку или ея русскую копію, стоющую почти столько-же. Максимальная цѣна крестьянской вѣялки не должна превышать 15 и въ, крайнемъ случаѣ, 20 рублей.

Надъ разрѣшеніемъ этой задачи потрудился Н. П. Сабанѣевъ и достигъ блестящихъ результатовъ. У него устроенъ небольшой заводикъ, гдѣ работаются исключительно дешевыя крестьянскія вѣялки его системы; затѣмъ, въ виду того, что провозъ вѣялки по желѣзнымъ дорогамъ очень дорогъ, онъ работаетъ для другихъ конструкторовъ одни полные комплекты металлическихъ частей.

Это послѣднее особенно важно. Я уже разсказывалъ, что тверской складъ выписываетъ эти части отъ Сабанѣева и

дѣлаетъ вѣялки у мѣстныхъ столяровъ. Происходитъ весьма выгодное раздѣленіе труда. Сдѣлать деревянный корпусъ вѣялки можетъ любой столяръ. Металлическія части и сита можно купить въ складахъ. Но обработать и подогнать эти части маленькому мастеру не по силамъ, а потому и вѣялки кустарнаго производства обыкновенно очень плохи. Нужно имѣть токарный станокъ по желѣзу, хорошаго кузнеца для отковки и знать настоящую механическую сборку.

Сабанѣевъ, за 10 руб. въ розницу и за 8 р. 50 к. оптомъ, отпускаетъ комплектъ металлическихъ частей съ ситами, приготовленный вполнѣ для постановки на мѣсто и даже снабженный необходимымъ по расчету количествомъ гвоздей и шуруповъ. Для сборки полной вѣялки будетъ нуженъ только средней руки столяръ. При этихъ условіяхъ деревянный матеріалъ и работа при большомъ числѣ штукъ обойдутся, смотря по мѣстности, отъ 3 р. 50 до 5 рублей, и вѣялка получится цѣною въ 15 — 18 р., считая здѣсь небольшой даже барышъ для производителя.

Ни собственномъ заводикѣ Н. П. Сабанѣевъ пытается, однако, достигнуть еще лучшихъ результатовъ въ смыслѣ усовершенствованія и удешевленія вѣялки. Самый заводикъ интересенъ по своей идеѣ: создать въ крошечныхъ размѣрахъ настоящее шаблонное, механическое производство.

Чтобы сработать механическимъ путемъ вѣялку, нужно имѣть четыре отдѣленія: во-первыхъ, собственное чугунное литье. Только при этомъ можно получать желаемаго качества отливку и быть вполнѣ независимымъ. Во-вторыхъ, собственную кузницу для отковки желѣзныхъ частей. Въ третьихъ, слесарную для ихъ приладки, обточки и пригонки, и, наконецъ, въ четвертыхъ, столярную со складомъ и сушкой матеріала.

Столярная работа въ вѣялкѣ играетъ большую роль и при механическомъ заготовленіи частей можетъ быть удешевлена до крайности. Затѣмъ только механическая заготовка можетъ позволить заводу выставить въ короткое время значительный заказъ. Между тѣмъ, машины для обработки дерева хотя и имѣются прекрасныя, но онѣ разсчитаны на слишкомъ боль-

шое производство, требуютъ огромныхъ двигателей и по цѣнѣ совершенно не подходятъ къ средствамъ маленькаго завода. Сабанѣеву нужно заготовлять, напримѣръ, 20 вѣялокъ въ день, а комплектъ машинъ для заводской обработки дерева даетъ въ день minimum 500 штукъ. Меньше такихъ размѣровъ машинъ нѣтъ.

Сабанѣеву пришлось придумывать самому маленькіе упрощенные станки, имѣя двигателемъ маховикъ, отдѣльно поставленный и приводимый въ движеніе ручными вертѣльщиками. Такихъ станковъ имъ построено: пильная машина съ маленькой круглой пилой на силу $^1/_8$ лошади; такая-же машинка для вырѣзки тесу съ ленточной пилой; долбежная и строгальная машины. Станки вышли очень изящными и цѣлесообразными и даютъ производительность, какую нужно, а ручная работа вертѣльщиковъ при нашихъ условіяхъ, дороговизны капиталовъ (вслѣдствіе чего % и погашеніе за паровой двигатель непомѣрно велики) обходится дешевле механической.

Самое расположеніе завода въ высшей степени цѣлесообразно и представляетъ образецъ небольшой сельской мастерской, удовлетворяющей, однако, всѣмъ условіямъ очень совершеннаго производства.

Представьте себѣ четырехугольное зданіе на каменныхъ столбахъ, размѣрами 30 и 16 аршинъ и вышиной 9 аршинъ. Всю его середину занимаетъ четырехугольная печь, идущая до самаго верха. Отъ печи къ продольнымъ стѣнамъ идутъ теплыя перегородки, раздѣляющія зданіе на двѣ половины. Все внутри оштукатурено очень тщательно глиной.

Первая половина, литейная, не имѣетъ потолка и идетъ во все зданіе. Вагранка, разсчитанная только на 15 пудовъ чугуна, представляетъ послѣднее бельгійское изобрѣтеніе и у насъ является новинкой. Это выложеная шамотнымъ кирпичемъ переносная полутруба, приставляющаяся къ стѣнѣ печи, въ которой продѣланы воздуходувные каналы. Подъ трубой помѣщается резервуаръ для чугуна, также переносный.

Когда нужна отливка, труба приставляется къ стѣнѣ, при-

двигается резервуаръ, закладывается матеріалъ, вагранка зажигается и въ ходъ пускается вентиляторъ, дующій вмѣстѣ съ тѣмъ въ два кузнечныхъ и одинъ мѣдноплавильный горнъ, расположенные по другой сторонѣ печи въ кузницѣ и слесарной.

Чугунъ расплавленъ. Модели отформованы тутъ-же въ землѣ. Рабочіе спускаютъ чугунъ въ котелъ, относятъ вагранку прочь и могутъ тотчасъ-же разливать металлъ по опокамъ (формамъ).

Изъ литейной дверь ведетъ въ другое отдѣленіе, гдѣ помѣщаются кузница и слесарня, а по другой сторонѣ печи лѣстница ведетъ въ столярную и сушилку, помѣщенныя надъ ними.

Въ кузницѣ, занимающей свѣтлую и просторную комнату, размѣщены: у печи—вентиляторъ и два горна съ колпаками. Между ними устроена небольшая мѣдноплавильная печь, скрытая между горнами такъ, что ничуть не мѣшаетъ кузнецамъ, когда не работаетъ сама. Ее даже не замѣтишь. А такъ какъ мѣдная отливка случается обыкновенно рѣдко, то постановку здѣсь печи нельзя не признать въ высшей степени цѣлесообразною.

У стѣнъ помѣщаются токарные станки, боръ-машины и другіе вспомогательные инструменты. Тутъ производится обдѣлка и сборка металлическихъ частей.

Наверху въ столярную выходитъ та-же печь. Многочисленныя заслонки регулируютъ притокъ теплаго воздуха снизу, высушивающаго размѣщаемый подъ потолкомъ матеріалъ. Средина занята описанными выше вспомогательными машинами и полусобранными вѣялками, у стѣнъ—верстаки. Маховикъ расположенъ около входной двери. Онъ переносный, и устанавливается къ тому, или другому станку по мѣрѣ надобности.

Построить и монтировать вполнѣ подобный заводикъ можно за 5—6 тысячъ рублей. Въ смыслѣ спеціализаціи и удешевленія производства онъ, при всей своей миніатюрности, не оставляетъ желать лучшаго, и я смѣло могу рекомендовать его, какъ образецъ, тѣмъ хозяевамъ, которые желали-бы у себя

въ деревнѣ заняться фабрикаціей земледѣльческихъ орудій. Г. Сабанѣевъ дастъ охотно планъ расположенія постройки и указанія насчетъ станковъ.

Крестьянская вѣялка, производимая П. П. Сабанѣевымъ, представляетъ собою упрощенную вѣялку Гранта и дѣлается двухъ типовъ: съ однимъ крупнымъ ситомъ, для крестьянскихъ бѣдныхъ хозяйствъ, за 15 рублей, и съ тремя ситами за 20 рублей, для хозяйствъ побогаче. Вѣялка съ однимъ ситомъ, очищая зерно безъ подсѣва, сортируетъ его только по вѣсу и достаточно удовлетворительна, вѣялка двадцатирублевая сортируетъ по вѣсу и объему, подсѣваетъ и представляетъ орудіе очень хорошее.

Я распрощался съ милымъ хозяиномъ и направился на станцію Козьмодемьянскъ, Ярославской желѣзной дороги, чтобы черезъ Ярославль проѣхать по Вологодской линіи въ Грязовецъ.

XXVII.

На плужномъ заводѣ Ганьшина.

Въ Ярославлѣ меня интересовало одно: возникшій всего годъ назадъ большой машиностроительный заводъ Ганьшина, избравшій своею спеціальностью плуги и вѣялки и имѣющій огромный успѣхъ. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, чѣмъ обусловливается этотъ успѣхъ и при какихъ условіяхъ возможно безбѣдное существованіе машиностроительнаго дѣла въ Россіи.

За Которослью, гораздо ниже такъ называемаго „Американскаго“ моста, соединяющаго городъ съ Московскимъ вокзаломъ, расположены обширныя мастерскія Ганьшина, состоящія изъ цѣлаго ряда фабричныхъ корпусовъ, гдѣ прежде помѣщались мастерскія ткацкихъ машинъ и новыхъ пристроекъ, сдѣланныхъ спеціально ради производства плуговъ.

Я пріѣхалъ и не засталъ никого. Управляющій заводомъ инженеръ Ѳедосѣевъ уѣхалъ куда-то на дачу за полтораста

верстъ, владѣльца тоже нѣтъ, объясненія довольно сбивчивыя давалъ бухгалтеръ, никакого понятія о машиностроеніи не имѣющій. Отъ него я могъ узнать лишь нѣкоторыя свѣдѣнія о торговлѣ завода. Что же касается самаго производства, то передамъ только то, что видѣлъ самъ. День былъ будній, и работа шла.

Оказалось вотъ что: прежде здѣсь была фабрикація ткацкихъ станковъ и литейный заводъ. Дѣло это упало, выработанные станки остались на рукахъ, и владѣлецъ завода вмѣстѣ съ управляющимъ распорядились такъ: станки монтировали и открыли свою ткацкую, заводъ передѣлали и приспособили къ производству плуговъ и вѣялокъ, направляемыхъ исключительно на Кавказъ, въ Терскую и Кубанскую области, гдѣ урожай прошлаго года вызвалъ огромный спросъ на земледѣльческія орудія.

Весь дворъ былъ заваленъ готовыми выкрашенными и разобранными для отправки плугами. Плуговъ было нѣсколько тысячъ штукъ, построенныхъ только по двумъ типамъ: двухкорпусный Эккерта съ полукультурными отвалами и рычагомъ и другой двухкорпусный-же съ отвалами близкими къ типу Сакка. Пройдя немного дальше, мы наткнулись на нѣсколько копій Говарда англо-болгарскаго плуга и его-же полукультурнаго съ рельсовымъ гредилемъ.

На мой вопросъ, какіе плуги дѣлаются еще, мой проводникъ отвѣтилъ, что работаютъ трехкорпусные, но они всѣ отправлены и готовыхъ нѣтъ, и маленькіе крестьянскіе.

По всему двору была разбросана обширная заготовка: желѣзныя колеса, рамы для двухкорпусныхъ плуговъ, просверленныя стойки, лемехи, рычаги. Въ литейной формовали тоже плужныя части въ огромномъ количествѣ. Пробираясь между грудами желѣза, мы попали въ деревянное отдѣленіе, гдѣ и нашли интересовавшій меня великорусскій крестьянскій плужокъ.

— Неужели тутъ и собираете? спрашиваю.

— Тутъ; а что же?

— Такъ, прямо на землѣ?

— А какъ-же?

Подобную сборку я видѣлъ въ первый разъ. Никакихъ приспособленій, никакой провѣрки. Изъ кузницы и литейной поступаютъ заготовленныя части, столяры приносятъ дерево, и плуги собираются прямо на глазъ, едва-ли даже руководясь какимъ-нибудь шаблономъ.

Сколько ни было выставлено плужковъ, а ихъ было десятка два, каждый имѣлъ нѣкоторую индивидуальность. Осматривая ихъ, можно было сказать впередъ: вотъ этотъ будетъ пахать правильно, этотъ будетъ ставить пластъ ребромъ, этотъ начнетъ зарываться въ землю, и т. д. Работа очень добросовѣстная, металлическія части сдѣланы прекрасно, болты, гайки и пр.—все прочно, чисто и даже изящно, а сборка совершенно дѣтская, обличающая лишь то, что копируютъ машинально какой-то образецъ, причемъ никому не пришло въ голову выѣхать въ поле со сдѣланнымъ плугомъ, чтобы проѣхать двѣ-три борозды.

Двухкорпуснаго плуга, разумѣется, такъ не соберешь: его части по-просту не сойдутся, если ихъ поставить невѣрно, на это у самаго убогаго механика смысла хватитъ, но когда я посмотрѣлъ въ детали на построенные плуги, то-же явленіе замѣтилъ и здѣсь. Собирали по образцу, заботясь, чтобы было *приблизительно* похоже, и не имѣя никакого понятія о требованіяхъ точной сборки.

Приведу маленькій примѣръ: выкраивали шаблонъ для отвала. Въ этомъ шаблонѣ оказалась небольшая ошибка: ребро отвала, т. е. та его часть, которая идетъ у обрѣза борозды, вмѣсто математически прямой плоскости представляетъ выпуклость, и это ребро царапаетъ стѣнку борозды. Если-бы плугъ хоть разъ былъ запряженъ, этотъ недостатокъ бросился бы сейчасъ-же въ глаза. Но плуги здѣсь, видимое дѣло, не пробуются вовсе, а потому указанная ошибка такъ и повторяется во всѣхъ отвалахъ. Казаки-потребители, разумѣется, на эту вещь не обратятъ вниманія. Плугъ зашлифуется землей и кончено.

Этотъ небольшой примѣръ уяснилъ мнѣ очень многое въ

заводской постановкѣ дѣла. Оказалась фабрикація плуговъ выгодною, купили образцы приблизительно подходящіе къ мѣстности и немного знакомые населенію, и начали строить. Условія превосходныя, доставка дешевая водой, спросъ огромный, покупатель невѣжественный и невзыскательный, пашетъ плугъ кое-какъ—и славу Богу. Что тутъ мудрить и изобрѣтать, когда агентъ, сидящій въ Ростовѣ-на-Дону, только и шлетъ депешу за депешей: „высылайте столько-то“.

Осмотрѣлъ я вѣялки. Типъ колонистскій, распространенный по всему Поволжью. Исполненіе добросовѣстное, но опять-же-безъ всякаго пониманія, а такъ себѣ, примѣняясь къ образцу. Вѣялки всѣ вчернѣ.

— Покажите-же мнѣ, по крайней мѣрѣ, хоть одну совсѣмъ готовую.

— Нѣтъ сейчасъ ни одной. Что сдѣлаемъ, то и посылаемъ. Совсѣмъ завалили заказами.

Прошли мы посмотрѣть еще говардовскія бороны. Въ виду огромнаго требованія заводъ началъ выпускать и это орудіе, но дѣлалъ его не у себя, а заказывалъ кузнецамъ-кустарямъ въ одномъ изъ большихъ селъ, гдѣ идетъ кузнечный промыселъ. Бороны настолько плохи, что пришлось свалить ихъ въ кучу и не посылать изъ опасенія скомпрометировать заводъ.

Торговля орудіями организована весьма оригинально. Заводъ работаетъ въ Ярославлѣ, а въ Ростовѣ-на-Дону сидитъ агентъ, кажется, родственникъ владѣльца. У этого агента есть свои мелкіе агенты-складчики по станицамъ. Плуги, отправляемые имъ, имѣютъ прикрепленную дощечку съ надписью: „Заводъ Ганьшина, агентъ такой-то, въ станицѣ такой-то“. Главный агентъ раздаетъ имъ товаръ и принимаетъ отъ нихъ заказы.

— Какія цѣны на плуги?

— Цѣны? А это глядя по человѣку...

— Какъ? Развѣ каталога и прейсъ-куранта нѣтъ?

— Зачѣмъ, помилуйте? А впрочемъ, еще не успѣли. Нашъ заводъ недавно работаетъ.

Да, только съ этимъ девизомъ—„глядя по человѣку“ и

можно съ пользою торговать въ Россіи. Несмотря на то, что заводъ въ Ярославлѣ, а сбытъ въ крайнемъ югѣ Россіи, у г. Ганьшина существуютъ всѣ признаки естественной монополіи. Доставка до Ростова-на-Дону, водой до Царицына, оттуда на Калачъ по желѣзной дорогѣ и Дономъ до мѣста, обходится всего около 30 коп. съ пуда. Изъ Москвы по желѣзнымъ дорогамъ этотъ-же пудъ обойдется около 1 р. 60 к. Желѣзо также идетъ водой изъ Нижняго. Все это такія условія, при которыхъ можно конкуррировать не только съ фабрикантами центральной Россіи, но даже съ иностранцами, ввозящими орудія моремъ, или по льготнымъ международнымъ прямымъ сообщеніямъ.

Заводъ Ганьшина имѣетъ всѣ шансы стать очень крупнымъ русскимъ машиностроительнымъ заводомъ и выпускать дешевыя земледѣльческія орудія, но для этого необходимо обратить вниманіе на технику дѣла и хоть немного заняться конструкторской частью. Иначе это будутъ кратковременные барыши, и не успѣютъ гг. Ганьшинъ и Ѳедосѣевъ опомниться, какъ оснуются по Волгѣ новые заводы въ условіяхъ еще лучшихъ, и мигомъ отрѣжутъ ихъ отъ рынка.

Удивительная, право, страна Россія! Только у насъ возможны рядомъ такія явленія: какой-нибудь Сабанѣевъ, тонкій знатокъ техники и великолѣпный конструкторъ едва-едва держится, чтобы не ликвидировать дѣла, построитъ въ годъ двѣсти вѣялокъ и счастливъ. И тутъ-же является господинъ Ганьшинъ, совершенно невинный по части машиностроенія, или какихъ-либо „идей“, строитъ заводъ, работаетъ на „ура“ и въ полтора года завоевываетъ лучшій рынокъ въ Россіи. Оказывается, что умѣть торговать гораздо важнѣе, чѣмъ умѣть дѣлать.

XXVIII.

Русская Голландія.

Ярославско-Вологодскую желѣзную дорогу справедливо называютъ игрушечной, а ѣдущіе по ней смѣются и говорятъ:

состарѣешься, пока доѣдешь. На что́ ужь не ходка дорога Ярославская, а и по ней пассажирскій поѣздъ покажется курьерскимъ, довольно сѣсть въ вологодскія коробочки съ однимъ буферкомъ, маленькими окошечками и крошечными диванчиками.

Восемнадцать верстъ въ часъ.... воля ваша, это медленно даже для узкоколейной дороги. И при этомъ невыносимое мученье наблюдать, какъ мчится вашъ поѣздъ подъ горку и какъ едва-едва со страшными усиліями и шагомъ ввозитъ его паровозъ на уклонъ...

Но за то путешественникъ вознагражденъ и публико́й, и окружающей обстановкой. Уже въ Ярославлѣ въ вагонъ садятся на половину не тѣ типы, которыхъ глазъ привыкъ встрѣчать въ этой губерніи. Вмѣсто элегантнаго костюма съ сапогами бутылкой и щегольски надвинутаго набекрень картуза, вмѣсто этого юркаго, вѣжливаго обращенія и неизмѣнно плутовскихъ глазъ, вы встрѣчаете степенныхъ людей съ плавными, медленными движеніями, задумчивыми, совершенно честными и „душевными“ глазами, а костюмы переходятъ въ сѣрые и коричневые зипуны и армяки домашняго сукна, съ домашними же войлочными шляпами.

Проходитъ ночь, пока поѣздъ переползаетъ сѣверные уѣзды Ярославской губерніи. Къ разсвѣту мы уже на вологодской территоріи и приближаемся къ городу Грязовцу. Мѣстность пустынная, лѣсистая и мало живописная, но виднѣющіяся изрѣдка нивы покрыты роскошными хлѣбами и льнами, а большія села и деревни, изрѣдка выбѣгающія къ линіи, производятъ отрадное впечатлѣніе своими красивыми чистыми и необыкновенно массивными постройками. Строить есть изъ чего: на горизонтѣ лѣсовъ видимо-невидимо, хотя Грязовецкій уѣздъ и не считается по здѣшнему лѣснымъ.

Самый городъ Грязовецъ, лежащій почти у самаго своего вокзальчика, производитъ впечатлѣніе очень глухаго и очень симпатичнаго уголка. Вопреки своему названію, онъ очень чистъ и порядочно замощенъ. Жителей мало, всего около 5,000 душъ и занимаются они чиновничествомъ, торговлею

и земледѣліемъ, а нѣкоторые, какъ кажется, всѣми тремя промышленностями вмѣстѣ. Люди 20-го числа здѣсь смѣло могутъ заниматься скупкою льна и хлѣбопашествомъ, ибо у всякаго начальства имѣется множество свободнаго времени, котораго не убьешь даже и винтомъ. Недоимокъ нѣтъ, грабежей и убійствъ тоже, мертвыхъ тѣлъ не объявляется, процессовъ почти не ведутъ, живутъ по Божьему, не жалуются, не кляузничаютъ, а сажаютъ себѣ картофель, сѣютъ ленъ и вырабатываютъ его на 7, 8 и 9 рублей пудъ...

Грязовецъ—типъ земледѣльческаго города. Онъ окруженъ огородами, ригами и пашнями. По срединѣ единственная церковь, она-же и соборъ, базарная площадь, гостинный дворъ, все какъ слѣдуетъ. Торговля, можетъ быть, и процвѣтаетъ, но что купцы и скупщики не наживаютъ здѣсь милліоновъ за счетъ мужика, это не подлежитъ сомнѣнію.

Крупный торговецъ льномъ П. Е. Галанинъ, напримѣръ, къ которому я имѣлъ рекомендаціи, совсѣмъ не производитъ впечатлѣнія богача. Скромная лавочка съ „мелочью“, скромный костюмъ, собственноручное развѣшиваніе подсолнечниковъ и перебрасываніе *кербей* со льномъ, право, милліонеръ не сталъ-бы этимъ заниматься! А между тѣмъ, г. Галанинъ скупаетъ для Лакаловской фабрики огромныя партіи льна. Ясно, что заработки его только христіанскіе, и этому нельзя не радоваться. Очень ужь мы привылки на Руси, что производитель держится въ черномъ тѣлѣ и получаетъ гроши, а купецъ наживаетъ сто на сто и богатѣетъ. Здѣсь, видимое дѣло, происходитъ обратное. Вологодскій мужикъ хочетъ непремѣнно получить свои семь рублей за пудъ льна, и, если купцу мало умѣренной коммисіи, то дорогу на фабрику найдетъ самъ, благо это близко.

Въ лавочкѣ у г. Галанина по случаю моего прихода собралась мѣстная сермяжная публика, и послѣдовавшая консультація выяснила мнѣ основательно всю огромную разницу между нашей смоленскою порчею льна и его здѣшней обработкой. Узналъ я также, что для того, чтобы посмотрѣть настоящую выработку льновъ и найти для себя въ отъѣздъ

подходящаго человѣка, я долженъ поѣхать, или въ Спасъ, верстъ за 30, или въ Желтиково, лежащее гораздо ближе. Обработка и тамъ и здѣсь совершенно одинакова.

Я предпочелъ Желтиково, и черезъ полчаса тройка превосходныхъ лошадокъ уже мчала меня по широкой старой столбовой дорогѣ, ровной какъ столъ. Версты черезъ четыре отъ города мы свернули на проселокъ и поѣхали полями и деревнями.

Какая разница въ климатѣ, обработкѣ земли и урожаяхъ! Повидимому, странный законъ остается повсюду въ своей силѣ: чѣмъ хуже внѣшнія условія, чѣмъ суровѣе природа, тѣмъ трудолюбивѣе и культурнѣе человѣкъ. Климатъ Смоленской, Московской и другихъ среднихъ губерній, напримѣръ, куда лучше здѣшняго! Почва, близость рынковъ, всѣ условія лучше. Между тѣмъ, не угодно-ли сравнить наши хлѣба со здѣшними, нашу обработку почвы и вологодскую, наши грязныя тѣсныя хаты со здѣшними теремами! Про нашъ югъ и юго-востокъ нечего и говорить...

И народъ, повидимому, все тотъ-же умный, дѣльный Великоруссъ. Только и разницы, что нѣсколько провинціализмовъ въ рѣчи, да выговоръ на *о*. А между тѣмъ, смотришь на здѣшнихъ крестьянъ и чувствуешь: совсѣмъ иная порода людей.

Вотъ что̀ значитъ отсутствіе крѣпостного права... Не скоро загладятся его слѣды въ центральной Россіи!

Я озаглавилъ письмо „Русская Голландія“ не напрасно. Разскажу, что я нашелъ въ Желтиковѣ, небольшомъ селеніи въ 10 верстахъ отъ Грязовца.

Пріѣхали мы, остановились на „улицѣ“. Въ деревнѣ ни души. Взрослые отъ мала до велика уѣхали „на пожни“, т. е. на покосъ. Остаются граждане и гражданки отъ 4-хъ до 10—12 лѣтъ включительно, чистенькіе здоровые и веселые. Окружили они мой тарантасъ яркою, какъ разноцвѣтный махровый макъ, толпою, и начались разговоры:

— Маслодѣлъ Павелъ Васильевъ гдѣ живетъ?

— Здѣсь. Вонъ его дворъ.

— Дома никого нѣтъ?

— Вотъ я дома. Что вамъ требуется?

Изъ толпы вышла бойкая десятилѣтняя дѣвочка.

— Вашего хозяина увидать и заведеніе ваше посмотрѣть.

— А вотъ подождите, съ пожней пріѣдутъ.

— А скоро пріѣдутъ?

— Сами видите, вечеръ на дворѣ, должны скоро.

— Жаль, стемнѣетъ пожалуй. А ты, милая, сама намъ не можешь показать?

— Ишь вы какіе! Такъ я васъ и пустила безъ большихъ. Тятенька заругается. Опять-же, Богъ васъ знаетъ, что вы за люди.

Узнали дѣти, что я пріѣхалъ ленъ посмотрѣть и человѣка съ собою разыскиваю, и началось совершенно степенное и дѣловое обсужденіе, кто со мной можетъ поѣхать. Разсказали мнѣ о своей обработкѣ льна такъ основательно, такъ подробно, что едва-ли много могли-бы прибавить и взрослые. Черезъ часъ я уже зналъ біографію чуть не всѣхъ желтиковскихъ домохозяевъ, ихъ характеры и матеріальную обстановку.

Часовъ около семи показались воза съ сѣномъ и съ ними взрослое населеніе. Павелъ Васильевъ—степенный мужикъ лѣтъ сорока пяти, въ темной чуйкѣ и шляпѣ, не торопясь подошелъ ко мнѣ, величественно подалъ руку и пригласилъ меня вмѣстѣ съ извозчикомъ въ хату.

Мы поднялись по чистой лѣстницѣ и вступили въ просторную комнату второго этажа. Внизу, какъ извѣстно, на сѣверѣ устраиваются помѣщенія для скота и кладовыя.

Взошелъ я и чуть не ахнулъ, до того меня поразила необыкновенная чистота обстановки. Я слышалъ про здѣшнюю чистоту и раньше, но ничего подобнаго не ожидалъ. Гладко выструганныя стѣны, увѣшанныя дешевыми литографіями обычныхъ сюжетовъ: святые, царскіе портреты, генералы, страшный судъ. Чисто-на-чисто вымытый полъ безъ малѣйшаго пятнышка, устланный чистенькими дорожками въ разныхъ направленіяхъ. Широкія сосновыя лавки кругомъ

стѣнъ, точно сейчасъ изъ-подъ фуганка. Столъ, накрытый чистой бѣлой скатертью. Шкафъ съ посудой и надъ нимъ блестящіе самовары. Выбѣленная чистая и широкая печь. Нигдѣ ни пылинки, ни соринки. За чистой перегородкой виднѣются высоко застланныя постели. Поражала не самая чистота, но чистота простой, безъ всякаго шику и претензій крестьянской обстановки...

Остались мы съ извозчикомъ на нѣсколько минутъ одни. Павелъ Васильевъ распоряжался, очевидно, уборкой привезеннаго сѣна. Слышимъ, внизу въ сѣняхъ голоса:

— Тащи самоваръ-то поскорѣе... говоритъ Павелъ.

— Ничего, *посидитъ*. Пошелъ, вымойся, да рубаху перемѣни. Такъ не пущу, отвѣчаетъ женщина.

Ну, развѣ-же это не Голландія?

— Неужто у васъ всѣ такъ? спрашиваю я извозчика.

— А какже? пренаивно отвѣчаетъ онъ.—Да у васъ развѣ, вернувшись съ работы, не моются, а такъ и садятся за чай?

Мнѣ кажется, что я покраснѣлъ тогда за мою Смоленскую губернію, а еслибъ былъ Ярославцемъ, то и за Ярославскую. Дѣло въ томъ, что даже у такого хозяина, какъ, напримѣръ, Крашкинъ, у котораго домъ гораздо больше и обстановка неизмѣримо роскошнѣе, парадныя комнаты убраны только на показъ, и семья въ нихъ не живетъ. Возвратясь съ работы, они при мнѣ прямо сѣли за чай въ довольно-таки грязной кухнѣ. Самоваръ и посуда были тоже не особенно чисты.

— У васъ какъ, по старой вѣрѣ? спрашиваю.

— Нѣтъ, всѣ православные...

Скоро явилась семья Павла Васильева, очень, впрочемъ, немногочисленная. Нужно было взглянуть на ихъ руки, на посуду, на полотенца. И это простые мужики, не успѣвшіе даже промѣнять народнаго костюма на пиджаки!..

Нѣтъ, Вологда положительно можетъ быть по чистотѣ названа русской Голландіей. Между тѣмъ, Грязовецъ лишь ея первый, ближайшій къ прочимъ губерніямъ уѣздъ. На сѣверѣ и востокѣ, въ Устюгѣ, напримѣръ, говорятъ, еще чище и лучше. Что-же должно быть тамъ?

XXIX.

У грязовецкихъ льноводовъ.

Павелъ Васильевъ Крутиковъ—маслодѣлъ. Онъ скупаетъ молоко у односельцевъ и по окрестнымъ деревнямъ, работаетъ сливочное и сладко-соленое масло и направляетъ его въ Москву, въ магазинъ Орлика, у Красныхъ Воротъ. Какъ видите, и здѣсь дѣло обходится безъ скупщика.

Маслодѣльня, какъ водится, по всей формѣ: шварцевская посуда мѣстнаго производства, хорошенькая маслобойка, ледникъ, ольховые боченки, формы. Молоко покупается за 30 коп. пудъ. Когда я воскликнулъ „какъ дешево“, Павелъ Васильевъ поспѣшилъ объяснить, что подсливочное молоко возвращается хозяевамъ по 25 фунтовъ съ пуда цѣльнаго безплатно. Такимъ образомъ 30 коп. платится лишь за сливки. Все-таки, заработокъ превосходный.

— Какъ давно вы этимъ дѣломъ занимаетесь?

— У насъ въ губерніи это уже лѣтъ десять какъ пошло.

— Кто васъ обучалъ?

— Такъ, отъ людей перенялъ.

— И хорошо идетъ?

— Хорошо. Нашимъ масломъ не брезгаютъ, потому что у насъ чисто дѣлаютъ и по совѣсти отпускаютъ.

Цѣны на сливочное масло колеблются отъ 15 до 18 р. за пудъ, сладко-соленое, приготовляемое лѣтомъ, дороже 12 руб. почти не бываетъ. Лѣтомъ работаютъ его немного и больше для себя. Кромѣ Павла Васильева, маслодѣліемъ ни въ Желтиковѣ, ни въ ближайшихъ селеніяхъ никто не занимается, Вологжанинъ, не смотря на отличный скотъ (очень типичная маленькая корова, вся черная, или пятнами, съ бѣлой головой и „очками“, т. е. черными ободками, вокругъ глазъ), неохотно торгуетъ молокомъ и отдаетъ только лишнее, да и то снятое беретъ обратно. Можно-бы увеличить скотоводство—мало кормовъ, какъ и повсюду при трехпольѣ,

несмотря на большой земельный просторъ. Но пустоши вырождаются и перестаютъ давать укосы, а къ травосѣянію здѣсь еще не переходятъ.

Главной цѣлью моей поѣздки въ Желтиково былъ ленъ. Жена Павла принесла *кербь* превосходно выдѣланнаго льна, и вся семья хоромъ, на перебой, принялась излагать тонкости здѣшней выработки.

Сѣютъ здѣсь ленъ и въ яровомъ полѣ, и на „рѣзахъ“, и на „чищобахъ“, т. е. на лядахъ по выжженнымъ мѣстамъ. Больше всего, однако, въ яровомъ. Сѣмя часто выписывается изъ Пскова, гдѣ утвердилась особая замѣчательная порода льна-долгунца, идущая даже въ Бельгію и Ирландію (тамъ стараются своихъ сѣмянъ не сѣять), и называется „по первой землѣ“, когда сѣмя сѣется въ первый разъ, и „по второй землѣ“, когда оно дало уже первыя *свои* сѣмяна. Вотъ эти-то въ первый разъ дома полученныя сѣмяна и считаются наилучшими. Они даютъ чрезвычайно высокій ленъ годъ-два, затѣмъ вырождаются, ибо благодаря холодному и сырому климату, ленъ въ снопахъ приходится сушить на ригѣ. Между тѣмъ, порода льна-долгунца сохраняется только при сыромолотной обивкѣ.

Сѣютъ ленъ очень рано, около вешняго Николы. На мягкихъ земляхъ пашутъ два раза, на облогахъ разъ, иногда подъ зиму. На первыхъ нужно удачно посѣять, ибо ленъ можетъ сильно зарости сорными травами, а полоть нѣтъ рукъ.

Брать ленъ начинаютъ послѣ Преображенія (6-го августа). Пучки дѣлаютъ маленькіе, ровняя ихъ тщательно ударами о землю, вяжутъ соломой *слабо*. Это очень важно, ибо ленъ въ мѣстѣ перевязи обыкновенно хуже просыхаетъ, а потому на стлищѣ въ этой части доходитъ скорѣе и къ моменту полнаго окончанія лежатка средина обыкновенно „переходитъ“, т. е. становится слабою, волокна ровнаго не будетъ и ленъ можетъ даже рваться (у насъ объ этомъ не знаютъ). Брать ленъ начинаютъ тогда, когда снизу очищается „рубашка“, т. е. опадаютъ нижніе листки, а сѣмя въ боль-

шинствѣ головокъ хотя мягкое и зеленое, но при раздавливаніи ногтемъ выпускаетъ сѣмянодоли и не даетъ „молочка“.

Связавъ въ пуки, ленъ оставляютъ на нѣсколько дней просохнуть въ полѣ (въ бабкахъ), при чемъ одинъ разъ снопы переставляютъ внутреннимъ бокомъ наружу; затѣмъ свозятъ домой, немедленно сушатъ на ригахъ и молотятъ.

Молотятъ не такъ, какъ у насъ, вальками, а особымъ инструментомъ, состоящимъ изъ палки, на которой насаженъ деревянный кулакъ. Этимъ кулакомъ бьютъ плашмя по снопамъ разостланнымъ на току въ кругъ.

Обмолотивъ, немедленно стелютъ, выбирая ровный лугъ, по возможности низменный и сырой. Лучшимъ лежаткомъ считается такой, когда постланый ленъ прорастаетъ травкой. Стелютъ очень ровно и рѣдко. На стлищѣ не переворачиваютъ.

Спѣлость вылежавшагося льна наступаетъ черезъ 3—4 недѣли въ зависимости отъ погоды и узнается при помощи тысячи разнообразныхъ хитрыхъ пріемовъ; въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ желаніе опредѣлить: достаточно-ли разложилось клейкое вещество, прикрѣпляющее волокна (лубъ) къ древесинѣ (кострика). Передъ концомъ лежатка, особенно при дурной погодѣ, всѣ крестьяне раза по четыре въ день бѣгаютъ на стлище, берутъ пробы, сушатъ ихъ въ печахъ и мнутъ.

Чтобы уловить моментъ окончанія лежатка — требуется великая виртуозность. Отъ этого зависитъ качество и цѣна льна. Ленъ готовъ, его подняли, поставили опять въ бабки, а тутъ вдругъ дожди. Онъ бродитъ дальше и „переходитъ“. Поэтому, ожидая сырой погоды, ленъ берутъ раньше и „доводятъ“ его до спѣлости уже поднятымъ. И все-таки необходима удача. Дурной ленъ можетъ выйти и у хорошаго хозяина.

Опять вяжутъ въ пуки, сушатъ въ бабкахъ и везутъ домой. Начинается мятье.

Ленъ еще разъ сушатъ на ригахъ и мнутъ обыкновен-

ными мялицами. Машинъ не одобряютъ, такъ какъ ленъ вытягивается и дѣлается „пухлымъ“. Мнутъ очень чисто, маленькими горстями и почти сейчасъ-же отдѣлываютъ окончательно,—треплютъ.

Вотъ эта-то операція позволяетъ одинъ и тотъ-же ленъ въ Грязовцѣ доводить до 7, 8 и даже 9 рублей за пудъ, у насъ—сбывать за границу самое дорогое, за три рубля.

Горсть вымятаго льна обрабатывается особымъ деревяннымъ ножомъ—*трепломъ*. Трепачъ выбиваетъ оставшуюся кострику, равняетъ волокно и даже гладитъ его на колѣнѣ. Затѣмъ горсточка перевязывается частичкой того-же волокна у головы, и получается единица, называемая „повѣсмой“. Она бросается въ ту, или другую кучку, по качеству 5—6 повѣсмъ связываются въ „десятокъ“, 12—15 десятковъ связываются въ „кербь“. Кербь вѣситъ 5—6 фунтовъ и изображаетъ уже фабричный товаръ.

Задача Вологжанина вывести наиболѣе высокій по качеству ленъ, обработать его наиболѣе чисто и получить наивысшую цѣну. Задача вяземскаго „рака“ (скупщика и трепача льна) купить у мужика ленъ-сырецъ какъ можно дешевле и вытрепать изъ него какъ можно больше по вѣсу и красивѣе по внѣшности. О сортировкѣ у насъ не имѣютъ понятія, вяжутъ въ огромныя „пробойки“, пуда по два и очень туго, подъ перевязь набиваютъ пакли, костры и всякой дряни и, разумѣется, страшно компрометтируютъ дѣло.

Разсказалъ я Павлу Васильеву о нашемъ горѣ и прямо поставилъ вопросъ: не порекомендуетъ-ли онъ мнѣ добросовѣстнаго человѣка, знающаго хорошо трепку и сортировку, чтобы поѣхать ко мнѣ и обработать мои 22 десятины выписного псковскаго льна, посѣяннаго на отличной облогѣ. А то, говорю, наши навѣрно изгадятъ...

Павелъ даже съ мѣста подпрыгнулъ:

— Двадцать двѣ десятины! Да вѣдь это-же два вагона льна. А изгадятъ, навѣрно, изгадятъ, по вашему разсказу вижу. Надо, надо вамъ человѣчка... Да вотъ что: поѣду я къ вамъ самъ: сколько дадите?

Баба начала было протестовать: „куда ты, родимый, въ такую даль?“ и пр., но увлекшійся Павелъ сторговался со мной, взялъ задатокъ и обѣщалъ пріѣхать на срокъ отъ 15-го августа до 1-го октября.

Посмотрѣлъ я ихъ скотъ, хозяйство, инструменты, полюбовался идеальной чистотой повсюду, попробовалъ превосходнаго масла и уѣхалъ.

Утромъ часу въ седьмомъ будитъ меня корридорный:

— Васъ мужичекъ спрашиваетъ.

А наканунѣ, ссаживая меня, извозчикъ говоритъ: ни за что онъ съ вами не поѣдетъ. Нельзя ему дѣло бросить, да и къ бабѣ „очень привержень“. Я догадался, что мой ранній посѣтитель—Павелъ.

Такъ и есть: входитъ скромно, сконфуженно. Возвращаетъ задатокъ и заявляетъ, что онъ, какъ волостной судья, долженъ былъ просить отпуска у земскаго начальника, ну, а тотъ, молъ, не пускаетъ...

— У васъ, мой милый, земскій начальникъ-то, кажется, въ своемъ дворѣ?

Покраснѣлъ мой Павелъ, какъ маковъ цвѣтъ.

— Ну, какъ-же мнѣ-то теперь быть?

— А я вамъ человѣчка пріискалъ. Лучше меня можетъ вамъ послужить.

— Гдѣ-же онъ?

— А въ коридорѣ дожидается. Я его на своей лошади привезъ.

Вошелъ благообразный старецъ, степенный и необыкновенно представительный. Онъ узналъ всѣ условія отъ Павла и согласился ѣхать:

— Я человѣкъ свободный, и семейство у меня большое, не то, что у Павла, Богъ дастъ „доведемъ“ вашъ ленокъ. А Павлу нельзя. Баба не пускаетъ, смѣется старикъ.

— Простите, баринъ, погорячился вчера.

Въ тотъ-же день я уѣхалъ обратно.

XXX.

Троицкіе телятники.

На обратномъ пути къ Москвѣ, я остановился въ Троице-Сергіевой лаврѣ, чтобы съѣздить въ ближайшія деревни и посмотрѣть на любопытный, изстари утвердившійся здѣсь промыселъ: выпойку телятъ для Москвы и Петербурга.

Промыселъ этотъ захватываетъ довольно большой округъ деревень, верстъ на шестьдесятъ діаметромъ, въ углу трехъ губерній: Московской, Тверской и Владимірской. Древность его восходитъ къ Петру, когда наши предки впервые стали основательно ѣсть телятину. Меньше, чѣмъ за сто лѣтъ до преобразователя, потребленіе телятины при дворѣ Самозванца было однимъ изъ великихъ соблазновъ, вызывавшихъ тяжкія противъ нечестивца обвиненія.

Огромный и парадный окорокъ телятины на вокзалѣ далъ мнѣ понять, что буфетчикъ долженъ знать, гдѣ здѣсь лучше всего выпаиваютъ телятъ. Съ великой предупредительностью онъ указалъ мнѣ на деревни Агафоново и Чирково, первая въ пяти, вторая въ семи верстахъ отъ лавры, гдѣ телята выпаиваются почти въ каждомъ дворѣ и особенно славятся. Не теряя времени, я подрядилъ обыкновеннаго легкового извозчика и двинулся въ названныя деревни.

Послѣ Вологды и Ярославля на здѣшнее земледѣліе просто смотрѣть гадко. Скверная обработка сохой, убогая рожь по плохо удобреннымъ полянамъ, никуда не годное яровое и ничтожныя травы на пустошахъ, по которымъ можно гонять косою цѣлый день и не накосить воза.

Деревни, однако, имѣютъ сравнительно приличный видъ. Избы небольшія, но съ рѣзьбой, по улицѣ ряды деревцовъ, посаженныхъ вслѣдствіе настойчивыхъ домогательствъ начальства, передъ избами цвѣтники, подсолнечники. Очевидно, промыселъ пополняетъ средства къ жизни, земледѣліемъ не доставляемыя. Кромѣ выпаиванія телятъ, въ нѣкоторыхъ

деревняхъ и во всемъ посадѣ идетъ огромное на всю Россію производство игрушекъ, коего Лавра является главнымъ рынкомъ.

Мы пріѣхали и остановились у избы, рекомендованной извозчику его товарищемъ при нашемъ отъѣздѣ. Агафоново—небольшая деревушка, дворовъ въ тридцать. На встрѣчу намъ вышла изъ избы женщина лѣтъ пятидесяти, напоминавшая типичную городскую няньку.

— Батюшки мои! начала она на распѣвъ. Телятокъ посмотрѣть пріѣхали? Ой-ой-ой! Ну, что̀жъ, посмотрите, посмотрите. Да не время теперь: у меня сейчасъ одинъ поится только, а у другихъ и совсѣмъ нѣтъ. Охъ, грѣхи, грѣхи. Пожалуйте чайку покушать.

Въ избѣ, по нашему довольно чистой (по вологодскому очень грязной), сидѣли за самоваромъ: красивый парень, сынъ старухи, и ея молодая невѣстка. Толстощекіе, замурзанные по самые уши внуки на печи и на полу занимались кто чѣмъ попало: одинъ глодалъ корень моркови, другой тянулъ за хвостъ кота... Старикъ—домохозяинъ отправился въ Лавру.

— Вы что̀-же, батюшка, покупатель что̀-ли будете?

— Нѣтъ, бабушка. У меня у самого хозяйство. Пріѣхалъ у васъ поучиться да записать, что̀ увижу.

— Хорошее дѣло, батюшка! Пишите, я вамъ все скажу. У насъ не то, что у Аѳимьи, теляточки чистымъ цѣльнымъ молокомъ выпаиваются...

— Постойте, бабушка! Это что̀ за Аѳимья?

— Въ Чирковѣ, батюшка, въ Чирковѣ. Туда и не ѣздите, родной, обманетъ она васъ. Шельма старая...

Разумѣется, я тотчасъ-же мысленно рѣшилъ прямо проѣхать къ Аѳимьѣ.

— Какъ-же вы телятъ поите? Во-первыхъ, телята у васъ откуда?

— Покупаемъ на базарѣ, батюшка. Въ Троицѣ ихъ каждую недѣлю сколько угодно. На вашъ вкусъ, любого выберете. Хотите простого завода, ну того подольше поить надо,

и толку меньше будетъ изъ него, за то молока по-малу пьетъ. А хотите настоящаго, породистаго, тотъ у васъ ведро, а то и полтора въ день соньетъ, ну и выростетъ голубчикъ мой, на восемь на девять пудовъ, и прибыли гораздо больше дастъ. Это какъ кто хочетъ.

— Телятъ вы выбираете?

— А какже! Сейчасъ отверну ему вѣку и посмотрю: коли снутри вѣка бѣлая, глазки живенькіе, въ ротикѣ тоже бѣленько, беремъ, пить будетъ, и толкъ будетъ. Ну, а ужь какъ вѣка красная, и даромъ не надо.

— Ну-съ, вотъ вы его купили. Дорого платите?

— По теленку глядя, батюшка. За простенькаго отъ трехъ до восьми дней отъ роду три и четыре рубля даемъ. За заводскаго и пятнадцати не жалко бываетъ...

— Держите гдѣ?

— А вотъ мы его сейчасъ, какъ привеземъ, такъ въ клѣтку. Чтобы ни прыгать, ни скакать не могъ, муха чтобъ не кусала, и свѣту большаго не видалъ. Безъ клѣтки ни за что не выпоишь, и мясо не то будетъ.

— Сколько разъ въ день поите?

— Два раза: какъ подоимъ, такъ ему тепленькаго. Сколько надоили, столько и пей.

— Ничего не прибавляете?

— Яичко сырое прибавляемъ, да это ужь въ концѣ. А вотъ другіе, такъ тѣ всякой дрянью пичкаютъ, сѣменемъ льнянымъ, жмакой конопляной. Особенно Аѳимья. У той, батюшка, цѣльнаго-то молока онъ и не видитъ сердечный. Она сливками въ Лаврѣ торгуетъ, масло сливочное тоже собираетъ. А коровъ немного. Вотъ на хитрости и подымается.

По тону старухи не трудно было сразу-же понять, что то же самое, что дѣлаетъ Аѳимья, дѣлается и здѣсь. Слишкомъ ужъ неумѣренно и настойчиво выдвигала хитрая старуха свою добродѣтель.

Пошли мы во дворъ. Въ тѣсной, сшитой изъ жердей и тесу клѣткѣ помѣщался красивый, наполовину выпоенный теленокъ. Скакать ему было дѣйствительно некуда. Свѣта тоже было мало. Клѣтка была устроена въ темномъ углу.

— Сколько-же у васъ скота?

— Четыре коровы доимъ, батюшка.

— Неужели все выпаиваете?

— Немножечко, самую малость остается.

— Сливки продаете?

— Продаемъ. Всѣ у насъ продаютъ.

На полу было просыпано льняное сѣмя, которое, какъ шило въ мѣшкѣ, утаить невозможно. Я могъ-бы, и не видавши Аѳимьи, привести ея полный монологъ. Дѣло въ томъ, что отваръ льняного сѣмени, ячный кофе (тоже впдѣлъ у старухи въ избѣ), все это обычные суррогаты сливокъ, особо обращаемыхъ въ деньги.

— Сколько-же вы надѣетесь взять за этого теленка?

— Не меньше сорока рублей, батюшка.

— А сколько времени поить?

— Всего мѣсяца два, три, а иногда и четыре.

Попрощался я со старухой и направился въ Чирково, лежавшее всего въ двухъ верстахъ. Старуха, какъ Собакевичъ, сдѣлавъ рукою щитокъ отъ солнца, долго стояла на крыльцѣ, наблюдая, куда мы повернемъ.

Аѳимьи мы не застали. Она ушла съ товаромъ въ Лавру. Пожилая женщина, ея не то подручная, не то скотница, давала объясненія и была гораздо откровеннѣе агафоновской няньки. Отъ нея я узналъ приблизительно то-же, но объясненіе употребленія суррогатовъ было совсѣмъ-таки научное.

Дѣло вотъ въ чемъ: теленокъ можетъ вырости и на одномъ дешевомъ снятомъ молокѣ при постороннихъ жирахъ, напримѣръ, льняной, или конопляной эмульсіи, ячномъ кофе, овсянкѣ и т. д. Но мясо его будетъ не совсѣмъ бѣло и дурного вкуса. Чтобы это исправить, достаточно пропоить послѣдній передъ убоемъ періодъ, дней 8—10 настоящимъ цѣльнымъ молокомъ. Въ это время успѣетъ совершиться обмѣнъ тканей.

Узналъ я также, что простого теленка поятъ до 15 недѣль, заводскаго въ 10 недѣль догоняютъ до 50—60 рублей.

Аѳимья мастерски ведетъ своихъ молочныхъ коровъ, которыхъ у нея пять. Кромѣ другихъ кормовъ, она арендуетъ квасоварню духовной академіи, закупая тамъ гущу цѣлыми бочками. Это великолѣпный кормъ.

Разумѣется, во всемъ огромномъ районѣ дѣло находится сполна во власти скупщиковъ. Они покупаютъ выпоенныхъ телятъ по деревнямъ, возятъ въ столицы и наживаютъ большіе капиталы.

XXXI.

Вязниковское садоводство.

По Нижегородской желѣзной дорогѣ и вообще въ углу, образуемомъ Волгою, Окою и Шуйско-Ивановскою желѣзною дорогою, огромный матеріалъ для изслѣдователя промышленной Россіи, безцеремонно водворившейся не около земледѣлія, а непосредственно надъ нимъ и отодвинувшей его на второй планъ до такой степени, что отличныя хлѣбородныя земли фактически пустуютъ,—и очень немного достойнаго вниманія въ области культуры земледѣльческой.

Съ этой стороны любопытно посмотрѣть Гуслицы съ ихъ хмелеводствомъ, Вязники, ведушіе огромное дѣло съ вишнею-владиміркою, гётцевскую мочку льна въ Вязниковскомъ уѣздѣ и, наконецъ, знаменитый, на всю Россію работающій Корниловскій заводъ фосфоритовъ гг. Куломзиныхъ около Кинешмы.

Объѣздъ этой группы я началъ съ Вязниковъ. Скорый поѣздъ, биткомъ набитый коммерсантами, опоздавшими на ярмарку холерныхъ страховъ ради, приходитъ на вязниковскую станцію въ 6 час. утра. Отъ станціи до города—около шести верстъ довольно крутой покатости. Строители города выбрали въ силу какихъ-то особыхъ соображеній очень глубокую яму и спрятали въ ней Вязники настолько хорошо, что увидать ихъ можно только подъѣхавъ вплотную.

Ни климатъ, ни почва ничего благопріятнаго для вишни не представляютъ; наоборотъ, скорѣе затрудняютъ ея культуру, и вотъ подите-же: именно здѣсь почему-то, на огромномъ пространствѣ вдоль крутого сѣвернаго (!) склона, на почвѣ, представляющей самый скверный песокъ (когда фруктовыя деревья предпочитаютъ глину), раскинулись безконечные вишневые сады, и тысячи, и десятки тысячъ пудовъ популярнаго фрукта идутъ на всю Россію, а въ мариованномъ видѣ даже отправляются въ Сибирь.

Ясно, что эта культура утвердилась въ Вязникахъ такъ же случайно, какъ горошекъ—въ Ростовѣ, каплуны—въ Семибратовѣ, телята—около Троицы. Что̀ дѣлать, случайность—это, повидимому, законъ для матушки-Россіи и не въ одной области сельскаго хозяйства: техники и агрономы служатъ у насъ въ банкахъ, боевые моряки совершаютъ сухопутные подвиги, финансисты работаютъ надъ церковными вопросами, дипломаты пишутъ стихи.

Не нами это начато, не нами, вѣроятно, и кончится.

Мнѣ хотѣлось взглянуть на типичный здѣшній большой садъ, а также пріобрѣсти деревцовъ для себя. Извозчикъ мой, посовѣщавшись съ нѣкоторыми встрѣчными знакомыми, рѣшилъ везти меня къ мѣстному маленькому домовладѣльцу, мѣщанину Павлу Ивановичу Цѣлоградову, имѣющему собственную школку фруктовыхъ деревъ и занимающемуся въ качествѣ садовника и надзирателя въ саду мѣстнаго нотабля, нѣкоего г. Мыльникова.

Проѣхавъ черезъ базарную площадь и торговые ряды Вязниковъ, поколесивъ немного по улицамъ, которыя, въ виду холеры, мѣстный исправникъ усиливается привести въ благоустроенный видъ, мы остановились у скромнаго домика. На встрѣчу вышелъ симпатичнаго вида крѣпкій старикъ въ длинноломъ сюртукѣ. Не заходя къ нему въ квартиру, мы тутъ-же со двора, черезъ низенькую калитку, прошли въ питомникъ.

Садъ, огородъ и питомникъ Цѣлоградова умѣщаются всѣ на пространствѣ немного больше двадцати саженъ въ длину

при десяти въ ширину. Все это занято яблонями и дулями, обильно покрытыми плодами. Школка помѣщается въ промежуткахъ между ними, а часть грядъ, изъ которыхъ деревца проданы, заняты огурцами.

Молодыя яблоньки 4-хъ и 5-лѣтняго возраста, иныя уже съ плодами, размѣщены очень тѣсно. Дички сѣются между ними, подрастаютъ, тутъ-же на мѣстѣ прививаются и, по выемкѣ болѣе взрослыхъ деревцовъ, занимаютъ своими кронами ихъ мѣсто. Такимъ образомъ изъ тѣснаго пространства поддворнаго мѣста не пропадаетъ буквально ни одного аршина.

Уходъ за деревцами очень хорошій, прививка тщательная, сорта наиболѣе ходкіе: анисъ, добрый крестьянинъ, бѣль, боровинка, апортъ, малиновка. Цѣна очень христіанская— 35 коп. за деревцо съ кроной и плодами. Такая дешевизна возможна только въ уѣздномъ городѣ и при большой конкуренціи. Впрочемъ, дѣло у Цѣлоградова идетъ недурно, и онъ отправляетъ свои высадки иногда очень далеко по желѣзнымъ дорогамъ.

Я былъ очень удивленъ, не найдя у него на плантаціи вишенъ, главной спеціальности Вязниковъ. Цѣлоградовъ былъ не менѣе удивленъ моему вопросу.

— Да зачѣмъ-же я ихъ стану держать?

— А для продажи.

— Такъ я-же отъ Мыльникова вамъ ихъ достану.

— Значитъ, школка тамъ?

— Никакой для вишенъ школки не полагается.

— Какъ такъ? Да вѣдь вишни-же надо сѣять, прививать?

— Ничего не надо. Вишни у насъ сами сѣются. А прививаютъ только шпанскія въ грунтовыхъ сараяхъ.

— Грунтовые сараи держитъ кто-нибудь?

— Торговыхъ нѣтъ, есть любительскіе, только мало.

— Вишни у васъ какихъ сортовъ?

— Здѣсь прославились со старины и вывелись четыре сорта: родителева, левинская, сайка и алуха.

— Какой сортъ лучше?

— Предпочитаютъ всѣ родителеву. Мясо черное и вкусъ отличный—и для варенья и на мариновку.

Я обратилъ вниманіе на деревья въ саду Цѣлоградова: не смотря на отличную, повидимому, огородную землю и очень тщательный уходъ, на многихъ были замѣтны толстыя, засохшія или высыхающія вѣтви; иногда была испорчена вся крона, иногда обезображена до половины. Нѣкоторыя деревья умирали.

— Что́ это значитъ?

— А это грунтъ земли у насъ такой каторжный. Что́ хотите—песокъ!

— Что́-же съ ними? Высыхаютъ, вымерзаютъ?

— Все, что угодно. Въ засуху надо поливать. Въ зиму, того и гляди, замерзнутъ. Опять эти туманы...

Недурныя условія для мѣстности, прославившейся садоводствомъ!..

— Вишни тоже плохо идутъ. Гдѣ глина, тамъ вишня до тридцати лѣтъ живетъ, а у насъ на пятнадцатомъ году ее уже рубить надо—сохнетъ.

Цѣна на вишневыя двухлѣтнія деревца (лучшія для посадки) у настоящихъ садовниковъ отъ 40 до 50 к. штука, здѣсь сотня стоитъ 5 рублей.

Я просилъ Цѣлоградова съѣздить со мной показать садъ Мыльникова. Мы сѣли на подряженнаго мною на весь день извозчика и поѣхали на противоположный конецъ города.

XXXII.

На плантаціи г. Мыльникова.

Вишневыя плантаціи въ Вязникахъ тянутся длинною непрерывною полосою верстъ на пять, покрывая собою довольно крутой скатъ, обращенный на сѣверъ. Есть сады очень большіе, напр., у купцовъ: Чиркова, Фомичева, Тураковскаго.

Садъ Мыльникова тоже изъ большихъ.

Замѣчательно оригинальное зрѣлище представляютъ эти плантаціи издали. Совершенно равномѣрная темно-зеленая, переходящая въ сѣроватый оттѣнокъ зелень укрываетъ безъ промежутковъ весь огромный скатъ надъ Вязниками, саженъ 200—300 шириной. Сверху внизъ, едва чернѣясь между зеленью, идутъ заборы, граничные между сосѣдними владѣніями. По нижней линіи видны крыши построекъ. Наконецъ, посреди садовъ, разбросанныя на разстояніи 100—200 саженъ другъ отъ друга, виднѣются темносѣрыя „вышки“, нѣчто въ родѣ тріангуляціонныхъ пирамидъ на нашей западной границѣ, сообщающія всей плантаціи видъ весьма своеобразный и по своему даже грандіозный. Вышки эти представляютъ настоящіе военные форты, гдѣ въ теченіе почти пяти недѣль кипитъ очень шумная и упорная, хотя и безкровная война съ неумолимыми врагами вишневой культуры—воробьями и скворцами.

Извозчикъ высадилъ насъ у калитки въ нижней части мыльниковской плантаціи. Мы прошли небольшую сторожку съ пасѣкой пчелъ, колодокъ изъ двадцати, миновали лѣтній домъ владѣльца съ сараемъ для принадлежностей садоводства и печью для варки маринадъ, и очутились въ нижней части сада, занятой яблонями.

Мой спутникъ Цѣлоградовъ съ гордостью провелъ меня между рядами очень весело выглядывавшихъ молодыхъ еще яблочныхъ деревцовъ, обильно усыпанныхъ плодами и съ разныхъ сторонъ подпертыхъ шестами, такъ какъ вѣтви гнулись къ землѣ подъ тяжестью плодовъ.

— Вотъ, не безъ гордости заявилъ онъ,—все моя посадка и мои деревца. Этому, напримѣръ, всего 8 лѣтъ, а посмотрите, сколько на немъ яблокъ.

— У васъ, кажется, больше всего анису?

— Самое практичное дерево. Лежитъ яблоко до лѣта, вкусъ нѣжный, идетъ и въ мочку и въ варку, куда угодно.

— А антоновка?

— Дешевый товаръ. Очень ужъ ея много по другимъ мѣстамъ разводятъ, совсѣмъ цѣны сбиты. Мы здѣсь стараемся

повыше сорта разводить. Вотъ, напримѣръ, чудесныя деревца: боровинка и апортъ. А еще лучше: добрый крестьянинъ. Это дерево замѣчательно тѣмъ, что вѣтка очень тверда.

Немножко повыше начиналась вишня. Собственно говоря, это не была правильная плантація, а скорѣе, не то лѣсъ, не то кустарникъ. Деревца садятся безъ всякаго расчета разстоянія, а лишь-бы крона сливалась съ другими кронами, и наверху не было промежутковъ. Внизу разстояніе отъ дерева до дерева—два-три и четыре аршина. Нѣтъ ни рядовъ, ни дорожекъ. Вишни сажаются въ разбросъ, довольно густо, чтобы только не глушили другъ друга. Состарѣвшееся, или подсыхающее дерево немедленно вырубается и замѣняется двухлѣтнимъ присадкомъ, который очень быстро догоняетъ сосѣдей и начинаетъ съ третьяго года давать плоды.

Присадки эти сами собой во множествѣ растутъ между деревьями. При сборѣ часть плодовъ падаетъ, проростаетъ и отъ нея поднимается молодая поросль. Часть ея скашивается (сады косятъ, но траву оставляютъ на мѣстѣ для удобренія), часть получше остается для подсадки и на продажу.

Никакого ухода за плантаціей не полагается, если не считать осмотра погибшихъ деревцовъ и весенней подрѣзки, гдѣ ужъ очень глушатъ другъ друга.

Посадка производится крайне просто. Вырывается ямка. Присадокъ опускается до той глубины, какъ сидѣлъ корнями раньше, обсыпается землей, земля эта плотно утаптывается, затѣмъ его нѣсколько вытаскиваютъ кверху, чтобы расправить корни. Въ ямку обыкновенно сажается по два деревца, одно изъ которыхъ или гибнетъ само, или впослѣдствіи вырѣзывается. Способъ довольно варварскій, но практичный, такъ какъ лишнія деревца стоятъ дешевле, чѣмъ лишнія руки при болѣе тщательной посадкѣ.

Сборъ вишни начинается съ 8-го іюля и оканчивается въ сухой и жаркій годъ къ 1, въ сырой—иногда даже къ 15 августа. Въ это время ведется упорная война съ летучими

стаями хищниковъ, и свѣжій человѣкъ, попавшій въ Вязники, можетъ навсегда разбить себѣ нервы, или совсѣмъ оглохнуть.

На каждую вышку, представляющую высокую острую пирамиду изъ трехъ, или четырехъ еловыхъ слегъ съ полатями и лѣстницей, взбирается мальчикъ, или взрослый работникъ. Отъ вышки въ разныхъ направленіяхъ идутъ веревки къ воткнутымъ въ землю шестамъ, на которыхъ укрѣплены такъ называемыя *балберки*.

Балберка,—это тоненькая, прямослойная, выстроганная еловая тесина аршина въ два длиной и вершковъ пяти шириной. Вдоль, по срединѣ, на полтора вершка другъ отъ друга насверлены въ ней мелкія дырочки. Въ эти дырочки продѣты короткія веревочки съ узлами по обѣимъ сторонамъ тесины, мѣшающими имъ передвигаться. На свободныхъ, вершка въ два съ каждой стороны, концахъ веревочекъ укрѣплены березовые вершковые цилиндрики, въ спокойномъ состояніи балберки прилегающіе къ тесинѣ. Инструментъ подвѣшенъ горизонтально веревочною петлею за средину къ шесту, въ уровень съ кронами вишенъ. Отъ середины-же идетъ веревка на вышку.

Если за эту веревку дернуть, получается оглушительный звукъ, похожій на два залпа. Сначала ударятъ по звонкой тесинѣ цилиндрики одной, затѣмъ другой стороны. Воробьи и скворцы летаютъ стадами. Сторожъ замѣчаетъ съ вышки, куда опустилось стадо, и встряхиваетъ нѣсколько разъ ближайшую балберку. Какъ ни нахальны птицы, какъ ни безвреденъ инструментъ, однако, этого звука они не выносятъ, поднимаются и садятся дальше. Съ утра до вечера безъ малѣйшаго перерыва идетъ эта курьезная пальба. Прозѣвать, или заснуть сторожу нельзя, такъ какъ звуки балберки лучшій контроль. Инструментъ этотъ очень хвалятъ, хотя къ концу сезона птицы настолько съ нимъ осваиваются, что приходится стрѣлять бекасинникомъ.

Цѣна на вишни колеблется по годамъ отъ 2 до 4 руб. за пудъ въ зависимости отъ урожая, который бываетъ край-

не неравномѣренъ. Продажа производится скупщикамъ на мѣстномъ базарѣ, гдѣ формируются огромныя партіи для столицъ и другихъ городовъ.

У Мыльникова сырую вишню продаютъ мало. Ее маринуютъ въ уксусѣ, укупориваютъ въ бочки и посылаютъ въ Сибирь до Иркутска, гдѣ кто-то изъ родныхъ живетъ постоянно и ведетъ обширную торговлю.

Въ нынѣшнемъ году урожай вишни плохъ. Садъ, дававшій раньше до 300 пудовъ, не дастъ больше 80. Кромѣ того, въ этомъ году вишня *рябая*. Особый червякъ, не трогая мяса, проникаетъ въ косточку, но въ мясѣ остается дырочка, или двѣ, которыя портятъ плодъ; въ иные годы червякъ перепортитъ половину вишни.

На деревьяхъ много клею, но объ употребленіи его никто не имѣетъ понятія.

XXXIII.

Германъ Гётце и его заведеніе.

Если человѣкъ не знаетъ, гдѣ лежатъ Анды и Кордильеры, какого государства столица Буэносъ-Айресъ, или, примѣрно говоря, чьи колоніи на Суматрѣ и Явѣ, его назовутъ невѣждою. Русская газета, даже провинціальная, напечатаетъ на видномъ мѣстѣ, что въ Венецуэлѣ правительство исчезло и наступила анархія. А спросите того-же русскаго образованнаго человѣка, гдѣ примѣняются у насъ европейскіе усовершенствованные пріемы выработки льна, поищите въ русской газетѣ хоть-бы петитомъ отмѣтку, что вотъ, молъ, тамъ-то и тамъ-то основалось первое съ Россіи заведеніе для настоящей мочки и отдѣлки льна; образованный русскій человѣкъ скажетъ, что это совсѣмъ не его дѣло, а въ газетѣ не найдете объ этомъ ни одной строки.

Да что́ обыкновенные, такъ называемые образованные русскіе люди! Хозяева-спеціалисты, собирающіеся на съѣзды

по льноводству, читающіе спеціальные журналы и сами работающіе ленъ, и тѣ, въ огромномъ большинствѣ не слыхали ни про Гётце, ни про его способъ, и это заведеніе, существовавшее 12 лѣтъ, и увы!, теперь упраздняемое, приходится открывать совершенно, какъ Америку.

А между тѣмъ, въ области льноводства, которое составляетъ одну изъ нашихъ главныхъ промышленностей, и именно въ области русскаго *крестьянскаго* льноводства маленькое мочильное заведеніе Гётце является драгоцѣннѣйшимъ образцомъ. Два-три такихъ заведенія могутъ совершенно измѣнить физіономію уѣзда, перерабатывая ленъ вмѣсто 2—2 р. 50 к. на 10 и 11 р. за пудъ, при самыхъ умѣренныхъ затратахъ.

Въ нынѣшнемъ году Гётце у себя уже не работалъ. Вокругъ деревни Ерооеева, гдѣ онъ основался (Вязниковскаго уѣзда, около полустанціи Сеньково, Нижегородской дороги), нѣтъ воззможности достать льна, ибо земли испустошены, крестьяне раззорились, скотъ погибъ отъ прошлогодней голодовки, и ленъ больше не родится вовсе. Въ это лѣто Гётце работаетъ у М. М. Леонтьева, владимірскаго губернскаго предводителя, и въ первый-же годъ ленъ долженъ покрыть всѣ сдѣланныя капитальныя затраты на устройство мочильни и пріобрѣтеніе машинъ. Не думаю, чтобы было легко найти другое, равное по выгодности дѣло. Правда, есть одно затрудненіе: это заведеніе требуетъ тонкаго спеціалиста. Но вѣдь вольно-же было Министерству Государственныхъ Имуществъ посылать къ Гётце учиться воспитанниковъ своихъ школъ, интересующихся больше Лассалемъ и Марксомъ, чѣмъ техникою земледѣлія. Ярославецъ, Вологжанинъ, или Смоленецъ-мужикъ гораздо скорѣе постигъ-бы нехитрую премудрость, когда со льна нужно спускать воду, чѣмъ гг. казенные техники, которые, по выпускѣ безъ всякаго аттестата, или удостовѣренія отъ Гётце, основавъ мочку у довѣрчивыхъ людей, получили по своей неопытности и невниманію результаты самые плачевные и только скомпрометтировали дѣло.

Вѣдь выучился-же тверской помѣщикъ Горяиновъ, который въ нынѣшнемъ году вернулся къ себѣ домой, сдѣлалъ первые посѣвы льна, устроилъ заведеніе, а съ будущаго года начинаетъ работать? Могли-бы выучиться и другіе. Помочь основанію мочиленъ въ уѣздахъ должны-бы земства, ибо прямое земское дѣло—поднять производство важнѣйшаго торговаго растенія. Льномъ занимается почти вся Россія, причемъ одна половина его безбожно портитъ, а другая (югъ и степи) и вовсе бросаетъ. Поднять льноводство, укрѣпить его съ сельскохозяйственной стороны и улучшить съ технической—было-бы поистинѣ благодѣяніемъ.

Способъ Гётце драгоцѣненъ вотъ чѣмъ: заведеніе его типа скупаетъ за очень высокую цѣну (отъ 1 руб. и до 3 руб. сотня сноповъ, вѣсу 6—8 пудовъ) обмолоченную крестьянскую льняную солому (все равно, какую), выдаетъ ему деньги на руки въ самое горячее время платежа податей, освобождаетъ его отъ работы надо льномъ, рискованной осенью и совершенно невозможной въ покосъ, и даетъ ему-же заработокъ зимою, т. е. въ самое глухое время. Польза получается и для населенія, и для государства. Населеніе возьметъ то-же самое, или больше, при меньшемъ трудѣ и безъ риска. Государство выиграетъ на увеличеніи общаго богатства. Не все равно для страны—продать ленъ за 2 рубля, или за 10 руб. пудъ.

Германъ Романовичъ Гётце былъ когда-то директоромъ одной изъ меленковскихъ льнопрядиленъ. На этой службѣ онъ могъ убѣдиться, до какой степени безобразно обрабатывается у насъ ленъ. Зная хорошо бельгійскую его обработку и имѣя небольшія деньги, г. Гетце задался мыслью основать мочильное, мяльное и трепальное заведеніе, разсчитывая на тѣ матеріалы, которые могли быть подъ руками, т. е. на крестьянскій и помѣщичій ленъ. Въ тѣ времена, т. е. въ началѣ 80-хъ годовъ, льны во Владимірской губерніи сѣялись въ огромномъ количествѣ, земли такъ истощены не были, и производство было обезпечено.

Г. Гетце купилъ у крестьянъ дер. Ерофеева 12 десятинъ земли, выписалъ машины, выстроилъ усадьбу и сталъ рабо-

тать. Съ перваго-же раза фабрики стали платить за его товаръ неслыханныя раньше цѣны, а крестьяне, сначала не желавшіе продавать соломы, убѣдились, что самимъ имъ такъ не сработать, и начали охотно сбывать солому, тѣмъ болѣе, что цѣна, платимая имъ Гётце за сырой матеріалъ, часто превышала стоимость плохого льна, изъ него выработаннаго. Дѣло блестяще пошло.

Повидимому, мѣстность была выбрана, какъ нельзя болѣе благопріятная. Вязниковскій и Меленковскій уѣзды изстари славились льноводствомъ. Въ обоихъ уѣздахъ и вблизи значительное количество крупныхъ и мелкихъ льнопрядиленъ и ткацкихъ и, кромѣ того, обширное производство мѣшечной ткани и мѣшковъ. Будь съ надлежащей стороны обращено вниманіе на крестьянское земледѣліе, при владимірскомъ земельномъ просторѣ ленъ могъ-бы войти правильно въ сѣвооборотъ, и его посѣвы были-бы навсегда обезпечены. Но заняться этимъ было некому, на земледѣліе не обращали никакого вниманія, посѣвы производились исключительно хищническіе, населеніе, по мѣрѣ истощенія земель, окончательно ихъ забрасывало, устремляясь на фабрики и въ отхожіе промыслы, и вотъ, въ концѣ концовъ вокругъ Гётце образовался огромный пустырь, льноводство окончательно лопнуло, фабрики живутъ привознымъ издалека льномъ, а г-ну Гётце приходится ликвидировать дѣло и продавать насиженную усадьбу.

Не правда-ли, любопытное культурное явленіе въ чисто русскомъ вкусѣ? На разстояніи 14 верстъ отъ города я могъ любоваться безконечными пустырями самаго безнадежнаго вида. Рожь самъ-два, яровое совершенно пропавшее, ленъ еще воздѣлываемый, но безусловно никуда не годный. Вотъ результаты нашей экономической системы....

Г. Гётце я не засталъ дома. Онъ уѣхалъ къ Леонтьеву, гдѣ и сидитъ все лѣто. Меня очень радушно приняла его жена, провела по заведенію и очень обстоятельно все растолковала. Предметъ этотъ имѣетъ такую огромную важность для нашихъ великорусскихъ хозяйствъ, что я позволю себѣ остановиться на немъ съ возможною обстоятельностью.

XXXIV.

Мочка льна по Гётцевскому способу.

Обработку льна на заведеніи Г. Р. Гетце можно строго разграничить на двѣ самостоятельныя операціи, производимыя разновременно: именно, мочку, начинающуюся съ конца апрѣля и заканчивающуюся около Казанской (8-го іюля), т. е. передъ началомъ покоса, и обработку, т. е. мятье и трепку, начинающіяся съ Покрова (1-го октября) и идущія почти всю зиму. И то и другое поставлены здѣсь образцово. Можно смѣло сказать, что при данной соломѣ лучшаго продукта никакимъ инымъ способомъ получить уже нельзя.

Для мочки приходилось выбирать мягкую воду. Это первое и главное условіе, въ Россіи, впрочемъ, совсѣмъ не тяжелое, потому что мягкая вода у насъ повсюду въ прудахъ, тихо текущихъ рѣкахъ, а также въ большинствѣ ключей, выходящихъ изъ глинистой, или песчаной почвы.

Гидротехническая часть заведенія Гётце необыкновенно проста. Въ ближайшемъ лѣсу, саженяхъ въ трехъ надъ уровнемъ рѣчки отыскань ключъ. Вода изъ него проведена открытою канавой и частью трубой въ выкопанный на покатости прудъ, изъ пруда устроенъ выпускъ въ немного ниже расположенныя мочильныя ямы, а изъ нихъ снова по трубамъ отработавшая вода спускается въ рѣчку. Еслибы даже въ ключѣ вода была и не совсѣмъ мягкая, то, напущенная въ прудъ и простоявшая тамъ осень и зиму, она несомнѣнно сдѣлается таковой.

Мочильныя ямы устроены слѣдующимъ образомъ. Вырыта яма въ землѣ длиною въ 16, шириною въ 7 и глубиною въ $1\frac{3}{4}$ аршина. Яма по дну и стѣнкамъ одѣта плотно пригнанными досками, заложенными по стѣнамъ за вертикальныя стойки. На верхнихъ концахъ этихъ стоекъ прилажены крючья такъ, что набитый ленъ можетъ быть сверху заложенъ жердями поперекъ ямы (иначе вода выпретъ ленъ).

Посрединѣ ямы сдѣланы стойки, врытыя въ землю, тоже съ крючьями наверху, чтобы жерди не были слишкомъ длинны. Въ одномъ изъ угловъ каждой ямы отгорожено досками небольшое пустое пространство для напуска воды. Тутъ-же помѣщается и выпускное отверстіе.

Солома (уже обитая) у крестьянъ скупается осенью и хранится до весны въ сараяхъ. Съ конца апрѣля начинается мочка.

Яму нагружаютъ льномъ стоймя, въ $1^1/_2$ ряда, т. е. одинъ рядъ комлемъ внизъ, другой, не допуская до дна на $^1/_2$ аршина, комлемъ кверху, опять комлемъ внизъ и т. д. Когда вся яма наполнена, ее закрываютъ сверху рогожами и, заложивъ жерди на мѣста, напускаютъ воду.

Льняной стебель состоитъ изъ полой древесинной трубки (кострика), покрытой цилиндрикомъ луба (собственно волокно) и сверху—*рубашкой*, т. е. кожицей. Лубъ прикрѣпленъ къ древесинѣ растительнымъ клеемъ и мелкими волокнами паренхимной ткани. Сущность операціи заключается въ томъ, чтобы посредствомъ гнилостнаго броженія разрушить и удалить клейкое вещество и нарушить связь между паренхимой и волокномъ (паренхима разлагается значительно быстрѣе луба и древесины). Тогда при мятьѣ древесина разламывается и выпадаетъ вмѣстѣ съ разорванной паренхимой, рубашка обращается въ пыль, а лубъ, освободившись въ видѣ пряди, даетъ *волосъ*, или собственно *волокно*.

Первая вода держится въ мочилѣ около сутокъ. Затѣмъ она выпускается, и набухшій мокрый ленъ оставляется въ ямѣ. Это называется *подпариваніемъ*. Въ это время развивается значительная теплота, и большая часть клейкаго вещества разлагается. Затѣмъ напускается свѣжая вода. Процессъ продолжается, и клей переходитъ въ растворъ. Вторая вода держится значительно дольше, въ зависимости, впрочемъ, отъ температуры, именно—отъ 3 и до 7 дней. Затѣмъ она выпускается, и ленъ вынимается изъ ямы. Мочка закончена.

Весь успѣхъ этого способа стоитъ въ тѣсной зависимости

отъ личнаго искусства и опытности мастера. Необходимо точно опредѣлить моментъ выпуска воды. Закончить операцію раньше—часть клейкаго вещества останется въ стеблѣ, и волокно, кромѣ того, что будетъ плохо отдѣляться отъ костры, будетъ рваться и мохнатиться вслѣдствіе бо́льшихъ усилій при мятьѣ. Опоздать со спускомъ воды даже немного—значитъ иногда совершенно погубить весь ленъ. Вслѣдъ за разложеніемъ клея и паренхимы, начнетъ тотчасъ-же разлагаться и самое волокно. Немного „тронувшійся“ ленъ лишается всякой прочности и безусловно негоденъ для прядѣнія.

И здѣсь существуютъ у г. Гётце различные секреты и сводъ личныхъ наблюденій. У него ленъ выходитъ всегда хорошій, у его учениковъ—иногда, да и то ради осторожности они предпочитаютъ не домачивать, выстилая ленъ еще на нѣкоторое время на лугъ. Дѣло въ томъ, что росяная мочка гораздо медленнѣе и замѣтить здѣсь ея конецъ много легче.

Вынутый изъ ямы ленъ иногда выстилается и у г. Гётце, но обыкновенно ставится въ бабки, сохнетъ на солнцѣ и поступаетъ на складъ въ особый сарай, гдѣ хранится до осени.

Въ техническомъ смыслѣ мочка эта, при хорошемъ мастерѣ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Она требуетъ очень немного рабочихъ рукъ и притомъ въ свободное отъ работъ время. Яма за ямой нагружается, мокнетъ и разгружается съ полной правильностью. Размѣры и число мочилъ зависятъ отъ мѣстныхъ условій и величины капитала, а также отъ посѣвовъ льна и возможности зимней обработки. Даже небольшое крестьянское хозяйство можетъ безъ труда устроить гдѣ-нибудь у рѣчки подобную яму, или двѣ, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшая обработка льна не стоитъ ни въ какой связи съ мочкой.

Показала мнѣ Н. Ѳ. Гётце образцы льна, соломы и любезно провела по всему заведенію. Льны дѣйствительно великолѣпны и сдаются на фабрики по цѣнамъ неслыханнымъ

въ Россіи—9, 10 и 11 рублей за пудъ. Солома, изъ которой эти льны получаются, крестьянская, сборная, часто очень плохая. При равномѣрной длинной хорошей соломѣ можно получить продуктъ еще выше.

Въ нынѣшнемъ году мочки уже не было. На осеннюю обработку остается небольшая часть вымоченнаго въ прошломъ году льна. Затѣмъ заведеніе закрывается, г. Гётце продаетъ дѣло, разумѣется, за четверть цѣны и переселяется въ другую мѣстность.

XXXV.

Механическая обработка льна.

У насъ ее пробовали заводить. Но насколько мнѣ извѣстно, удержалось машинное мятье въ одномъ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ только и можно достать болѣе, или менѣе сносную чугунную мялку. Ни въ одномъ каталогѣ лучшихъ машиностроительныхъ фирмъ мялокъ не имѣется, ни одинъ заводъ въ Россіи ихъ не строитъ—ясно, что машины эти не идутъ.

Это свидѣтельствуетъ, что важнѣйшее техническое производство средней Россіи, или находится въ примитивномъ видѣ и производится въ ручную крестьянами, или и вовсе заброшено землевладѣльцами. Я самъ слышалъ въ нашихъ льноводныхъ мѣстахъ, что ленъ— занятіе не дворянское, что его, конечно, можно выработать прекрасно, но врядъ-ли это принесетъ доходъ и т. д.

Вотъ почему я и хочу посвятить это письмо гётцевской обработкѣ льна. Всѣ подобныя разсужденія въ высшей степени неосновательны. Именно ленъ-то и есть такое растеніе, хорошо обработать которое можетъ гораздо лучше grande culture, чѣмъ крестьяне. Это ничуть не противорѣчитъ тому, что я писалъ о Вологдѣ. Вологодскіе льны, все-таки, куда-же хуже гётцевскихъ.

Я утверждаю, что тамъ, гдѣ ленъ можетъ занимать пра-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] между своими [illegible] зубья которой [illegible] еще разъ. Слѣдующая пара, съ зубьями еще мельче, изломаетъ ее еще и т. д. Часть костры выпадетъ тутъ-же подъ машину при переходѣ съ вала на валъ, часть останется. На выпускную доску попадаетъ уже совершенно размятая лента, гдѣ волокно все цѣло и сохраняетъ свое положеніе, но лишь пересыпано мелкой кострикой, отчасти къ нему еще приклеенной.

Ленъ смятъ. Если его теперь вытрясти руками и немного поколотить трепломъ, это будетъ *сырецъ*.

Разница между машинной и ручной обработкой вотъ ка-

кая: если ленъ не слишкомъ ослабленъ мочкой, машина почти совершенно не дастъ *пакли*, т. е. разорванныхъ и перепутанныхъ волоконъ. Такой твердо-моченый ленъ на ручной мялкѣ почти невозможно обработать. Еще-бы! Сравнить силу руки и ручную мялицу всего съ тремя зубьями, или чугунные, рубчатые валы и паровой приводъ. Поэтому для ручнаго мятья мочатъ значительно дольше, ослабляя ленъ. Кромѣ гораздо большаго выхода чистаго волокна, очевидно, машинный ленъ будетъ и много крѣпче. Тамъ, гдѣ ручнаго стланца получится пудъ, машиннаго моченца выйдетъ навѣрно 1 п. 10 ф. и притомъ гораздо лучшаго качества.

Съ мялки ленъ идетъ во второе отдѣленіе—трепальню. Просторная комната, имѣющая вдоль паровую трансмиссію; на горизонтальныхъ валахъ, соединенныхъ ремнями съ трансмиссіей, укрѣплены механическія *трепла*, каждое при особомъ станкѣ для работника. Все это установлено въ два ряда, съ проходомъ посрединѣ и обшито тесомъ.

Трепло—это вѣеръ изъ шести деревянныхъ ножей, насаженныхъ на желѣзномъ валу, и вмѣстѣ съ нимъ быстро вращающійся. Ножи остріями сѣкутъ по горсти льна, которую рабочій просовываетъ въ особое отверстіе станка подъ ножи. Удары направляются подъ очень тупымъ угломъ, какъ бы гладятъ волокно. Отъ этихъ ударовъ кострика отдѣляется совершенно, тѣмъ болѣе, что горсть выворачиваютъ и переворачиваютъ, подставляя оба конца и середину послѣдовательно подъ удары трепла.

Вмѣстѣ съ кострикою, разумѣется, отпадаютъ и отдѣльныя болѣе слабыя, или короткія волокна льна и идутъ подъ трепло. Женщина заходитъ между двумя рядами станковъ и легонько перетрясаетъ костру, собирая эти пряди. Онѣ перетрепываются еще разъ и даютъ хорошую, еще годную для грубой пряжи паклю.

Тутъ-же помѣщаются ручные станки для трепки. Это трепало уже не вѣеръ, а простой ножъ, сдѣланный изъ клена или березы, которымъ бьютъ по горсти льна рукою. Работа его совершенно тождественна, но, понятно, идетъ гораздо медленнѣе.

Иногда *голову* льна, т. е. верхній къ стеблю конецъ волоконъ поправляютъ немного на стальныхъ гребняхъ, такъ какъ голова вымачивается всего медленнѣе; затѣмъ ленъ вѣшаютъ на вѣсахъ и прессуютъ въ маленькіе тючки, по пуду каждый. Для этого устроенъ особый деревянный прессикъ.

Спрессованный такимъ образомъ и, конечно, отсортированный ленъ обшивается рогожей и отправляется на фабрику.

Вотъ и все производство. Стоимость всего завода и машинъ не больше 6,000 руб. Оборотный капиталъ 10—12 тысячъ. Перерабатывалъ Г. Р. Гётце въ годъ всего отъ 2 до 3 тыс. пудовъ льна, т. е. количество, соотвѣтствующее всего 40—60 десятинамъ посѣва, и извлекалъ настолько значительный доходъ, что жилъ самъ съ семьею, и заведеніе процвѣтало. Не его вина, что кругомъ въ Вязниковскомъ уѣздѣ были не производители льна, а хищники, истощившіе свои земли до того, что ни льна, ни хлѣба больше совсѣмъ не родится.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ и самое льноводство не польза, а погибель. Ленъ въ рукахъ хищника словно огонь, и можетъ положительно *сжечь* хозяйство, что и случилось на огромномъ пространствѣ Россіи. Дѣло въ томъ, что, пустоша землю, страшно понижая урожаи всѣхъ другихъ растеній (при хищническихъ посѣвахъ), самъ онъ перестаетъ родиться *позднѣе всего остальнаго*. На данномъ участкѣ уже не родится ни рожь ни овесъ, а полежалъ онъ года два, можно опять рискнуть посѣять ленъ—все что-нибудь выйдетъ. И такъ до полнаго истощенія.

Еслибы помѣщики губерній Псковской, Тверской, Ярославской, Смоленской, отчасти Новгородской, Костромской, Владимірской и другихъ (кромѣ завѣдомо разорявшаго свои хозяйства меньшинства) не поняли этого, еслибы у нихъ не хватило патріотизма и благоразумія поберечь хоть немного свои земли, трудно представить себѣ, до чего ленъ могъ опустошить нашъ великорусскій сѣверо-западъ. Какое искушеніе—сдать на одинъ пересѣвъ подъ ленъ за 30—35 руб. землю, которую иногда продать нельзя въ собственность до-

роже 25—30 рублей! И все-таки большинство помѣщиковъ устояло, сдавало земли „жалѣя“, берегло ихъ, пока, наконецъ, не дождалось многопольнаго сѣвооборота со льномъ, научно узаконеннаго и оправданнаго на опытѣ Энгельгардтомъ. Теперь, да еще при фосфоритахъ, ленъ можно сѣять смѣло, теперь это не хищникъ, а желанный гость, обильно вознаграждающій трудъ. Пусть лишь не портятъ его, а обработываютъ какъ слѣдуетъ...

Гётцевская обработка льна—лучшее, что можно сейчасъ предложить. Примѣръ г. Леонтьева, у котораго нынѣшнее лѣто работалъ г. Гётце—слишкомъ краснорѣчивъ. Вотъ первый шагъ для мелiоративнаго кредита въ нашей средней полосѣ. Заводикъ для мочки и обработки льна можетъ быть съ огромной пользой устроенъ въ каждой волости, напр., нашего вяземскаго уѣзда, а если ленъ будетъ хорошъ, перепроизводства бояться нечего, здѣсь у Россiи естественная монополiя. Нужны лишь спецiалисты да денежныя ссуды. И то и другое можетъ быть найдено; стоитъ лишь захотѣть. Сами собой эти вещи дѣлаются слишкомъ медленно и болѣзненно.

XXXVI.

Разговоръ съ предсѣдателемъ управы.

Мое послѣднее письмо, писанное на пароходѣ по пути изъ Нижняго въ Кинешму, куда я направился для осмотра фосфоритнаго производства у гг. Куломзинымъ, послужило поводомъ къ слѣдующему инциденту, по началу—забавному, по концу—весьма для меня пріятному.

Разложилъ я мою походную канцелярiю на столѣ въ рубкѣ I класса, написалъ первый листокъ, выхожу подышать наверхъ. Возвращаюсь. Мрачнаго вида сосѣдъ, помѣщикъ по виду, сидѣвшiй до тѣхъ поръ молчаливо, вдругъ подходитъ:

— Вы такой-то? Позвольте познакомиться. Я предсѣдатель N—ской земской управы.

— Очень радъ. Какимъ образомъ вы меня знаете?

— Да вотъ, простите, пожалуйста. Подхожу къ столу воды выпить—вижу ваше писанье. И не думалъ смотрѣть, да заголовокъ „По русскимъ хозяйствамъ“ въ глаза бросился. Вижу римскими цыфрами нумеръ, а я „Новое Время“ получаю и за вашими письмами слѣжу. Я и догадался. Простите пожалуйста. А впрочемъ, кромѣ заголовка ничего не читалъ ей-Богу!..

Слово за слово, наговорилъ мнѣ комплиментовъ, похвалилъ редакцію за такую пріятную для нихъ, сельскихъ хозяевъ, новинку въ газетѣ, какъ обзоръ русскихъ хозяйствъ, и затѣмъ нашъ разговоръ перешелъ самъ собой на мою излюбленную тему, отчего русское земство ничего не дѣлаетъ по сельскому хозяйству?

— Попытаюсь вамъ отвѣтить: вотъ хоть-бы наше земство. Оно не изъ плохихъ, а по сельскому хозяйству не сдѣлало ничего. Между тѣмъ, въ уѣздѣ и даже среди гласныхъ есть недурные хозяева. Мнѣ кажется, если подумать, вотъ отчего: сельское хозяйство является пока у насъ только личнымъ дѣломъ, а не дѣломъ общественнымъ. На земскомъ собраніи о немъ какъ-то даже не говорится. У насъ есть свои обычные, такъ сказать, обязательные предметы: мосты, дороги, школы, медицина, квартирная часть. Все это очень простое и привычное, именно привычное дѣло. Вопросъ ясенъ, управа его подготовитъ и въ собраніи онъ прошелъ въ пять, много десять минутъ. Сельско-хозяйственные вопросы совсѣмъ другое дѣло: поговорите со мной, какъ съ землевладѣльцемъ, я вамъ порядочно растолкую и нужды крупнаго, и нужды мелкаго хозяйства, я самъ хозяйничаю. А какъ земецъ, я пасъ.

— Но позвольте, я васъ не понимаю. Не задавайтесь широко, возьмите хоть для начала небольшую частность и приведите ее. Ну вотъ вамъ тверской складъ, введите у себя въ уѣздѣ ну хоть плуги, что-ли. Это-же не новость. Почти всѣ земства Московской губерніи добились, что крестьяне пашутъ плугами. Какъ они дѣлали? Ассигновали небольшую

сумму, выписали отъ Павлова плуги, роздали по одному на волость, открыли складики при управахъ и теперь дѣло отлично идетъ.

— Это все можно, да не то это! Мы всѣ сознаемъ, что сельское хозяйство пора начать поднимать, мы дошли „до нѣту"... что̀ тутъ плужокъ! Тутъ общій планъ нуженъ, иниціатива нужна, средства нужны. Нужно, чтобы сельское хозяйство стало общественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнымъ дѣломъ... Другими словами, нужно, чтобы выработалось сознаніе, что все то, что̀ мы теперь дѣлаемъ— второстепенное, а экономическая жизнь, сельское хозяйство— главное. Земскій-ли начальникъ, или мировой судья, или волостель—это не важно, а то, что поля истощены, что скотъ поколѣлъ, что заработковъ нѣтъ, что кредита нѣтъ, что спились мы — вотъ что важно. Все это въ общей и тѣсной связи не только между собою, но и съ общей внутренней политикой. Наши бѣды мы всѣ знаемъ, но какъ ихъ лѣчить, съ чего начинать, не знаемъ. Плана нѣтъ. Вы говорите: плужки, фосфориты, кредитъ... А я говорю: нѣтъ, не то, все это мелочи, частности. На гривенникъ пользы пропадетъ незамѣченно, когда кругомъ зла на десятки рублей. Начинать надо съ корня.

— Но кто-же мѣшаетъ земству поставить самому во главѣ всего дѣла сельское хозяйство? Никогда еще, сколько знаю, этого никто не опротестовывалъ.

— Снова отвѣчаю: воздухъ не тотъ. Иниціативы сверху нѣтъ...

— Ахъ, вотъ что! Опять „сверху"...

— Непремѣнно сверху! Все въ уѣздѣ, вся его экономическая жизнь зависитъ прежде всего отъ общей хозяйственной политики. Что̀ мы будемъ дѣлать съ тѣмъ-же льномъ, когда искусственно его гонитъ джута? Отчего гибнетъ мѣшковое дѣло? Отчего падаетъ льнопряденіе? Ну, мы поможемъ немного лучшей выработкѣ льна, а куда дѣнемся съ этимъ льномъ? За устюжскій ленъ платятъ 9—10 р. за пудъ, потому что его мало. Дайте много, цѣна упадетъ до 4—5 ру-

блей, потому что спросъ очень огроничeнный. Ленъ не можетъ конкуррировать ни съ джутой, ни съ хлопкомъ безъ спеціальнаго покровительства. Что мы будемъ дѣлать съ хлѣбомъ, когда рожь то вскочитъ до 12-ти рублей, то упадетъ до 4? 12 рублей куль и купить негдѣ, 4 рубля и продать некуда. Ну хорошо: мы фосфоритами увеличимъ урожай на 5 четвертей съ десятины. Какой-же изъ этого толкъ, когда въ урожайный годъ рожь и такъ безъ цѣнъ и безъ спроса? Нѣтъ, С. Ѳ., я понимаю подъемъ хозяйства, какъ общій подъемъ культуры въ странѣ, который долженъ начаться только государственной экономической политикой. Частности пользы не принесутъ. Да и правду вамъ сказать: руки не поднимаются на частности, когда чувствуешь, какъ все это безцѣльно, безполезно.

— Позволю себѣ не согласиться. Изъ частностей именно и слагается культура. Вонъ въ Сычевскомъ уѣздѣ у насъ переходятъ на клеверъ и многопольное хозяйство. Это огромный шагъ. Въ другихъ мѣстахъ плуги. Тамъ сады и огороды при школахъ. Тамъ лучшая обработка льна, или новый промыселъ. Нѣтъ, не можетъ быть это все безплоднымъ и безцѣльнымъ... Я не оспариваю необходимости сельско-хозяйственной политики, общаго плана и иниціативы государства. Но я утверждаю, что земство въ нынѣшнихъ даже предѣлахъ обязано дѣлать, что можетъ, и если оно добилось, что въ деревнѣ насадили хоть десятокъ яблонь, или развели огородъ, или купили десятокъ плужковъ, то и это уже великій плюсъ.

— И я спорить противъ этого не буду, но говорю вамъ: фактъ! Руки не поднимаются. Да на земствѣ и работать некому. Эти вещи не на собраніяхъ въ десять дней вырабатывать. На это нужно дѣятелей, преданныхъ хозяйству душой и тѣломъ, знающихъ и авторитетныхъ. А гдѣ ихъ взять?

— Да вѣдь вы-же говорите, есть у васъ хозяева?

— Есть! И надъ своими-то хозяйствами бьются и плачутъ все изъ-за этихъ внѣшнихъ условій. Да и работа гигантская, какъ ее отъ нихъ требовать? Вы подумайте только: въ культурномъ смыслѣ вѣдь у насъ все заново пере-

строивать надобно и, именно, все вмѣстѣ сообразя. Не годится русскій человѣкъ на мелкую кропотливую работу безъ надлежащаго подъема духа, а подъемъ духа не можетъ явиться, пока, въ самомъ дѣлѣ, въ воздухѣ не зазвучитъ общая дружная мірская работа, а къ такой только сверху призвать могутъ. Вспомните первыхъ мировыхъ посредниковъ.

— Такъ неужели-же земство безъ этого призыва такъ-таки и будетъ мертво?

— Несомнѣнно. Еще мертвѣе, чѣмъ было. Прежде оно жило немного вѣрой въ свое дѣло; мы думали, что всѣ эти школы, больницы, дороги сами по себѣ дѣло, и въ нихъ плодотворная творческая сила! Наконецъ, можно было поиграть въ оппозицію, поспорить съ администраціей. Теперь во все это извѣрились, а новое земское положеніе исключаетъ всякую возможность игры въ оппозицію и вмѣстѣ съ тѣмъ убиваетъ и всякую инициативу. Я не говорю уже до чего не естественно, до чего фальшиво въ немъ положеніе дворянства. Намъ дано самое скучное, самое сѣрое дѣло, подъ мелочнымъ, бдительнымъ контролемъ власти. Теперь мы—чиновники и въ самомъ скучномъ ихъ вѣдомствѣ.

— Это грустно. А того призыва, котораго вы жаждете, можетъ-быть еще долго ждать....

— А можетъ-быть и недолго? Наверху инициатива есть, и люди появляются. Возьмите голодъ, холеру. Правительство выказало большую инициативу. Отчего не явиться ей и въ области сельскаго хозяйства? И тогда смотрите, какъ мы всѣ встрепенемся. Только пусть раздастся настоящій кличъ, и мы въ два-три года сдѣлаемъ то, чего не достичь и въ двадцать лѣтъ кропотливой, упорной работы надъ частностями. Русскіе люди—люди порыва, люди вдохновенія...

На этомъ оборвался нашъ разговоръ. Пароходъ подошелъ къ маленькой пристани, гдѣ на берегу моего спутника уже ждала тройка бойкихъ лошадокъ.

XXXVII.

Грибное царство.

Чтобы попасть въ Корнилово гг. Кузнецовыхъ, нужно выйти съ парохода, или съ Шуйско-Ивановской дороги въ Кинешмѣ, взять лошадей и ѣхать за Волгу большой дорогой верстъ 19, да проселкомъ версты 4.

Полюбовавшись чудными мѣстоположеніемъ Кинешмы, блестящей своими, сплошь новенькими постройками (два года назадъ она вся сгорѣла), переправившись на паровомъ паромѣ на сѣверный берегъ и сдѣлавъ долгій, версты въ двѣ и отлогій подъемъ, путникъ вступаетъ на почти ровное плоскогорье. Начинается грибное царство. Благородный русскій грибъ-боровикъ, или бѣлый, кормитъ здѣсь населеніе огромнаго раіона, платитъ за него подати, словомъ, играетъ ту-же экономическую роль, что хмель въ Гуслицахъ, пшеница въ Самарѣ, или ленъ во Псковѣ. Уродился грибъ, стоятъ хорошія цѣны, и всѣ торжествуютъ. Не уродился—бѣдствіе.

Центръ грибной торговли—заштатный городъ Судиславль, Костромской губерніи. Тамъ живутъ главные грибовники, скупщики сушенаго гриба. Какъ и вездѣ, существуетъ мѣстность особенно выдающаяся по качеству товара. Это село Бѣлый Никола въ 10 верстахъ отъ Корнилова.

Нынѣшній годъ урожай грибовъ превосходный, и сборъ ихъ наступилъ въ самое лучшее для населенія время, т. е. между уборкой ржи и ярового. Когда это случается одновременно съ чѣмъ-нибудь, страдаетъ сельское хозяйство и люди выбиваются изъ силъ. Впрочемъ, грибъ считается важнѣе. Не рожь, не овесъ, а онъ „батюшка“ здѣсь и кормилецъ и поилецъ. Цѣлые обозы сушеныхъ боровиковъ направляются по базарнымъ днямъ въ Кинешму. Въ нынѣшнемъ году цѣна грибу—30 коп. за фунтъ.

Когда наступаетъ грибной сезонъ, все населеніе отъ мала до велика отправляется въ лѣса. Частные владѣльцы обыкновенно пускаютъ брать грибы даромъ, казна беретъ осо-

бый сборъ по 30 коп. съ человѣка за весь сезонъ. Чтобы судить, какое огромное это дѣло, достаточно указать, что налогъ этотъ даетъ здѣсь около $^1/_2$ милліона рублей. Для русскаго государства сумма небольшая, а между тѣмъ она служитъ источникомъ множества недоразумѣній, а главное, мелкихъ притѣсненій населенія, благодаря обычнымъ у насъ формальностямъ.

О размѣрѣ заработка можно судить по слѣдующему примѣру, сообщенному мнѣ при разговорѣ въ Корниловѣ: семья состоящая изъ 9 душъ, четырехъ взрослыхъ и 5 дѣтей въ прошломъ году, когда урожай грибовъ былъ небольшой, но за то цѣны высокія, выручила за грибы въ теченіе двухъ недѣль 200 рублей. Сумма въ крестьянскомъ быту огромная.

Кромѣ традиціонной сушки грибовъ, огромное количество ихъ маринуется въ уксусѣ и разсылается по городамъ. Конечно, это производство уже выходитъ за предѣлы крестьянской предпріимчивости и имѣетъ такой-же характеръ временныхъ фабричекъ, какъ ростовскій горошекъ въ консервахъ.

Къ началу сезона являются московскіе скупщики, разбиваютъ палатки, устанавливаютъ привезенные котлы и открываютъ скупку грибовъ и отвариванія. Въ нынѣшнемъ году цѣны на сырой грибъ были открыты съ 10 коп. за фунтъ. Когда выяснился небывалый давно урожай, эти цѣны начали понижаться до 8, 5, наконецъ 3 коп., но и при этой цѣнѣ доходъ все-таки населенію огромный.

Грибы отвариваются въ уксусѣ съ перцемъ и лавровымъ листомъ, затѣмъ упаковываются въ бочки и отправляются на желѣзную дорогу. Деньги не платятся при пріемкѣ, а выдаются квитки съ расплатой въ послѣдній день сезона, при отъѣздѣ фабрикантовъ. Въ это время у палатокъ фабрикантовъ образуется цѣлый лагерь. Вмѣстѣ съ получателями денегъ являются: становой съ своимъ штабомъ, старосты, старшины и иное начальство. Тутъ-же вносятся подати. Но все-таки остается еще довольно денегъ на домашнія потребности и даже на гульбу, которая, какъ можно легко догадаться, идетъ въ это время широкая.

Въ нынѣшнемъ году, благодаря холернымъ страхамъ, потребленіе свѣжихъ грибовъ было объявлено опаснымъ. Между тѣмъ, въ успенскій постъ, кромѣ гриба, ѣсть нечего. Крестьяне нашли свое средство отъ холеры, а съ грибами не разстались.

Проѣзжая деревнями, можно было замѣтить проведенную кругомъ всего надѣла непрерывную черту косулей. Это крестьяне *опахивались* отъ холеры. Вѣра въ дѣйствительность этой межи, черезъ которую не должна переступить эпидемія, такъ велика, что, опахавшись, населеніе совершенно успокоилось и ѣло грибы безъ всякаго страха.

Переѣхавъ нѣсколько рѣчекъ, текущихъ на днѣ страшно глубокихъ овраговъ, мы свернули съ большака. Мѣстность становилась холмистѣе. Я съ любопытствомъ приглядывался къ ея геологическому характеру и ботаническимъ особенностямъ, которыя, по свидѣтельству Энгельгардта, сопровождаютъ вездѣ фосфоритныя залежи. Но никакихъ особенностей замѣтно не было. Очевидно, что верхніе слои здѣшнихъ почвъ не фосфоритнаго происхожденія, какъ въ Рославльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, гдѣ растутъ совсѣмъ другія дикія травы на поляхъ, чѣмъ вообще въ средней Россіи. Какъ оказалось потомъ изъ объясненій владѣльца завода, фосфориты здѣшніе имѣютъ иную геологическую родословную, чѣмъ фосфориты другихъ мѣстъ Россіи. Повсюду они принадлежатъ мѣловой формаціи и только здѣсь сопровождаютъ юрскую глину.

— Ну вотъ вамъ и заводъ ихній, сказалъ мой извозчикъ, когда мы спустились съ послѣдней горки къ рѣчкѣ и увидали большую водяную мельницу, пріютившуюся на красивой площадкѣ.—Вотъ это одинъ заводъ, камень молоть, а еще другой верстъ за восемь, да на Волгѣ только что большую паровую отстроили.

Осматривать безъ владѣльца было и неудобно и невѣжливо, а потому мы проѣхали прямо въ усадьбу гг. Куломзиныхъ, до которой отъ мельницы оставалось еще версты полторы.

XXXVIII.

Въ Корниловѣ у гг. Куломзиныхъ.

Сельцо Корнилово гг. Куломзиныхъ любопытно, какъ рѣдкій въ Россіи, почти исключительный образецъ устойчиваго дворянскаго землевладѣнія. Свыше, чѣмъ 250 лѣтъ состоитъ оно въ роду Куломзиныхъ. Въ архивѣ владѣльцевъ имѣется родословный актъ временъ царя Михаила Ѳедоровича, подтверждающій этотъ фактъ. Мало того: та самая мельница, на которой впервые начата размолка фосфоритовъ, существовала на томъ-же мѣстѣ и въ древнія времена, но, разумѣется, молола муку, а не камень.

Меня очень любезно принялъ одинъ изъ владѣльцевъ Корнилова и основатель фосфоритнаго дѣла, А. Н. Куломзинъ. Не располагая долгимъ временемъ, я прежде всего просилъ показать мнѣ заводъ и сообщить нужныя данныя, и едва-едва успѣлъ бросить бѣглый взглядъ на весьма интересное корниловское хозяйство, скотъ и конный заводъ гг. Куломзиныхъ.

Пока запрягали лошадей, чтобы ѣхать на обѣ дѣйствующихъ мельницы, владѣлецъ разсказалъ мнѣ въ краткихъ чертахъ исторію возникновенія дѣла и открытія фосфорита.

Фосфоритъ былъ открытъ лѣтомъ 1883 года случайно во время прогулки, недалеко отъ мельницы. Было найдено нѣсколько характерныхъ черныхъ блестящихъ камней, изъ которыхъ нѣкоторые были величиной въ дѣтскую голову. Заподозрѣвъ фосфоритъ, владѣльцы послали для изслѣдованія образцы въ Петровскую Земледѣльческую Академію и кстати показали нѣкоторымъ казеннымъ свѣтиламъ россійской геологіи. Геологи посмотрѣли, покачали головами и сказали весьма категорически, что фосфоритъ—принадлежность мѣловой формаціи, а никакъ не юрскихъ глинъ, и что поэтому камень фосфоритомъ быть не можетъ. Анализъ, произведенный лаборантомъ академіи, покойнымъ П. А. Григорьевымъ, былъ для гг. Куломзиныхъ пріятной неожиданностью. Оказалось,

что камень не только фосфоритъ, но богатѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ въ Россіи по содержанію фосфорной кислоты; ея находится въ немъ $23^1/_4$ %, что́ соотвѣтствуетъ $50^3/_4$ % фосфорнокислой извести. Остальное въ камнѣ: мѣлъ, немного органическаго вещества, и еще меньше фтористаго кальція, гипсу, сѣрнистаго желѣза и глинозема.

Два другихъ анализа, сдѣланныхъ лобарантомъ Горнаго Института П. Д. Николаевымъ, дали содержаніе фосфорной кислоты еще высшее, именно 26 и $29^1/_4$ %.

При подобномъ богатомъ составѣ камня, при огромномъ количествѣ его въ залежахъ, при множествѣ самыхъ залежей, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ Костромской губерніи и притомъ при небольшой глубинѣ залеганія, разработывать фосфоритъ во всякомъ случаѣ стоило. Но въ то время о фосфоритной мукѣ не было и разговора, опыты Энгельгардта сдѣланы еще не были, а потому пускать въ торговлю можно было фосфоритъ лишь по переработкѣ его въ суперфосфатъ. Въ этомъ смыслѣ была сдѣлана первая попытка. Нѣсколько тысячъ пудовъ камня было направлено въ Петербургъ Волгой и Маріинской системой. Благодаря неустройству послѣдней, барки не могли пройти пороговъ, зазимовали, и владѣльцы понесли крупные убытки.

Послѣ первыхъ опытовъ Энгельгардта, сдѣланныхъ надъ сравнительно, болѣе бѣднымъ мясоѣдовскимъ фосфоритомъ (Рославльскаго уѣзда, Смолен. губ.,) кто-то помѣстилъ объявленіе въ „Земледѣльческой Газетѣ“, вызывая желающихъ поставить небольшое количество фосфоритной муки. Г. Куломзинъ, у котораго имѣлся небольшой запасъ камня, принялъ эту поставку и приспособилъ наскоро свою водяную мельницу для размола фосфорита. Съ этого собственно и началось производство.

А. Н. Энгельгардту было послано для испытанія нѣкоторое количество муки, сдѣланы опыты въ собственномъ хозяйствѣ, результатъ получился превосходный, и дѣло мало-помалу совершенно окрѣпло. Вотъ цифры выработки по годамъ:

1887 — 4,239 мѣшковъ.
1888 — 10,835 „
1889 — 7,997 „
1890 — 14,258 „
1891 — 18.728 „
1892 по 1 августа 17.052,

считая мѣшокъ въ 4 пуда.

Настоящій ростъ дѣла начнется лишь съ этого года; на берегу Волги выстроенъ гг. Куломзиными и на дняхъ открываетъ работу большой паровой заводъ. До сихъ поръ работали лишь двѣ водяныхъ мельницы да маленькая паровая, построенная наскоро въ виду полной невозможности удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Эти требованія непомѣрно возросли съ выходомъ знаменитой книги Энгельгардта „Фосфориты и сидерація“, гдѣ онъ прямо указывалъ, что Куломзинская мука богаче фосфорной кислотой и соотвѣтственно своей цѣнѣ и постоянству состава дешевле всѣхъ другихъ. Былъ даже моментъ, когда заводъ не былъ въ состояніи принимать заказовъ и отъ таковыхъ приходилось отказываться, или предлагать ждать очереди довольно долгое время.

Я просилъ дать мнѣ справку о расходѣ фосфорита по губерніямъ. Эта справка можетъ указать прямо на степень культурности русскихъ хозяйствъ. Я не привожу цифръ, а только располагаю губерніи въ порядкѣ потребленія ими фосфорита. Больше всего закупила Тверская, о чемъ можно легко догадаться, припомнивъ описанную мною дѣятельность тамошняго склада съ г. Девелемъ въ главѣ. Затѣмъ идутъ:

Костромская
С.-Петербургская
Ярославская
Владимірская
Нижегородская
Московская
Лифляндская
Смоленская
Новгородская
Псковская
Тульская
Калужская.

Западный край и черноземъ въ покупкѣ фосфорита почти не участвовали. Это не значитъ, чтобы въ первомъ хозяйство не было культурнымъ. Скорѣе всего слѣдуетъ предположить, что тамошнимъ хозяевамъ доступнѣе въ смыслѣ провоза варшавскія и рижскія удобрительныя средства.

Вся исторія фосфоритнаго дѣла въ Корниловѣ представляетъ борьбу съ различными затрудненіями и необходимость все приспособливать къ дѣлу, совершенно новому въ Россіи, не знающему никакого предшествующаго опыта, ни выработанныхъ пріемовъ, ни установившихся традицій. Начиная отъ качества жернововъ и ситъ и кончая желѣзнодорожными тарифами, вездѣ приходилось устраивать все заново, нужно было искать дороги и хлопотать на свой рискъ и страхъ. Теперь, благодаря работамъ А. Н. Куломзина и К. Д. Мясоѣдова, фосфоритное дѣло стало очень прочно, и новымъ предпринимателямъ разчищена и выровнена дорога. Тѣмъ съ большею признательностью приходится отнестись къ первымъ піонерамъ этого дѣла, въ которомъ А. Н. Энгельгардтъ видитъ справедливо залогъ возрожденія и свѣтлой будущности русскаго сельскаго хозяйства.

Лошади были поданы и мы тронулись на заводы.

XXXIX.

На фосфоритной мельницѣ.

Начали мы осмотръ съ той самой мельницы, которая на своемъ теперешнемъ мѣстѣ молола хлѣбъ еще во времена царя Михаила Ѳедоровича, а можетъ быть, и ранѣе.

На небольшой площадкѣ размѣщены: груды наваленнаго въ запасъ камня, обжигательная печь, мельница и жилье для „директора“. Директоромъ именуется простой мужичокъ пріятнаго и солиднаго вида, не только до тонкости изучившій всѣ условія производства фосфоритной муки и сортировки привозимаго камня, но усвоившій „отъ господъ“ даже

большое количество геологическихъ терминовъ. Онъ-же—„хранитель музея", т. е. различныхъ любопытныхъ кусковъ камня, представляющихъ окаменѣлости костей и пр. Этотъ музей, впрочемъ, систематически опустошается любителями. Пріѣхалъ, напримѣръ, я посмотрѣть заводъ:

— А ну-те ка, принесите изъ вашего музея образцы получше, говоритъ владѣлецъ.

Рѣдкости увозятся. Директоръ начинаетъ ихъ собирать вновь и т. д. до новаго нашествія.

Сортировка камня—вещь крайне серьезная. Въ тѣсной зависимости отъ нея стоитъ процентное содержаніе фосфорной кислоты въ мукѣ. Объ анализахъ я скажу ниже, а пока разскажу о контролѣ. Заводъ во что-бы то ни стало желаетъ удержать за собою первенство въ смыслѣ высокой добротности продукта и потому строго слѣдитъ за сортировкой. Отъ каждаго мѣшка муки отсыпается проба особой мѣрочкой. Два раза въ мѣсяцъ эти пробы, смѣшанныя вмѣстѣ, посылаются въ химическую лабораторію для анализа, и результатъ, сообщаемый по телеграфу, указываетъ прямо, какова была сортировка въ данныя двѣ недѣли. Доведя нѣсколько разъ процентное содержаніе фосфорной кислоты почти до 30%, понятно, пониженіе до 27 (средняя цифра), или до 26% (минимальная, которую гарантируютъ покупателямъ) заводъ считаетъ своего рода несчастіемъ и, съ каждымъ разомъ сортировка становится все строже и строже.

Отсортировать камень—значитъ выбрать куски чернаго фосфорита и отбросить сопровождающую породу болѣе бѣдную составомъ. Сначала сортируютъ при пріемкѣ отъ крестьянъ, затѣмъ при нагрузкѣ въ печь, затѣмъ при разборѣ печи, гдѣ порода измѣняется въ цвѣтѣ, и, наконецъ, при поступленіи на толчею. При этихъ условіяхъ понятно, что содержаніе фосфорной кислоты будетъ держаться на своемъ максимумѣ (только два раза въ пять лѣтъ отдѣльные анализы показали 25%), но за то вмѣстѣ съ отбросомъ пропадаетъ и много фосфоритнаго камня, грудами накопляющагося около печи и мельницы.

— Неужели-же не стоитъ переработать эти отбросы и выпустить на продажу низшій сортъ муки подешевле? спрашиваю я.

— Можетъ быть, и стоитъ, но это только усложнило-бы дѣло. И затѣмъ очень дешевле эта мука все-таки не будетъ. Слишкомъ много въ пудѣ фосфорита накладныхъ расходовъ при сравнительно небольшой его цѣнности.

Сложенный въ запасъ фосфоритный камень поступаетъ въ обыкновенную обжигательную печь, по устройству похожую на кирпичную, съ тою лишь разницею, что въ массу накаленнаго камня пропускается струя воды оказывающая одновременно дѣйствіе химическое, разлагая углекислоту, и физическое, дѣлая обожженный камень болѣе рыхлымъ и слѣдовательно легче размалываемымъ.

Обожженный и остывшій камень поступаетъ въ нижнее отдѣленіе мельницы—на толчею. Толчея обыкновенная, состоящая изъ массивныхъ деревянныхъ брусьевъ съ чугунными башмаками на концахъ, входящими въ чугунныя-же коробки. На горизонтальномъ валу насажены деревянные кулаки, поднимающіе песты одинъ за другимъ и съ трескомъ ихъ роняющіе внизъ. У пестовъ находятся рабочіе, подкидывающіе подъ нихъ камень, и поворачивающіе его желѣзными палками въ промежуткахъ между ударами.

Толчея раскалываетъ камень на крупку, кусочки около $^1/_4$ вершка, проскакивающіе сквозь наклонно поставленное сито, на которое выбрасывается содержимое коробки, раздробленное пестомъ. Крупка поступаетъ подъ жернова.

Жернова обыкновенныхъ мельничныхъ поставовъ и на обыкновенномъ ходу, но сдѣланы изъ самаго твердаго гранита. Не одну партію жернововъ пришлось перемѣнить, пока остановились на необходимомъ типѣ. Обыкновенные мягкіе камни никуда не годятся. Они даютъ тоже хорошую муку, но стираются чуть-ли не въ нѣсколько дней.

Размолотый камень поступаетъ на цилиндрическія сита, по одному у каждаго постава, и просѣивается.

Тонкость размола въ фосфоритномъ дѣлѣ играетъ огром-

ную роль. Нужно, чтобы мука была совершенно пылеобразна. Только мельчайше раздробленныя частицы разлагаются быстро подъ вліяніемъ химической работы влаги, атмосферы и корней растенія. Крупно размолотый фосфоритъ не годится никуда. Поэтому былъ установленъ съ одобренія А. Н. Энгельгардта типъ сита съ мельчайшими отверстіями, дающаго почти неизмѣримаго объема пыль. Разумѣется, вслѣдствіе этого сильно замедляется работа, такъ какъ не прошедшіе черезъ сито кусочки возвращаются снова подъ жернова, и это повторяется много разъ, но за то продуктъ получается такой, что разсѣвать его можно лишь въ совершенно тихую погоду.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ недоразумѣніи, вкравшемся у Энгельгардта. Куломзинскіе кинешемскіе фосфориты представляютъ крупные, чистые куски окаменѣлостей однороднаго состава, отлично растирающіеся въ пыль. Рославльскіе и другіе фосфориты представляютъ часто зерна кварцеваго песку только связанные въ породу фосфоритнымъ цементомъ. Энгельгардтъ требуетъ, чтобы фосфоритъ былъ обращенъ въ пыль, но считаетъ излишнимъ тонкій размолъ кварца. Это требованіе очень справедливое, но къ несчастію, совершенно неосуществимое. Ни одна мельница ничего подобнаго сдѣлать не можетъ. Если крупныя зерна кварца не будутъ растерты, то и цементъ останется въ кусочкахъ ровной съ ними величины. Поэтому заводы работающіе на такихъ фосфоритахъ, волей-неволей осуждены растирать и кварцъ, если не найдутъ способа выдѣлять его инымъ какимъ-нибудь путемъ.

Просѣянный сквозь сито фосфоритъ насыпается по отдѣленіи пробъ въ мѣшки по 4 пуда въ каждый, мѣшки эти зашиваются, пломбируются и пускаются въ продажу. Въ Кинешмѣ имѣется у завода собственный складъ, откуда товаръ и направляется заказчикамъ по Волгѣ, или желѣзными дорогами.

Въ противуположность другимъ химическимъ удобреніямъ, напримѣръ, суперфосфату, чилійской селитрѣ, каинитy и т. п. фос-

форитъ представляетъ весьма прочный и удобный для перевозки и храненія продуктъ. Онъ не содержитъ въ себѣ никакихъ ѣдкихъ веществъ, мѣшка не портитъ, не сырѣетъ и не мѣняется годами ни въ сухомъ, ни въ сыромъ мѣстѣ. Поэтому его можно пріобрѣтать за много времени до разсыпки, и храненіе не представляетъ никакихъ затрудненій.

XL.

На фосфоритныхъ залежахъ.

Осмотрѣвъ первую мельницу, мы поѣхали верстъ за 7, гдѣ А. Н. Куломзинъ обѣщалъ показать мнѣ образецъ фосфоритной залежи, а также работу еще на двухъ фосфоритныхъ мельницахъ: водяной и паровой.

Снова выѣхали на большую дорогу, проѣхали версты четыре и свернули въ овражистую мѣстность, спускаясь все ниже и ниже, пока не показалась маленькая рѣчка, площадка около нея и на площадкѣ обѣ мельницы рядомъ другъ съ другомъ.

— Вотъ на этой горкѣ мы отыскали первый фосфоритъ. А вотъ кстати и залежь, которая сейчасъ не разрабатывается. Она на нашей землѣ и чѣмъ разрабатывать самимъ, пока что̀ выгоднѣе покупать готовый камень, сказалъ А. Н. Куломзинъ.

Мы вышли изъ коляски и подошли къ продолговатой ямѣ, вырытой на склонѣ довольно глубокаго оврага. Нагорная стѣнка ямы была обнажена и стояла отвѣсно. На глубинѣ приблизительно аршинъ четырехъ отъ поверхности земли, на этой стѣнкѣ можно было замѣтить, какъ кончался слой верхняго сѣроватаго грунта, подъ которымъ лежалъ нетолстый пластъ фосфоритныхъ кругляковъ, а ниже, непосредственно подъ нимъ начинался мощный пластъ темно-желтой, почти коричневой юрской глины.

По дну ямы были разбросаны мелкіе куски почти чернаго

фосфорита и обломки сопровождающихъ его породъ. Все это было перемѣшано съ глиной и слегка поросло травой. Неподалеку было видно нѣсколько совершенно такихъ-же ямъ.

Разработка залежи очень проста. Роютъ яму до обнаженія фосфорита, затѣмъ камень выбираютъ и увозятъ, а новую землю сбрасываютъ въ истощенную яму. Фосфоритный камень отправляется на пріемку, гдѣ его сортируютъ и принимаютъ, вымѣряя особымъ ящикомъ въ 1 кубическій аршинъ вмѣстимости.

Залежей этихъ открыто на обоихъ берегахъ Волги, около Кинешмы и въ уѣздѣ, довольно большое количество самими крестьянами, пріобрѣтшими здѣсь правильный заработокъ. Открытая залежь обыкновенно заявляется гг. Куломзинымъ, тѣ входятъ въ соглашеніе съ тѣмъ сельскимъ обществомъ, чья земля подъ залежью, уплачиваютъ имъ съ кубической сажени добытаго камня (сначала 2, теперь до $2^1/_2$ и 3 руб.), и залежь начинаютъ разработывать, конечно издѣльно, чаще всего тѣ-же самые крестьяне. Копаютъ камень, возятъ его иногда за 10—12 верстъ и сдаютъ на мельницу сортировщику. Тамъ сваливаютъ его большими кучами, и онъ остается въ видѣ запаса ждать очереди.

Когда дѣло приняло болѣе широкіе размѣры, цѣны за аренду залежей и поаршинная плата за камень, разумѣется, начали возрастать, тѣмъ болѣе, что заводу, въ виду развитія дѣла, было необходимо имѣть всегда большіе запасы фосфорита. Въ населеніи проявились стремленія къ прижимкамъ. Быстро устроилось нѣчто въ родѣ стачки, чтобы повысить цѣну на камень. А такъ какъ требовательность крестьянъ переходила всякія границы и грозила остановить работу на заводѣ, т. е. оставить мельницу безъ камня (о повышеніи цѣнъ на фосфоритную муку гг. Куломзины не хотѣли и слышать), то пришлось отыскать залежь довольно далеко, добыть нѣкоторое количество камня самимъ и подвезти по Волгѣ. Когда населеніе увидало, что монополіи устроить ему не удастся, цѣны сразу приняли нормальный размѣръ (40—50 руб. за кубическую сажень), и съ тѣхъ поръ держатся твердо.

Чтобы понять, какое значеніе въ крестьянскомъ быту этой мѣстности получилъ фосфоритный заработокъ, надо прежде всего принять во вниманіе, что и камень, и выработанная мука представляютъ вещества имѣющія большой вѣсъ при малой цѣнности. Если считать среднюю рыночную цѣну мѣшка въ 4 пуда на мѣстѣ въ 90 к.—1 рубль, то крестьянскіе заработки войдутъ въ эту цифру огромнымъ процентомъ.

По разсчету, любезно сообщенному мнѣ владѣльцемъ, въ стоимости 1 пуда муки ($22^1/_2$—25 к.) заключается.

Копка и возка камня	5.— к.
Рабочая сила	4. $_{27}$ »
Ремонтъ мельницы	1. $_{41}$ »
Мѣшки	3. $_{01}$ »
Аренда залежей	1. $_{44}$ »
Возка муки	2. $_{27}$ »
Итого	17, $_{40}$ к.

Или на 4-пудовый мѣшокъ 69, $_{60}$ коп., т. е. отъ $^7/_9$ до $^7/_{10}$ всей стоимости. Остальное составляютъ: подати, проценты и погашеніе на капиталъ, страхованіе построекъ и рабочихъ (у гг. Куломзиныхъ всѣ рабочіе застрахованы на болѣзнь и смерть), лабораторія, сита, администрація и объявленія. Сюда-же входитъ и чистый доходъ владѣльца, о чемъ скажу ниже.

Такимъ образомъ, напримѣръ, въ 1891 году изъ общаго валового расхода въ 20 тыс. рублей, на руки населенію поступило отъ 14 до 15 тысячъ. Между тѣмъ, дѣло можно считать лишь въ самомъ началѣ. Въ нынѣшнемъ году открыта гг. Куломзиными новая большая паровая мельница на Волгѣ, работающая 175 мѣшковъ въ день и соотвѣтственно заработокъ населенія долженъ возрасти.

Двѣ небольшихъ мельницы—вторая водяная и рядомъ паровая съ локомобильчикомъ силъ въ 5, толчеею и 1 поставомъ ничего любопытнаго не представляютъ. Работа идетъ совершенно такъ-же, какъ и на первой, посѣщенной нами мель-

ницѣ. Нѣкоторая разница есть лишь въ устройствѣ обжигательной печи.

Вывозъ фосфоритной муки съ мельницы на станцію желѣзной дороги и Волгу, представляя другой превосходный заработокъ населенію, служитъ для завода источникомъ нѣкоторыхъ затрудненій. Требованія на муку настолько велики, что собственные „склады“ въ Кинешмѣ—лишь фигуральное выраженіе. Это не склады, а просто передаточные пункты, ибо фосфориту сколько ни намелютъ, едва-едва успѣютъ сдать покупателямъ. Разумѣется, будь его въ самомъ дѣлѣ серьезные запасы на складахъ, можно-бы и воздержаться отъ возки съ мельницъ въ Кинешму въ то время, когда у крестьянъ страдныя работы. Но пока этихъ запасовъ, не смотря на большое производство, сдѣлать все не удается и потому приходится возить фосфоритъ и въ жниво, и въ покосъ, переплачивая, разумѣется, вдвое и притомъ безъ особой пользы для крестьянъ.

Самъ собою напрашивался у меня вопросъ, который на обратномъ пути я и предложилъ владѣльцу:

— Повидимому, дѣло у васъ идетъ прекрасно. Но вѣдь фосфоритнаго камня здѣсь видимо-невидимо. Вѣдь въ виду такого огромнаго спроса на муку, можетъ основаться около васъ много заводовъ, и тогда ваше дѣло пострадаетъ....?

А. Н. Куломзинъ отвѣчалъ:

— Вмѣсто всякихъ разсужденій я лучше всего покажу вамъ мои торговыя книги. Наше производство поставлено такъ, что конкуренціи не боится.

— Это любопытно. Чѣмъ-же это достигается? Установившеюся репутаціей фирмы?

— Отчасти. А главное тѣмъ, что объявленныя нами цѣны на муку чрезвычайно низки; наши гг. капиталисты, охотно берущіеся за дѣла, дающія 30 и 40% на капиталъ, за это дѣло, можно думать, не возьмутся.

— Но неужели-же дѣло не даетъ дохода? А мы издали увѣрены всѣ, что вы тутъ деньги лопатами гребете...

— Вотъ именно, чтобы васъ въ этомъ разувѣрить, я и хочу показать вамъ наши книги.

Я взглянулъ на моего собесѣдника съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, то, что̀ сейчасъ высказалъ г. Куломзинъ, совершенно противорѣчитъ всѣмъ нашимъ понятіямъ о вновь возникшей промышленности. Обыкновенно въ Россіи начинается новое дѣло, и первый предприниматель наживаетъ милліоны. Затѣмъ, когда дорога проторена, на готовые барыши бросаются другіе, создается широкая конкуренція, барыши понижаются, и дѣло спускается къ обычному уровню. Тутъ не то.

Посмотримъ, посмотримъ.

XLI.

Финансовая сторона фосфоритнаго дѣла.

— Вы все хвалите... Неужели все то, что̀ вы описываете, такъ уже хорошо и совершенно поставлено? Нѣкоторые дѣятели выходятъ у васъ совсѣмъ ангелами, или святыми... Неужели они таковы и въ дѣйствительности?..

Это я услыхалъ отъ одного изъ самыхъ скептически-настроенныхъ читателей. Можетъ-быть, такъ-же думаютъ и другіе, а потому да простится мнѣ нѣсколько строкъ pro domo sua.

Во-первыхъ, я хвалю не все, а только то, что̀, по моей же мотивировкѣ, на основаніи безпристрастно собранныхъ данныхъ, достойно похвалы. Во-вторыхъ, вѣдь я-же и ѣзжу преимущественно туда только, гдѣ дѣло идетъ хорошо, гдѣ есть чему поучиться и чѣмъ можно, съ русской точки зрѣнія, погордиться. Мы такъ усердно занимались самоосуждаемъ, что это, совершенно законное мое желаніе, найти и показать въ Россіи кое-что̀ хорошее, является чѣмъ-то неловкимъ. Каюсь, я не оттѣнилъ до сихъ поръ, что все видѣнное мною вовсе не даетъ *общей картины* русской культуры и русскаго благополучія. Наоборотъ, совсѣмъ наоборотъ! Это маленькія свѣтлыя точки на общемъ весьма и весьма темномъ фо-

нѣ. На одного, дѣйствительно крупнаго и серьезнаго знатока скотоводства, какъ Верещагинъ, приходятся сотни совершенно блажныхъ господъ, кулаковъ, шарлатановъ, или аферистовъ. На одного Энгельгардта цѣлыя тысячи помѣщиковъ не хозяйничающихъ, а только „болтающихъ землю“, или уродующихъ надъ мужиками. Но что-же изъ этого? Слишкомъ большое вниманіе, оказанное этому элементу въ послѣднія полвѣка обличительною литературою, не оправдываетъ-ли нѣкоторой моей односторонности въ противуположномъ смыслѣ?

Вотъ живой примѣръ: о гг. Куломзиныхъ и ихъ дѣлѣ я не имѣлъ ровно никакого представленія. Пріѣзжаю, вижу, что дѣло идетъ успѣшно, бойко, прочно. Но вотъ раскрываютъ они свои торговыя книги. Съ первыхъ-же цифръ бросается въ глаза совершенно неправильная въ торговомъ смыслѣ постановка финансовой стороны дѣла. Изслѣдую пристальнѣе, оказывается своеобразный идеализмъ, ставящій основную идею дѣла выше и дороже всякихъ могущихъ получиться убытковъ.

Какъ прикажете къ этому отнестись?

При отличной продажѣ фосфорита, при заводѣ, не успѣвающемъ исполнять заказы и постоянно расширяемомъ, картина финансовыхъ оборотовъ представляется слѣдующая (выписываю съ разрѣшенія владѣльца):

1887	годъ.	Чистый доходъ. . .	25	р.	20 к.
1888	„	Убытокъ	4,573	„	77 „
1889	„	„	810	„	70 „
1890	„	Доходъ	5,978	„	78 „
1891	„	„	3,549	„	67 „

Суммируя эти цифры по кассѣ, получаемъ:

При общемъ доходѣ въ 9,553 р. 65 к. получился за 5 лѣтъ избытокъ дохода надъ убытками 4,163 р. 17 к. Раздѣливъ эту цифру на 56,057 мѣшковъ, получимъ доходъ съ мѣшка $9^1/_2$ к., или съ пуда муки $2^1/_4$ коп.

Заработокъ крайне умѣренный, представляющій около 10% со стоимости товара. Но эта бухгалтерія совершенно фиктив-

ная. Какъ оказывается, въ цифру расхода не включены вовсе: администрація подъ тѣмъ предлогомъ, что г. Нестеровъ, управляющій заводомъ, завѣдуетъ одновременно и экономическимъ хозяйствомъ. Убытокъ отъ обращенія мельницы изъ мукомольной въ фосфоритную, изображающій потерю экономіи въ 350 р. въ годъ, или 1,400 р. за четыре года. Проценты на деньги, затраченныя въ покупку камня. Страхованіе и погашеніе построекъ. Содержаніе приказчика въ Кинешмѣ и, наконецъ, свой лѣсъ на ремонтъ и постройки. Подати также не считались вплоть до тѣхъ поръ, пока потребовалось взять гильдію (кстати: химическіе заводы отъ этого налога избавлены, а вновь возникшее въ Россіи, крайне важное фосфоритное дѣло обложено). Когда мы начали все это высчитывать и исправлять преувеличенную цифру дохода, оказалось, что такового нѣтъ совсѣмъ, а остается даже небольшой дефицитъ.

Любопытны послѣдовавшія объясненія:

— Во-первыхъ, дороже цѣнъ на муку назначать было нельзя. Во-вторыхъ, такая низкая доходность спасаетъ отъ конкуренціи. Никто не станетъ затрачивать въ это дѣло капиталовъ. Въ-третьихъ, при быстромъ развитіи дѣла, вслѣдствіе дешевизны муки, производство неминуемо приметъ огромные размѣры, и тогда при массовой работѣ доходъ непремѣнно останется.

Я былъ сильно разочарованъ, такъ какъ вся цѣль моего изслѣдованія книгъ была: узнать, можетъ-ли со временемъ еще удешевиться фосфоритная мука.

— Вы сами видите, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Скорѣе обратно, потому что цѣны за копку и возку постоянно возвышаются. Мы будемъ избѣгать этого до послѣдней крайности. Наша цѣль—удержать дѣло въ нашихъ рукахъ какъ можно дольше, чтобы сюда не ворвалась спекуляція и не скомпрометтировала производства раньше, чѣмъ оно окрѣпнетъ.

— Да вѣдь спекуляціи здѣсь нечего дѣлать?

— Какъ нечего? Представьте себѣ, что будутъ перемалы-

вать камень безъ всякой сортировки и анализа. Фосфоритъ и фосфоритъ, а сколько въ немъ % фосфоритной кислоты, неизвѣстно. Подите, анализуйте! Разумѣется, такая мука можетъ быть намного дешевле. Но сколько нарвется неопытныхъ людей, и какъ пострадаетъ серіозное дѣло! Я уже не говорю про прямую фальсификацію.

— Я думаю, что это только на первыхъ порахъ. Въ концѣ концовъ это будетъ выигрышъ для васъ-же. Фальсификацію, или низко-пробную муку разоблачатъ, и ваша фирма только отъ этого выиграетъ.

— Да, вы правы. Но пока у насъ нѣтъ правильной государственной охраны земледѣлія и вообще потребителя противъ суррогатовъ, нашъ способъ устраненія конкуренціи будетъ пожалуй наилучшій.

— Разумѣется. Но тогда, значитъ, вы работаете только ради идеи?

— Нѣтъ, будетъ, *вѣроятно*, и доходъ.

Какъ прикажете отнестись къ подобнымъ взглядамъ и къ подобному предпріятію?

Гг. Куломзинымъ принадлежитъ еще одна заслуга въ области фосфоритнаго дѣла—это удешевленіе перевозки туковъ вообще по желѣзнымъ дорогамъ. Дѣло это прошло, благодаря поддержкѣ, оказанной ходатайству Корниловскаго завода нынѣшнимъ министромъ Финансовъ. Теперь перевозка фосфорита поставлена совершенно правильно, именно, вмѣсто прежнихъ $^1/_{18}$—$^1/_{24}$, а на нѣкоторыхъ дорогахъ даже $^1/_8$ съ пуда и версты, установлены однообразные тарифы на слѣдующихъ началахъ:

При попудныхъ перевозкахъ $^1/_{65}$ съ пуда и версты. При повагонныхъ на разстояніи до 400 верстъ $^1/_{65}$, до 1200 верстъ $^1/_{80}$ и свыше 1800 верстъ $^1/_{120}$ коп. съ пуда и версты. При этомъ тарифѣ провозъ фосфорита даже очень дальній не увеличиваетъ чрезмѣрно его стоимости, и этотъ драгоцѣнный тукъ становится вполнѣ доступнымъ. Какъ жаль, что такіе-же тарифы не примѣняются и къ земледѣльческимъ орудіямъ! Какъ-бы двинулось въ Россіи ихъ производство,

еслибы плуги и вѣялки, вмѣсто нынѣшняго перваго и второго разряда тарифа, возились бы по $^1/_{65}$ съ пуда и хотя $^1/_{80}$ повагонно! Какъ и на фосфоритѣ, желѣзныя дороги не потеряли-бы здѣсь ровно ничего, ибо если пудъ фосфорита породитъ грузъ для желѣзной дороги въ видѣ хлѣба, напримѣръ, 10—12 пудовъ, то пудъ желѣза въ плугѣ создастъ, можетъ быть, 50 пудовъ груза.

Я распрощался съ любезными хозяевами, унося самое свѣтлое, самое радостное впечатлѣніе отъ этой поѣздки. Судя по блестящимъ результатамъ примѣненія фосфоритовъ, по крайней мѣрѣ, въ нечерноземной полосѣ, можно предсказать дѣлу гг. Куломзиныхъ широкую будущность. Много-ли они наживутъ на этомъ, вопросъ особый, отвѣтить на который боишься и задаваться, но если основателемъ дѣла и принесенъ даромъ только свой личный трудъ, то и это огромная заслуга. Попади фосфоритное дѣло въ руки настоящихъ промышленниковъ, не согрѣтыхъ идей пользы родинѣ, оно не развилось-бы такъ; случилось это только вслѣдствіе минимальной назначенной цѣны, благодаря которой, хотя заработокъ владѣльцевъ и свелся къ нулю, но фосфоритъ сталъ доступенъ хозяевамъ. Къ настоящему моменту они успѣли уже его узнать и оцѣнить. А. Н. Энгельгардтъ справедливо считаетъ открытіе прямого дѣйствія фосфорита на хлѣба эпохой для русскаго хозяйства. Пусть-же съ этимъ возрожденіемъ будутъ связаны трудъ и имена тѣхъ, кто умѣли честно и безкорыстно ему послужить.

XLII.

У Н. Д. Вердеревскаго.

Мнѣ хочется разсказать теперь объ одной изъ самыхъ симпатичныхъ отраслей русскаго хозяйства, съ которою я познакомился при содѣйствіи одного изъ самыхъ симпатичныхъ дѣятелей изъ всѣхъ мною въ эту поѣздку встрѣченныхъ.

Я говорю про пчеловодство вообще и въ частности про петербургскую пасѣку Николая Дмитріевича Вердеревскаго, котораго я только что посѣтилъ.

Жаркій іюльскій день. На потолкѣ невской конки объявленіе: „Пчеловодный музей и образцовая пасѣка. Каменноостровскій проспектъ, д. № 30“.

Хорошо, что сдѣлано это объявленіе. Хорошо, что оно попалось на глаза. Иначе можно быть двадцать разъ въ Аквaріумѣ (почти стѣна со стѣной съ пасѣкой) и не подозрѣвать о существованіи въ нѣсколькихъ шагахъ милаго учрежденія вмѣстѣ съ милымъ его владѣльцемъ.

Веселенькій небольшой домикъ со скромной вывѣской. 30 коп. за входъ. Вѣшалки внизу и повыше, разсчитанныя человѣкъ на сто—увы!—совсѣмъ пусты. Книга билетовъ едва въ началѣ, а музей открытъ уже два мѣсяца. Разумѣется, но одного здѣшняго посѣтителя въ Акваріумѣ приходится больше сотни.

Входимъ. Встрѣчаетъ благообразный старецъ высокаго роста съ длинной сѣдой бородой и умными, кроткими, ласкающими глазами. Это самъ директоръ музея и владѣлецъ пасѣки, Николай Дмитріевичъ Вердеревскій. Съ величайшей предупредительностію обводитъ онъ посѣтителей по маленькимъ заламъ своего музея, наполненнаго всевозможными орудіями пчеловодства, ульями, рамками, инструментами, коллекціями.

Сразу бросается въ глаза отсутствіе казенщины, создающей во всѣхъ нашихъ музеяхъ своеобразную мертвенную атмосферу. Музей очень небольшой, но обойдя его и выслушавъ объясненія Н. Д-ча, вы выносите убѣжденіе, что здѣсь не поставлено ни одного лишняго, или безполезнаго предмета, и наоборотъ, на всякій вашъ вопросъ въ области практики (а эта практика теперь очень далеко ушла!) вамъ дадутъ самый обстоятельный отвѣтъ и непремѣнно покажутъ вещь, орудіе, микроскопическій препаратъ или, въ крайнемъ случаѣ, рисунокъ относящійся къ вопросу.

Музей распланированъ такъ, что можно самымъ основательнымъ образомъ ознакомиться съ пчеловодствомъ, начи-

ная отъ его литературы, продолжая устройствомъ современной пасѣки со всѣми ея новѣйшими приспособленіями, жизнью и работой пчелъ и кончая медомъ, воскомъ, ихъ торговлей и продуктами.

Описывать такой музей въ подробностяхъ значило-бы писать полный курсъ пчеловодства. Мнѣ хочется попытаться поэтому въ самомъ бѣгломъ очеркѣ хотя-бы только упомянуть о новѣйшихъ успѣхахъ этого симпатичнаго дѣла. Кстати-же въ саду при музеѣ работаютъ, пользуясь лѣтней чудной погодой и разцвѣтомъ петербургскихъ липъ, до 70 пчелиныхъ семействъ. Отворите дверь, и васъ обдастъ веселое жужжанье милыхъ насѣкомыхъ, цѣлыми тучами вьющихся въ воздухѣ, словно сердящихся на докучный стукъ плотничныхъ топоровъ, раздающійся неподалеку въ Акваріумѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какое странное, какое необычное и для пчелъ и для Акваріума сосѣдство! Хорошо еще, что можно было размежеваться хоть во времени: пчеламъ яркій солнечный свѣтъ дня, Акваріуму и его осамъ и трутнямъ ночь.

Прежде всего нѣсколько словъ о самомъ Н. Д. Вердеревскомъ, пчеловодѣ хотя и случайномъ, какъ все у насъ въ Россіи, но тѣмъ не менѣе видномъ въ эту минуту дѣятелѣ въ своей отрасли.

Николай Дмитріевичъ—тамбовскій помѣщикъ, по службѣ сначала военный, затѣмъ мировой посредникъ перваго призыва. Послѣ освобожденія и окончанія поземельнаго устройства крестьянъ онъ переселился въ Петербургскую губернію, гдѣ въ Лужскомъ уѣздѣ у него также было имѣніе. Здѣсь онъ служилъ еще девять лѣтъ мировымъ судьей.

Посвятилъ себя Н. Д—чъ пчеловодству случайно, заинтересовавшись этимъ дѣломъ послѣ знакомства съ выдающимся нашимъ пчеловодомъ, наслѣдникомъ и ученикомъ Бутлерова. Г. П. Кандратьевымъ, режиссеромъ русской оперы. Г. Кандратьевъ познакомилъ Вердеревскаго съ покойнымъ А. Н. Бутлеровымъ, и это знакомство сразу-же рѣшило направленіе всей дальнѣйшей дѣятельности Н. Д—ча. Онъ сталъ страстнымъ пчеловодомъ. Подъ руководствомъ Бутлерова и

Кандратьева была имъ устроена въ своемъ имѣніи Междуозерьи большая образцовая пасѣка, и въ скоромъ времени, безпрерывно читая, учась и работая на практикѣ, Н. Д—чъ сталъ выдающимся спеціалистомъ.

Но такъ ужь устроенъ русскій человѣкъ, что, увлекшись чѣмъ-нибудь, не можетъ остановиться на полу-дорогѣ, ни тѣмъ паче удовлетвориться личными успѣхами. Свободный отъ всякой другой службы, Н. Д. Вердеревскій рѣшилъ посвятить остатокъ своей жизни пропагандѣ раціональнаго пчеловодства въ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, за послѣднее время эта отрасль находится въ полномъ упадкѣ.

Началъ свою новую дѣятельность г. Вердеревскій основаніемъ въ Петербургѣ практическаго учебнаго музея и образцовой пасѣки (перевезенной имъ сюда изъ имѣнія). Мѣсто было выбрано на Каменномъ островѣ, спланировано, расчищено, отдѣланъ домикъ подъ музей, и хозяйство началось.

Теперь я передамъ слово самому Н. Д—чу.

— Дѣло идетъ недурно. Я не могу похвалиться числомъ посѣтителей, но за то тѣ, кто бываетъ, дѣйствительно интересуются дѣломъ. Больше всего польщенъ я милостивымъ вниманіемъ Государя. Онъ осматривалъ на выставкѣ моихъ пчелъ и коллекціи, изволилъ пробовать мои меды и подробно разспрашивалъ.

— А какъ отнеслось къ вамъ наше сельскохозяйственное начальство? спросилъ я.

— Хорошо, конечно, хотя они нѣсколько недовольны вывѣской: зачѣмъ, говорятъ, называть ваше учрежденіе „музеемъ“, когда есть казенный Сельскохозяйственный Музей? Но и кромѣ спеціальнаго вѣдомства мнѣ удалось заинтересовать многихъ вліятельныхъ лицъ. Спрашиваютъ меня, какъ я смотрю на поднятіе пчеловодства въ Россіи? Я отвѣчалъ, что лучше всего могли бы послужить этому дѣлу сельскіе священники, а затѣмъ увольняемые въ запасъ нижніе чины. Мнѣ любезно предложили оповѣстить первыхъ черезъ „Церковныя Вѣдомости“, а для послѣднихъ я рекомендовалъ отпечатать краткое популярное руководство по пчеловодству,

чтобы дарить эту книжку увольняемымъ въ запасъ. Мысль эта также понравилась и мнѣ обѣщали содѣйствіе.

— Начало прекрасное! воскликнулъ я.

— Вотъ я и началъ дѣйствовать. У меня, знаете, словно крылья выросли. Напечатали краткое воззваніе къ сельскимъ батюшкамъ, да забылъ я, грѣшнымъ дѣломъ, попросить указать, что на отвѣтъ нужна марка, вѣдь дѣло, вы понимаете?—безъ всякихъ капиталовъ начато. Начинаются письма: въ два мѣсяца получено ихъ четырнадцать тысячъ и изъ нихъ около пяти тысячъ нефранкированныхъ. Вообразите этотъ ужасъ: нѣсколько огромныхъ корзинъ! Около семи сотъ рублей однѣхъ доплатъ почтальонамъ! Успѣхъ равносильный большому пораженію. Какъ я на все это отвѣчу? Ну, ничего, справимся какъ-нибудь!..

— А книжку издали?

— Нѣтъ еще. Тутъ курьезъ получился въ другомъ родѣ. Явилось недоразумѣніе, на какія суммы издавать книгу. Поискали, оказалось, что на этотъ предметъ имѣется давно не расходовавшійся особый фондъ въ министерствѣ Государственныхъ Имуществъ. Но чтобы воспользоваться этимъ фондомъ, необходимъ, разумѣется, просмотръ и одобреніе книги ученымъ комитетомъ министерства. Тѣ понять не могутъ сути дѣла и спрашиваютъ меня, какъ-же разсматривать книгу, еще не написанную? Я отвѣчаю, что здѣсь важно рѣшить дѣло въ принципѣ, а написать книжку недолго. Долго водили меня по разнымъ канцеляріямъ, и вотъ въ этомъ фазисѣ и обрѣтается дѣло. А мнѣ никакой возможности нѣтъ засѣсть за работу. Мои всѣ 24 часа заняты перепиской, организаціей дѣла, разными торговыми комиссіями по меду, словомъ, хоть разорвись.

— Это какія-же торговыя комиссіи?

— Да какъ-же? Вѣдь мой музей не только учебное, но и коммерческое, вѣрнѣе, посредническое дѣло. Какая будущность пчеловодства, когда лучшій медъ не могутъ у насъ сбыть дороже 4 р. за пудъ, а за обыкновенный напросишься 2 рубля? Я вхожу въ сношенія съ владѣльцами пасѣкъ и продаю ихъ медъ. Это огромная работа. А кромѣ того курсы.

— У васъ и курсы?

— Я читаю практическое пчеловодство съ демонстраціями на пасѣкѣ. Курсъ три недѣли, причемъ ученики должны ознакомиться со всѣми пріемами на пасѣкѣ. Плата за это установлена 5 рублей. Я думаю, что это недорого.

— Сколько-же нашлось желающихъ?

— Прослушало полный курсъ 19 человѣкъ. Нѣсколько питомцевъ Воспитательнаго Дома было командировано почетнымъ опекуномъ, генераломъ Зуровымъ. Тѣмъ я сбавилъ до 3 руб. за курсъ. А осенью предполагаю читать практическое садоводство и обучать желающихъ прививкѣ.

— Прививка, конечно, будетъ не на настоящихъ дичкахъ?

— Разумѣется. Пока обучатся, будутъ прививать на свѣжихъ осиновыхъ прутикахъ. А затѣмъ достанемъ и дичковъ.

Николай Дмитріевичъ показалъ мнѣ подробно свой музей и затѣмъ мы прошли на пасѣку.

XLIII.

На образцовой пасѣкѣ.

Пасѣка представляетъ небольшой четырехугольный дворъ съ крытою галлереей вокругъ. Посреднѣ нѣсколько кустиковъ и небольшія плантаціи медоносныхъ растеній, имѣющія по своимъ ничтожнымъ размѣрамъ только демонстративный характеръ. Дворикъ уставленъ ульями и притомъ довольно тѣсно, воздухъ наполненъ пчелами.

Николай Дмитріевичъ замѣтилъ мое колебаніе при выходѣ.

— Вы, кажется, стѣсняетесь? Вы боитесь пчелъ?

— Немножко. Вы, какъ пчеловодъ, разумѣется, ходите безъ сѣтки. Но я-бы предпочелъ...

— Полноте! Идите за мной и не бойтесь ничего. Отвѣчаю вамъ Богъ знаетъ чѣмъ, если васъ ужалитъ хоть одна пчела. Во-первыхъ, большинство семей у меня кавказскія, незлобныя, во-вторыхъ пчела никогда не жалитъ безъ край-

ности, т. е. не будучи разсержена. Пожалуйте за мной.

Нечего дѣлать, какъ ни жутко было безъ привычки, пришлось повиноваться, разъ человѣкъ такъ ручается. Однако, нужно было пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ, пока не освоился. Пчелы летали мимо самаго лица во всевозможныхъ направленіяхъ, а нѣкоторыя съ тонкимъ жужжаніемъ подолгу кружились около самаго носа и глазъ, словно изучая.

— Пожалуйста, позабудьте о нихъ совсѣмъ, успокоивалъ Н. Д-чъ.—Не обращайте вниманія и не дѣлайте никакихъ рѣзкихъ движеній. Не пугайтесь, даже если пчела сядетъ вамъ на руку, или на лицо. Посидитъ и улетитъ. Вѣрьте-же мнѣ, что у этой милой мухи нѣтъ никакихъ дурныхъ намѣреній.

Съ этими словами г. Вердеревскій вынулъ осторожно пчелу, запутавшуюся у него въ бородѣ, положилъ ее двумя пальцами на ладонь и слегка погладилъ по спинкѣ:

— Лети, матушка, лети!..

Мы прошли подъ навѣсъ. Въ разныхъ мѣстахъ были установлены такъ называемые учебные, или наблюдательные улейки. Это крошечная пчелиная семья съ маткою и полнымъ хозяйствомъ, помѣщенная въ узенькомъ ящикѣ, толщиною всего въ одинъ сотъ, между двумя параллельными стеклами. Длинный крытый летокъ выводитъ наружу. Въ улейкѣ нѣтъ ни одного угла, который нельзя было бы осмотрѣть, а потому, открывъ ставни, можно во всякую минуту видѣть во всѣхъ подробностяхъ работу пчелъ и матки. Здѣсь въ миніатюрѣ есть все: и складываніе меда, и выводъ червы и выводъ, если нужно, новой матки. Да и научиться быстро и безошибочно узнавать матку въ кучѣ пчелъ начинающій пчеловодъ можетъ только въ этомъ учебномъ ящикѣ. Когда придется ему видѣть матку въ настоящемъ ульѣ? Да и разыскивать ее тамъ—значитъ всегда безпокоить пчелъ. А между тѣмъ матку нужно умѣть отличать съ перваго взгляда даже среди шевелящихся десятковъ тысячъ пчелъ.

— Скажите мнѣ, обратился ко мнѣ Н. Д—чъ, что васъ больше всего интересуетъ? Я васъ такъ и поведу, такъ и показывать буду.

— Мнѣ хотѣлось-бы ознакомиться съ успѣхами новѣйшаго, раціональнаго пчеловодства. О пчелахъ я имѣю нѣкоторое понятіе отчасти по естественной исторіи, отчасти изъ нашей деревенской практики. Съ настоящимъ, научнымъ пчеловодствомъ не знакомъ вовсе.

— Вотъ это по крайней мѣрѣ ясно. Такъ вотъ: раціональное пчеловодство состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи точныхъ наблюденій надъ жизнью и работой пчелъ, создать для пчелы такія условія, при которыхъ она давала-бы наибольшую производительность и наибольшій доходъ. Поэтому нужна высокая техника и мудрая хозяйственная распорядительность. Наука пчеловодства стоитъ теперь настолько высоко, что всѣ главные вопросы, можно сказать, уже порѣшены и практика безусловно освѣщена.

Самое первое и главное—жилье для пчелъ, улей. Теперь уже не можетъ быть и рѣчи о какихъ-бы то ни было ульяхъ, кромѣ рамочныхъ. Въ старыхъ дупляникахъ вы не хозяинъ. Тамъ пчелы дѣлаютъ, что онѣ хотятъ, здѣсь—что вы ихъ заставите. Хотите роевъ—заставляйте ихъ выводить черву. Хотите меда—не давайте имъ роиться. Все это совершенно въ вашей власти.

— У васъ, я вижу, много разнообразныхъ ульевъ. Какой считается наилучшимъ?

— Я лично сторонникъ американскаго улья Лангстрота. Вы его видѣли въ музеѣ. Пойдемте, я покажу вамъ его съ пчелами.

Николай Дмитріевичъ подвелъ меня къ красивому большому улью съ крышкой въ видѣ домика.

— Всѣ новѣйшіе ульи удовлетворяютъ болѣе, или менѣе, слѣдующимъ требованіямъ: внизу гнѣздо, т. е. рамки, гдѣ живутъ матка и пчелы. Гнѣздо это по желанію сокращается и расширяется. Надъ гнѣздомъ магазинъ, т. е. мѣсто, гдѣ пчелы откладываютъ медъ въ запасъ. Объемъ магазина долженъ также измѣняться. Далѣе. Осмотръ улья долженъ быть быстрый и легкій. Каждая рамка должна выниматься и переставляться самостоятельно и быстро, не безпокоя пчелъ.

Иначе пасѣчникъ не въ состоянiи будетъ справиться съ большимъ числомъ семей. Затѣмъ, понятно, улей долженъ быть плотный, теплый, хорошо защищенный отъ сквозного вѣтра, мышей, излишняго солнечнаго жара и т. п.

Николай Дмитрiевичъ снялъ крышку съ улья и, взявъ курилку, изображавшую желѣзный цилиндръ, наполненный тлѣющими гнилушками съ носикомъ впереди и маленькимъ мѣхомъ сзади, и, дѣйствуя мѣхомъ, пустилъ въ улей нѣсколько струекъ мягкаго ароматнаго дыма. Пчелы зашумѣли, многiя вылетѣли и начали кружиться около пасъ. Съ непривычки было совсѣмъ неловко.

— Пожалуйста, не обращайте вниманiя! Станьте сюда поближе...

Н. Д—чъ установилъ меня лицомъ какъ разъ надъ раскрытымъ ульемъ.

— Зачѣмъ вы подкуриваете? Для того, чтобы выгнать пчелъ?

— Нѣтъ. Онѣ останутся. Подкуриваю для того, чтобы ихъ усмирить. Когда по улью стучатъ, или пускаютъ въ него дымъ, пчелы воображаютъ, что на нихъ нападаютъ и бросаются какъ можно скорѣй забирать изъ сотовъ медъ. Онѣ наполняются медомъ, брюшко ихъ отпячивается назадъ, онѣ тяжелѣютъ и не могутъ жалить. Вотъ смотрите:

Николай Дмитрiевичъ опустилъ голыя руки въ магазинъ, вынулъ изъ середины за два плечика рамку и подалъ ее мнѣ. На рамкѣ во всю ея величину былъ натянутъ сотъ, въ верхней части наполненный медомъ, еще не запечатаннымъ. На соту растерянно ползали во всѣхъ направленiяхъ сотни двѣ пчелъ.

— Держите!

Нечего дѣлать, пришлось держать тоже голыми руками.

— Каждая рамка можетъ быть такимъ образомъ вынута и осмотрѣна. Если соты полны, а взятокъ хорошiй, пчелы работаютъ очень быстро. Тогда магазинъ нужно осматривать почаще, медъ отбирать, а пчеламъ ставить пустые соты. При правильномъ хозяйствѣ можетъ быть въ двѣ-три недѣли собрано огромное количество меда.

Н. Д—чъ вставилъ рамку на мѣсто и снялъ весь магазинъ, четырехугольный ящикъ безъ пола и потолка, составляющій второй этажъ улья.

— Вотъ вамъ гнѣздо. Оно устроено совершенно такъ-же какъ и магазинъ. Ящикъ и въ немъ рамки.

Снова опустивъ руку, мой учитель вынулъ рамку, наполненную наполовину медомъ и пергой, т. е. растительной бѣлковой пищею для личинокъ (собираемой изъ цвѣточной пыли), наполовину червой, т. е. выведшимися въ видѣ червячковъ молодыми пчелками. Часть ячеекъ съ червой была запечатана. Тамъ личинки уже закоконировались въ куколокъ.

— Отъ пчеловода зависитъ количество червы, а также ея качество. Матка кладетъ яички безпрерывно, если есть свободное мѣсто. Откройте все гнѣздо съ запасомъ пустыхъ сотовъ. Она его все занесетъ. Пчелы займутся выводомъ червы въ ущербъ сбору меда и численность улья такъ возрастетъ, что рой будетъ выходить за роемъ. Но меда будетъ мало. Убавляйте гнѣздо. Пчелы будутъ заносить медомъ магазинъ, а червы будетъ выводиться лишь настолько, чтобы поддерживать силу улья.

— А матка не можетъ занести яичками магазинъ?

— Она туда вообще не ходитъ. Но, разумѣется, если вы черезчуръ стѣсните червленіе, она пойдетъ и въ магазинъ. Для предупрежденія этого между магазиномъ и гнѣздомъ вставляютъ иногда особый цинковый листъ съ дырочками, такого размѣра, при которомъ могутъ пройти рабочія пчелы и не можетъ пройти матка.

Рамки въ магазинѣ двухъ родовъ: обыкновенныя для такъ называемаго спускного меда, т. е. отдѣленнаго отъ воска и для меда сотоваго. Для послѣдняго устанавливаются небольшія квадратныя рамочки, которыя, по наполненіи ихъ медомъ, вѣсятъ ровно фунтъ и поступаютъ въ продажу совсѣмъ съ оболочкой. Такой медъ имѣетъ необыкновенно чистый и изящный видъ, отлично выдерживаетъ перевозку и поступаетъ къ покупателю, не испытавъ ни одного прикосновенія человѣческой руки.

Дно въ ульѣ Лангстрота отъемное, очень удобное какъ для чистки, такъ и для подкармливанія пчелъ. Стóитъ такой улей въ мастерской г. Вердеревскаго 8 руб.

XLIV.

Условія раціональнаго пчеловодства.

Въ углу пасѣки на особыхъ вѣсахъ помѣщался такъ называемый *контрольный улей*, необходимая принадлежность каждой раціональной пасѣки. Такъ какъ дѣятельность пчелъ во всѣхъ ульяхъ довольно однообразна, то по взвѣшиванію этого контрольнаго улья можно вѣрно судить объ успѣшности ежедневной работы пчелъ.

Въ этотъ день пасѣка была особенно оживлена. Въ Петербургѣ разцвѣли липы и пчелы г. Вердеревскаго работали на славу. Контрольный улей показывалъ прибыль меда около 11 фунтовъ въ день.

Съ прекращеніемъ, или перерывомъ взятка, пчелы не только ничего не приносятъ, но потребляютъ уже запасенный медъ и сидятъ безъ дѣла. Чтобы не тратить дорогаго продукта, хозяева считаютъ выгоднымъ ихъ въ это время подкармливать готовыми сахаристыми веществами, напримѣръ сахарнымъ пескомъ. Пчелы набрасываются на все сладкое, даже на разрѣзанныя фрукты и овощи, заключающія въ себѣ сахаръ.

Этимъ между прочимъ злоупотребляютъ на нѣкоторыхъ спекулятивныхъ пасѣкахъ, заставляя пчелъ заниматься фальсификаціей.

Праздное время для пчелъ, какъ и праздность у людей, вызываетъ дурные инстинкты. При невниманіи пчеловода на пасѣкѣ развивается хищничество. Пчелы сильнаго улья нападаютъ на слабый, убиваютъ его пчелъ и воруютъ медъ. Это воровство, если ему дать развиться и не пресѣчь въ самомъ началѣ, можетъ стать эпидемическимъ и погубить всю пасѣку. Пчелы *развратятся*. Лучшее средство—немедленно

изолировать оба улья и нападающій и грабимый. Помогаетъ также взаимная ихъ перестановка.

Настоящее раціональное пчеловодство началось съ того момента, когда были разрѣшены три основныхъ вопроса: о научно построенномъ ульѣ я уже говорилъ, теперь остается сказать объ искусственной вощинѣ и искусственномъ роеніи.

Искусственная вощина—предметъ едва-ли не самый важный. Она облегчаетъ въ огромной степени работу пчелъ, мало того, позволяетъ пчеловоду вполнѣ управлять этою работой.

— Чтобы выработать фунтъ воска, говорилъ Н. Д. Вердеревскій, пчелы должны затратить отъ 10 до 16 фунтовъ меда и кромѣ того терять время, такъ какъ воскъ изъ меда вырабатывается медленно. Можетъ случиться, что пока пчелы будутъ строить соты, главный взятокъ уже кончится. При правильномъ опорожненіи сотовъ вощина можетъ служить неопредѣленно долгое время. Сотъ для меда то-же, что мѣшокъ для хлѣба. Затѣмъ при рамочномъ ульѣ крайне важно, чтобы пчелы вытягивали соты совершенно правильно. Иначе не будетъ возможности вынуть рамку. Поэтому новому рою даются обыкновенно рамки съ натянутой искусственной вощиной. Я вамъ ее покажу.

Н. Д. Вердеревскій провелъ меня въ матеріальную комнатку при пасѣкѣ и показалъ образцы искусственной вощины. Это отпрессованная пластинка изъ воска, состоящая изъ сплошныхъ рядовъ маленькихъ шестигранныхъ ямочекъ. Она представляетъ раздѣлительную стѣнку сота. Пчелы садятся на нее съ обѣихъ сторонъ и на готовомъ основаніи, изъ готоваго матеріала начинаютъ *вытягивать* стѣнки. Сотъ всегда строится сверху внизъ и въ строго вертикальномъ направленіи, ячейки идутъ почти горизонтально, съ легкимъ уклономъ кверху. Рамка отъ рамки разставлена такъ, чтобы по окончаніи стѣнокъ сота оставался свободный проходъ для пчелъ. Вощина натягивается иногда на верхней половинѣ, иногда на всей рамкѣ. Работа пчелъ идетъ съ огромной быстротой и на другой день можетъ уже начаться отложеніе меда.

Приготовляется искусственная вощина, или прокатывая отлитыя пластинки воска между особыми металлическими вальцами (приборъ довольно дорогой), или на такъ называемыхъ *вафельницахъ* т. е. на металлическихъ одна другую покрывающихъ граненыхъ доскахъ. Для мелкихъ пчеловодовъ выгоднѣе покупать вощину готовую съ особыхъ заводовъ, или большихъ пасѣкъ.

Искусственная вощина имѣетъ и другое, очень важное значеніе. Ячейки сотовъ имѣютъ два размѣра: трутневыя крупнѣе, медоносныя, онѣ-же и для вывода рабочихъ пчелъ—мельче. Матка кладетъ яички произвольно—трутневыя, или пчелиныя. Но она не можетъ положить трутневаго яичка въ пчелиную ячейку и обратно. Между тѣмъ, пчелы имѣютъ наклонность строить болѣе трутневыхъ ячеекъ, чѣмъ нужно и этимъ самымъ заставляютъ матку расплодать свыше потребности праздное населеніе улья, очень прожорливое. Искусственная вощина дѣлается только по расчету на пчелиныя ячейки. Ими занимается большая часть пространства улья, и для вывода трутней остается лишь ограниченное мѣсто.

Иногда трутневую вощину по-просту вырѣзаютъ.

Такимъ образомъ пчеловодъ вполнѣ управляетъ жизнью пчелъ и отнимаетъ у нихъ возможность всякой непроизводительной работы.

Третьимъ важнымъ вопросомъ вполнѣ разрѣшеннымъ новѣйшей пчеловодной наукой является искуственное роеніе.

При роеніи естественномъ пчеловоду предстоятъ большія хлопоты, и все, такъ сказать, идетъ помимо него. Въ ульѣ идетъ жестокая борьба, тратятся напрасно силы, и останавливается работа иногда во время самаго обильнаго взятка, улетѣвшій рой надобно ловить, сажать, слѣдующіе рои могутъ ослабить семью и т. д.

Искуственное роеніе позволяетъ продѣлывать всякія операціи надъ составомъ пчелиной семьи. Во всякое время сильный рой можетъ быть раздѣленъ на два, два слабыхъ соединены въ одинъ, матки отняты, перемѣнены, замѣнены, сло-

вомъ, пчеловодъ обращается съ пчелами такъ-же произвольно, какъ со стадомъ скота.

Опишу со словъ Николая Дмитріевича одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ способовъ отвода роя. Замѣтимъ для ясности что пчелы, лишенныя матки, могутъ вывести себѣ новую, если у нихъ есть пчелиная дѣтка, т. е. червячки рабочихъ пчелъ еще не закоконировавшіеся. Для этого пчелы, выбравъ одну такую личинку, расширяютъ ей мѣсто, выламывая стѣнки сосѣднихъ ячеекъ, и начинаютъ ее лучше кормить (рабочая пчела—самка есть въ сущности та-же матка, но недоразвившаяся, съ искуственно атрофированною половою жизнью). Замѣтимъ еще, что въ ульѣ рабочія пчелы дѣлятся на старыхъ и молодыхъ. Послѣднія еще изъ улья не летали, и главное ихъ занятіе—уходъ за червою, тогда какъ старыя носятъ медъ и пергу.

Пчеловодъ беретъ сильный улей въ то время, когда рабочихъ пчелъ въ большинствѣ нѣтъ дома. Онъ выгоняетъ большую часть остающихся, заарестовываетъ матку и эту новую семью сажаетъ въ новый улей, который ставитъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ старый улей. Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ пасѣки беретъ другой сильный улей, уноситъ его на новое мѣсто, а на его мѣсто ставитъ первый улей. Получается слѣдующее:

Въ первомъ (молодомъ) роѣ, которому дадутъ нѣсколько сотовъ съ дѣткою и запасомъ меда, возвратившіяся съ работы пчелы найдутъ матку и дѣтку, и работа закинитъ.

Во второмъ (старомъ, перемѣщенномъ на новое мѣсто): вернувшіяся съ поля пчелы будутъ очень удивлены, не найдя матки и множества молодыхъ пчелъ. Но соты въ порядкѣ, и дѣтка есть. Онѣ сейчасъ-же выведутъ себѣ молодую матку.

Въ третьемъ (отнесенномъ) окажется сильная убыль пчелъ переселившихся во второй улей, но въ немъ много молодыхъ, матка, а потому хозяйство быстро возстановится.

Производятъ искусственное роеніе и еще проще: въ новый, пустой улей ставятъ нѣсколько сотовъ съ дѣткою, сажаютъ въ него плодную матку и ставятъ, опять-же въ рабочее время, на

мѣсто стараго сильнаго улья, который относятъ подальше, или, что́ еще лучше, увозятъ на новую пасѣку. Пчелы вернутся съ работы, найдутъ матку и черву и сейчасъ-же присоединятся къ новой семьѣ.

Соединяются пчелы изъ нѣсколькихъ семей въ одну очень легко, если спокойная жизнь и работа *нарушена*, пчелы *перепуганы*, или *осиротѣли*. Въ спокойное-же время онѣ узнаютъ пчелъ чужихъ семей по запаху и убиваютъ при первой попыткѣ проникнуть въ ихъ жилье. Поэтому при сводкѣ ихъ окропляютъ обыкновенно чѣмъ-нибудь пахучимъ, напримѣръ, мелиссою.

XLV.

Кавказскія пчелы. Медъ и меды.

Чтобы покончить съ пасѣкою и музеемъ Н. Д. Вердеревскаго, мнѣ остается упомянуть о замѣнѣ простыхъ сѣрыхъ пчелъ незлобными кавказскими и о нѣкоторыхъ другихъ деталяхъ пчеловоднаго дѣла.

На Кавказѣ уже давно была открыта разновидность пчелъ, отличающаяся чрезвычайнымъ незлобіемъ. И по трудолюбію, и по всѣмъ прочимъ качествамъ эта порода является наилучшею и оставляетъ далеко за собою даже прославившуюся въ Европѣ и Америкѣ пчелу итальянскую.

Но какъ получить съ Кавказа семью пчелъ этой породы? Какъ предохранить ихъ отъ скрещиванія съ простыми? Научное пчеловодство выяснило прекрасно этотъ вопросъ, а личное вниманіе Государя къ этому милому предмету позволяетъ въ настоящее время обзавестись Кавказскими пчелами безъ всякихъ хлопотъ и за ничтожную плату (3—5 р. матка).

Чтобы завести Кавказскихъ пчелъ, вовсе не нужно выписывать цѣлаго улья. Достаточно получить плодную матку.

Дѣло въ томъ, что періодъ любви во всю жизнь пчелиной царицы занимаетъ одинъ лишь моментъ, послѣ чего въ про-

долженіе трехъ, или четырехъ лѣтъ она безпрерывно кладетъ яйца въ совершенной безопасности отъ всякаго скрещиванія. Съ другой стороны, жизнь обыкновенной рабочей пчелы и трутня очень непродолжительна. Въ теченіи года составъ всей семьи измѣняется и ни одна изъ перезимовавшихъ пчелъ не доживаетъ до новой зимовки.

Такимъ образомъ улей, въ которомъ обыкновенная матка отнята и замѣнена кавказскою, напримѣръ, среди лѣта, къ концу слѣдующаго года будетъ заключать въ себѣ однѣхъ лишь кавказскихъ пчелъ и трутней.

Выводъ кавказскихъ матокъ для продажи производится въ большихъ размѣрахъ уже на нѣсколькихъ русскихъ пасѣкахъ, между прочимъ и у г. Вердеревскаго. Для этой цѣли отдѣляется въ особый маленькій улеекъ, характерно называемый „мученикомъ", небольшая семья кавказскихъ пчелъ, у которой имѣется полное хозяйство, но отъ которой отнимается матка послѣ вылета съ трутнями и оплодотворенія. Пчелы тотчасъ же начинаютъ выводить другую матку, а первая поступаетъ въ продажу. Операція эта въ лѣто повторяется разъ пять, затѣмъ совершенно обезсилѣвшій къ своемъ вѣчномъ стремленіи къ самостоятельности улеекъ присоединяется подъ осень къ другой семьѣ.

Пересылка матокъ совершается по почтѣ слѣдующимъ образомъ: берется толстая доска, и на ней высверливаются ямки дюйма полтора въ діаметрѣ и около дюйма въ глубину. Ямки эти располагаются попарно, а снаружи продѣлываются тонкимъ сверломъ отверстія для вентилляціи. Между парными ямками устраивается проходъ для пчелъ.

Одна изъ парныхъ ямокъ набивается плотно смѣсью спускнаго меда съ сахарнымъ пескомъ, въ другую сажаютъ матку со свитой изъ 12—15 пчелъ и заколачиваютъ сверху проволочной рѣшеткой. Затѣмъ все обвертывается кисеей, обвязывается шнуркомъ и сдается на почту. По Высочайшему повелѣнію почта эту посылку не только перевозитъ безплатно, но и безплатно-же доставляетъ на домъ адресату, заботясь, разумѣется, чтобы въ дорогѣ съ посылкой не обра-

щались такъ, какъ съ остальными, т. е. не швыряли коекакъ и не сваливали въ кучу.

Подобное путешествіе можетъ благополучно продолжаться до 15 дней.

Меня интересовало дальнѣйшее обращеніе съ медомъ по вынутіи его изъ улья, и Н. Д. Вердеревскій провелъ меня обратно въ музей, чтобы показать употребляемыя для извлеченія меда изъ сотовъ новѣйшія центрофуги.

Центрофуга—это вертикально стоящій прочный цилиндръ изъ бѣлаго желѣза. Внизу у него сдѣланъ кранъ для выпуска меда, а посрединѣ на вертикальной оси, приводимой въ быстрое движеніе рукояткой съ двумя коническими шестернями, насажены въ видѣ крыльевъ два проволочныхъ ящика.

Вынутый изъ улья запечатанный сотъ *вскрывъ*, т. е. срѣзавъ ножомъ крышечки ячеекъ, опускаютъ вмѣстѣ съ рамкой въ одинъ изъ проволочныхъ ящиковъ и начинаютъ быстро вращать. Вслѣдствіе центробѣжной силы медъ изъ одной половины сота съ силой выбрызгивается на стѣнки и стекаетъ внизъ. Окончивъ одну сторону сота, вскрываютъ слѣдующую и выбрызгиваютъ ее тѣмъ-же порядкомъ.

На рамкѣ остается чистый пустой и совершенно неповрежденный сотъ, который и идетъ обратно въ улей. Крышечки перетапливаются и идутъ на приготовленіе искусственной вощины. На воскъ, нужный для торговли при раціональномъ пчеловодствѣ, можно обращать лишь очень старые выходящіе изъ употребленія соты, иногда совершенно черные.

Спущенный медъ сливается обыкновенно въ бочки, или иную посуду, гдѣ, послѣ нѣкотораго стоянья, засахаривается, обращаясь въ кашицеобразное вещество, въ этомъ видѣ особенно удобное для фальсификаціи.

— Не лежитъ-ли въ производствѣ меда нѣкотораго внутренняго недоразумѣнія? спрашиваю у Н. Д. Вердеревскаго.—Можетъ-ли медъ конкурировать съ сахаромъ?

— Живой примѣръ — Америка. Тамъ огромное производство меда и огромное потребленіе. Медъ чрезвычайно здоро-

вое лакомство. Это прямо цѣлебное вещество отъ очень многихъ болѣзней. У насъ его не употребляютъ попросту отъ непривычки и неимѣнія подъ руками, а между тѣмъ, русскій народъ большой любитель меда. Наконецъ вездѣ, гдѣ идетъ сахаръ, не исключая и вареній, медъ лучше. Я уже и не говорю про такую прелесть, какъ старинные наши меды. Можетъ-ли какое-нибудь дессертное вино сравниться по вкусу и букету со старымъ медомъ? Вотъ неугодно-ли попробовать?

Въ первой комнатѣ музея въ особомъ шкафчикѣ было собрано множество образцовъ медовъ, большею частью польскихъ. Цѣны были проставлены весьма почтенныя, ибо товаръ крайне рѣдкій и потому дорогой, но за то и самые напитки представляли нѣчто поистинѣ безподобное. Старый сорокалѣтній медъ, котораго мы роспили $^1/_8$ бутылки, былъ похожъ внѣшними качествами на старое Токайское, но куда-же лучше его!

— Я досталъ старинные рецепты и теперь пробую самъ варить медъ, замѣтилъ Николай Дмитріевичъ. Пока что́ удачно. Разумѣется, медъ молодой, и поэтому ничего отъ него не требуйте.

Попробовали—оказался весьма недурной напитокъ.

— Дѣйствіе меда на организмъ, говорилъ Н. Д—чъ совершенно такое-же, какъ и дѣйствіе старыхъ благородныхъ винъ. Сначала перестаютъ служить ноги, затѣмъ голова. И между тѣмъ, послѣ даже цѣлой проведенной въ попойкѣ почи голова не болитъ и не чувствуется ни малѣйшей тяжести, а самое пиршество не вызываетъ ни въ комъ ни раздраженія, ни злобы. Охмѣлѣвшій отъ меда совсѣмъ не то, что охмѣлѣвшій отъ водки, или виноградныхъ винъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ легкихъ сортовъ,—а изъ дессертныхъ только одного Токая.

Показалъ мнѣ Николай Дмитріевичъ нѣсколько любопытныхъ мелкихъ новинокъ: шкафъ для храненія до 300 пудовъ меда въ сотахъ (размѣромъ съ большой буфетъ), американское зеркало, посредствомъ котораго улетающій рой можетъ

быть моментально остановленъ и спущенъ на ближайшее дерево, или кустъ (достаточно навести такъ наз. „зайчика"), остроумный приборъ для снятія высоко сметавшагося роя, состоящій изъ желѣзнаго кружка и нѣсколькихъ висящихъ по окружности черныхъ шерстяныхъ шнурковъ, точно опредѣленнаго діаметра и на точно опредѣленныхъ разстояніяхъ, и многое другое. Провожая меня, г. Вердеревскій горячо совѣтовалъ завести пасѣку:

— Кромѣ наслажденія, которое ни съ чѣмъ сравнить нельзя, могу васъ увѣрить, что получите прекрасный доходъ, если мѣстность мало-мальски пригодна для пчеловодства и обѣщаетъ какой-нибудь взятокъ. Я вамъ лучше скажу: я стараюсь поставить дѣло на практическую почву и вотъ что предлагаю хозяевамъ. Пусть заводятъ пасѣку, опять-же, конечно, въ подходящихъ мѣстахъ. Если будетъ 200 ульевъ, я беру на себя отсюда управленіе этой пасѣкой и гарантирую 7% на капиталъ. И пчеловода найду, и медъ продамъ, и въ барышахъ буду.

Въ заключеніе Н. Д—чъ рекомендовалъ мнѣ для полнаго ознакомленія съ дѣломъ прочесть только что вышедшую подъ редакціей г. Кандратьева книгу Лангстрота „Пчела и Улей", имѣющуюся въ музеѣ, а также у Девріена и другихъ книгопродавцевъ. Это сводъ наблюденій и полный курсъ теоретическаго пчеловодства, изложенный основателемъ этого дѣла въ Америкѣ Лангстротомъ.

Я прочелъ эту книгу, отъ которой рѣшительно нельзя оторваться, пока не кончишь, и смѣло рекомендую ее интересующимся.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора V
Нѣсколько словъ о путешествіяхъ по Россіи . . 1

Путевыя письма:

I. У А. Н. Энгельгардта 12
II. Батищевскіе опыты 18
III. Энгельгардтовская многопольная система. 23
IV. Европейское хозяйство 28
V. Крестьянское травосѣяніе въ Сычевкахъ. 33
VI. Клеверъ и водка 38
VII. У Н. В. Верещагина 43
VIII. Едимоновская школа 49
IX. Молочная лабораторія и ея задачи . . 55
X. Корова-барыня и корова-кормилица . . 60
XI. Тверской Отдѣлъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и его начинанія. 65
XII. Въ складѣ у М. В. Девеля 70
XIII. Шелководство Покровской Общины . . 76
XIV. Московскій Комитетъ Шелководства и его „Труды“. 82
XV. На купчей землѣ. 87
XVI. Хозяйство зажиточнаго Смоленца. . . 93
XVII. Что́ долженъ-бы дѣлать Крестьянскій Банкъ? 100

Стр.

XVIII. Русская Бельгія 104
XIX. Село Угодичи и его культура 110
XX. Порѣчьскій горошекъ 115
XXI. Консервное дѣло въ Порѣчьѣ 121
XXII. Семибратовскій коровій и каплуній промыселъ. 128
XXIII. Льняное дѣло и его нужды 133
XXIV. У Н. П. Сабанѣева. 138
XXV. Американскій огородъ. 144
XXVI. Крестьянская вѣялка 148
XXVII. На плужномъ заводѣ Ганьшина . . . 152
XXVIII. Русская Голландія 156
XXIX. У грязовецкихъ льноводовъ 162
XXX. Троицкіе телятники. 167
XXXI. Вязниковское садоводство. 171
XXXII. На плантаціи г. Мыльникова 174
XXXIII. Германъ Гётце и его заведеніе. . . . 178
XXXIV. Мочка льна по гётцевскому способу . . 182
XXXV. Механическая обработка льна 185
XXXVI. Разговоръ съ предсѣдателемъ управы . 189
XXXVII. Грибное царство. 194
XXXVIII. Въ Корниловѣ у гг. Куломзиныхъ . . 197
XXXIX. На фосфоритной мельницѣ 200
XL. На фосфоритныхъ залежахъ 204
XLI. Финансовая сторона фосфоритнаго дѣла. 208
XLII. У Н. Д. Вердеревскаго. 212
XLIII. На образцовой пасѣкѣ. 217
XLIV. Условія раціональнаго пчеловодства . . 222
XLV. Кавказскія пчелы. Медъ и Меды . . . 226

Сочиненія С. Ѳ. Шарапова.

Изданіе „Русско-Славянскаго книжнаго склада“ К. Ю. Геруцъ и К°, въ Петербургѣ

КНИГА ПЕРВАЯ.

Вмѣсто предисловія. Отрывокъ изъ письма къ „Рцы“. **Церковные вопросы:** Г. Кояловичъ о католичествѣ.—Славянская католическая обѣдня.—Сербскій голосъ о г. Вл. Соловьевѣ.—„Русская идея“ (по поводу брошюры „L'idée russe“ г. Вл. Соловьева).—Къ статьѣ г. Кирѣева о вселенскомъ соборѣ.—900-лѣтіе крещенія Руси. I—III.—Митрополитъ Кіевскій Платонъ и старообрядцы. I—II.—Старокатолики, или новоправославные?—Обезпеченіе духовенства. I—II.—По поводу греко-болгарской церковной распри.—Игуменъ Макарій (Сушкинъ).—**Публичныя рѣчи:** Рѣчь на литературномъ конгрессѣ въ Парижѣ въ возраженіе Виктору Гюго.—Рѣчь на парижскомъ конгрессѣ о правахъ женщины.—Рѣчь о промышленной конкуренціи Лодзи и Сосновицъ съ Москвою.—Рѣчь при погребеніи И. С. Аксакова.—На могилѣ И. С. Аксакова (1886—1887) I—II.—Рѣчь на юбилейномъ торжествѣ Д. А. Славянскаго.—Рѣчь на обѣдѣ нижегородскаго ярмарочнаго купечества.—Рѣчь при погребеніи М. Н. Каткова.—Рѣчь при погребеніи Н. П. Гилярова-Платонова.—Защитительная рѣчь въ дѣлѣ по обвиненію редактора „Русскаго Дѣла“ Евреями Гиршманомъ и Леви въ диффамаціи.—Рѣчь на юбилейномъ обѣдѣ А. А. Фета.—Рѣчь надъ могилой Ор. Ѳ. Миллера въ годовщину его кончины.—Защитительная рѣчь въ Московскомъ Окружномъ Судѣ по дѣлу инспектора Добровольнаго Флота, г. Вахтина.—Рѣчь о народномъ театрѣ, на публичномъ собраніи членовъ С.-Петербургскаго Общества Трезвости.—**ПУТЕШЕСТВІЯ: По Италіи. По Франціи. По русской Германіи.** I—XVIII. **По Подунавью** I. Одесса—Рени.—II. Рени—Галацъ.—III. Бухарестъ.—IV. По Дунаю въ Бѣлградъ.—**Кіевскія торжества.** I—IV.

КНИГА ВТОРАЯ.

ПУТЕШЕСТВІЯ. По Подунавью, Сербіи и Болгаріи. Болгарскіе изгнанники.—„Липованскій“ архіерей.—Избіеніе напредняковъ, I—III.—Отголоски мятежа.—Пріѣздъ митрополита Михаила.—У Захарія Стоянова.—Что дѣлается въ Болгаріи.—Желѣзнодорожный coup d'état.—„Ревизоръ“ на Сербской сценѣ.—Рѣшеніе церковнаго вопроса.—Сербскія партіи и ихъ программы, I—II.—У митрополита Михаила.—Отъ Бѣлграда до Карловцевъ.—У Свѣтозара Милетича.—У М. Полита-Десанчича. **Десять дней на Аѳонѣ.** (Двѣнадцать писемъ).—**Въ области неурожая: Нижній-Новгородъ.** У Н. М. Баранова.—Конскіе корма.—Гг. Бугровы, Блиновы, Башкировы.—Земство-Маниловъ.—Нижегородская земская статистика.—Работы для голодающихъ.—Земская взаимопомощь.—Изъ разговора съ П. П. Зубовымъ. **Казань.** Казань и ея силы.—„Механическія выкладки. — Московско-Казанская дорога. **Симбирскъ.** Симбирскъ. У С. Д. Ржевскаго. — Хозяйственный колоритъ.—Симбирская административная enquête.—**Самара.** Самарская безпомощность.—Признаки ликвидаціи. — **Саратовъ.** У А. И. Косича.—Саратовская культура и г. Урожай..—Саратовское земство и продовольственный вопросъ.—О подсолнечникѣ и колобѣ. — Саратовская программа. — На дворянскомъ собраніи. — Еще о жмыхѣ.—Грустная дилемма.—Рязанско-Козловское общество и Саратовское земство.—**Тамбовъ.** Изъ разговора съ Л. В. Дашкевичемъ. — Тамбовское земское хозяйство.—Передъ неурожаемъ.—Тамбовскія исчисленія и ходатайства.—Тамбовская мобилизація.—**Воронежъ.** Злобствующія стихіи.—Статистическая экспедиція.—Расчеты воронежскихъ земцевъ.—Изъ разговора съ Д. М. Позднякомъ.

Цѣна каждой книги 1 р. 50 коп., съ пересылкою 1 р. 75 коп. Слѣдующія книги готовятся къ печати.

S 469 .R9 S5 1893 C.1
Po russkim khozialstvam :
Stanford University Libraries
3 6105 039 845 974

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305